ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР
ИМЕНИ ЛЕНИНА

М.Ю.ЛЕРМОНТОВ

СТАТЬИ
и
МАТЕРИАЛЫ

СОЦЭКГИЗ
1939

Ш-1766

М. Ю. Лермонтов.
Акварель *Е. Тремера*. Копия с портрета маслом работы *К. А. Горбунова*. 1841 г.

Пров. 52

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

III-17666

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

ПРОВ. 2000

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

СТАТЬИ и МАТЕРИАЛЫ

1307733

ЛГИ им. А. И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1939

д-1

8(с)Р
л 49 Доб. 01

Н. Л. Бродский

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ БЛАГОРОДНЫЙ ПАНСИОН ЭПОХИ ЛЕРМОНТОВА

(ИЗ НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ГРАФА Д. А. МИЛЮТИНА)

Годы пребывания М. Ю. Лермонтова в Университетском Благородном пансионе (1828—1830) — столь же мало изученная страница в биографии поэта, как и другие периоды в его жизни. Что представляли собой его товарищи, кто были его преподаватели, какую роль играл он в литературном кружке учащихся, что вообще дал ему пансион? На все эти вопросы биографы Лермонтова до сих пор не дали исчерпывающего ответа. Архив пансиона, если только он сохранился, никем не изучался; количество мемуаров, рисующих это учебное заведение в конце 20-х годов, крайне скудно. Вот почему открытие нового материала, дополняющего наше знакомство со школьной обстановкой Лермонтова, приобретает особое значение. Глава из неизданных записок Дмитрия Алексеевича Милютина должна привлечь внимание исследователя жизни Лермонтова по многим причинам.

Д. А. Милютин (родился 28 июня 1816 г.) поступил в пансион в 1829 г., годом позже Лермонтова; был с ним знаком; Лермонтов поместил несколько стихотворений в рукописном журнале, редактором которого был Милютин. К сожалению, мемуарист не оставил портрета своего товарища; не отметил, какие именно стихотворения даны были для ученического журнала юным поэтом.

Милютин по окончании пансиона (31 октября 1832 г.) поступил на военную службу (1 марта 1833 г.). На этом поприще, в качестве военного министра, (30 августа 1860 г. был назначен товарищем военного министра, с 19 апреля 1864 по 1881 год был военным министром) приобрел репутацию крупнейшего государственного деятеля: с его именем связывается введение в 1874 г. нового устава о всеобщей воинской повинности. Боевой офицер — участник завоевания Кавказа, военный специалист Академии генерального штаба, автор капитальных работ по истории войн России (например, «История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование Павла I», в пяти томах, СПБ, 1852—1853), граф Д. А. Милютин в своих записках фиксировал внимание преимущественно на семейных делах и на событиях и людях, имевших отношение к военному делу. Политическая жизнь, литературные явления, эпизоды, глубоко волновавшие общественную мысль, ничем почти не отражены в его мемуарах. Об убийстве Пушкина, потрясшем всю страну, ни слова; о первой дуэли Лермонтова, об его ссылке, поэтических творениях, гибели на Кавказе — Милютин не обмолвился ни словом. Любопытно, что в III томе «Отечественных записок» 1839 г. оба пансионских товарища встретились: один напечатал статью о полководце Суворове, другой — стихотворения «Русалка», «Ветка Палестины», «Не верь себе». Все же в записках Д. А. Милютина Лермонтов упомянут.

В биографии Лермонтова, написанной П. А. Висковатым, сообщалось (по материалам Хохрякова), что поэт, будучи в пансионе, поместил свою поэму «Индианка» в рукописном журнале «Утренняя заря». Благодаря запискам Д. А. Милютина мы узнаем, что был еще журнал «Улей», где появились «некоторые из первых стихотворений Лермонтова»[1].

Было известно, что в пансионе еще со времен «Дружеского литературного общества», организованного В. А. Жуковским в 1801 г., литературные занятия стояли в центре интересов учащейся молодежи. На торжественных собраниях ученики выступали с чтением собственных сочинений в стихах и в прозе, участвовали в литературных кружках.

Записки Д. А. Милютина одним намеком, вскользь брошенным, раскрывают политическую окраску литературных увлечений воспитанников пансиона. Милютин вспоминал, что он знал наизусть «целые поэмы Пушкина, Жуковского, Козлова, Рылеева («Войнаровский»)». Таким образом, поэты-декабристы читались и заучивались наизусть, память о Рылееве хранилась в пансионе. И, конечно, не только поэмы Пушкина волновали подростков: стихотворения «Деревня», «Кинжал», послание к Чаадаеву, политические эпиграммы поэта декабристов ходили между ними в рукописных списках.

Друг Герцена, Т. П. Пассек, писала о тех годах, когда формировался поэт: «Каждая строка (Пушкина) летала из рук в руки; его поэмы читали в списках, твердили наизусть... «Войнаровский» и «Думы» Рылеева возбуждали дух гражданственности. Козлов переводил Байрона. Типы его героев водворялись в жизнь общества, облагораживали его и отражались в поэмах и повестях. Шиллер передавался в прелестных переводах Жуковского».

Огарев, годом старше Лермонтова, вспоминал о том же времени:

Мы были отроки...
Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам.
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих, свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.

Стихи Рылеева тайно звучали в Университетском пансионе; тетради запрещенных стихотворений Лермонтов мог получать от своих товарищей. Известное «Письмо. К другу иностранцу» («Жалоба турка»), в котором Лермонтов в 1829 г. называл свою «отчизну» краем, где «стонет человек от рабства и цепей», отражало политические настроения подростка, питавшегося вольнолюбивой поэзией Рылеева, памятью о казненных декабристах. Лермонтов в пансионе не был одинок в своих чувствах отвращения и ненависти к режиму Бенкендорфа и Дубельта. Недаром Университетский пансион считался в официальных кругах одним из рассадников вольномыслия. 17 апреля 1826 г. начальник главного штаба Дибич, предписывая флигель-адъютанту полковнику гр. Строгонову «осмотреть Московский университет и принадлежащий к нему Благородный пансион», сообщал ему: «дошло до сведения государя императора, что между воспитанниками Московского университета, а наипаче принадлежащего к оному Благородного пансиона, господствует неприличный образ мыслей». Строгонов должен был «рассмотреть в особенности:

1) Не кроется ли чего вредного для существующего порядка вещей и противного правилам гражданина и подданного в системе учебного преподавания наук?

---

[1] Н. А. Милютин писал 1833 года 3 марта к своему брату Д. А. Милютину: «Удивляюсь, зачем тебе нужен Улей; верно, ты ошибаешься и позабыл, что здесь газета, а не собрание твоих сочинений». (Архив Д. А. Милютина).

2) Каково нравственное образование юных питомцев и доказывает ли оно благонамеренность самих наставников, ибо молодые люди обыкновенно руководствуются внушаемыми от надзирателей своих правилами»[1].

Нам неизвестен отчет Строгонова, ревизовавшего Университетский пансион, но что Николай I запомнил донос и при первом же случае, когда пансион показался ему далеким от казарменных порядков кадетских корпусов, он приказал его реформировать, — это ярко документируется записками Д. А. Милютина (о чем ниже). Шеф жандармов Бенкендорф, давая в докладе царю обзор развития общественного мнения в 1830 г., сообщал: «Среди молодых людей, воспитанных за границей или иноземцами в России, а также воспитанников Лицея и Пансиона при Московском университете... встречаем многих пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России»[2].

Записки Д. А. Милютина живо рисуют преподавательский персонал пансиона. Особое место занимал проф. Д. М. Перевощиков, оказавший громадное влияние на Д. А. Милютина в деле развития его умственных способностей. Влечение к математическим наукам с необычайной энергией поддерживал в юных пансионерах этот замечательный ученый того времени. Приятель Д. А. Милютина, И. П. Шенгелидзев, вынужденный проводить время на кондициях в провинции у одного помещика, восторженно вспоминал об уроках своего учителя: «Как счастлив ты, — писал он 17 августа 1832 г. Д. А. Милютину, — что будешь слушать у Перевощикова механику; пожалуйста в письмах твоих ко мне помещай его лекции, одолжения больше сего ты не можешь мне сделать». Надо было обладать незаурядным математическим дарованием, чтоб попасть в число тех немногих, с кем находил нужным заниматься профессор математики. Лермонтов, имевший в 4 классе высший балл по математике, при переходе в старшем классе к Д. М. Перевощикову, очевидно, находился в числе избранных. Можно думать, что в увлечении Лермонтова математикой решающую роль сыграл его пансионский учитель. Сохранился рассказ, как поэт, «одно время исключительно занимавшийся математикой, приехавши (из Петербурга) в Москву к [А. А.] Лопухину, заперся в комнату и до поздней ночи сидел над разрешением какой-то математической задачи. Не решив ее, Лермонтов, измученный, заснул. Тогда ему приснился человек, который указал ему искомое решение; проснувшись, он тотчас же написал на доске решение мелом»[3].

Любопытно, что Лермонтов хранил книгу проф. Перевощикова «Ручная математическая энциклопедия» (часть I, Арифметика) и, по рассказам товарищей, всегда заглядывал в нее, будучи юнкером в школе гвардейских подпрапорщиков.

Лермонтов не окончил Университетского пансиона, вышел из шестого класса, получив по прошению увольнение 16 апреля 1830 г. Воспоминания Н. М. Сатина, который учился вместе с Лермонтовым в пансионе[4], устанавливали причину выхода поэта из пансиона: «в 1831 году, после преобразования пансиона в Дворянский Институт (когда-нибудь поговорим и об этом замечательном факте) и введения в него р о з о г, вместе и оставили его»[5]. Неточность хронологической датировки в этом сообщении легко устранима. В «Истории Московского университета» С. Шевырева (М., 1855) читаем: «Указом 29 марта 1830 года Университетский благородный пансион преобразован в гимназию по уставу 8 декабря 1824 года на том основании, что существование пансиона с особен-

[1] «Русская старина», 1902, апрель, стр. 208.
[2] «Красный архив», т. 38, стр. 141.
[3] «Русская старина», 1887, кн. II, стр. 508.
[4] В год выхода Лермонтова из пансиона Сатин был воспитанником четвертого класса.
[5] «Почин». Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 г., М. 1895, стр. 238.

ными правами и преимуществами, дарованными ему в 1818 году, противоречило новому порядку вещей и нарушало единство системы народного просвещения, которую правительство ставило на правилах твердых и единообразных» (стр. 476). Пансион с 29 марта 1830 г. лишался «прав и преимуществ», которые заключались в том, что в зависимости от успехов оканчивающие пансион получали право на 14, 12 и 10 классы по табели о рангах, что сокращало продвижение по иерархической лестнице на службе и какового преимущества не давала гимназия. Указание Н. М. Сатина на введение р о з о г в преобразованном пансионе имело почву в исторической практике той эпохи. Д. А. Милютин перед поступлением в пансион учился с братьями в московской губернской гимназии, где, по его словам, «учителя били линейкой по пальцам, драли за уши, а некоторые даже призывали в класс сторожей с пучками розог и тут же, без дальнейших формальностей, раздевали провинившихся и пороли не на шутку».

Указ 29 марта 1830 г. вызвал такой переполох среди родителей учащихся, что министр народного просвещения должен был успокаивать их: особым отношением кн. Ливена к попечителю московского учебного округа кн. Голицыну от 11 мая 1830 г., № 3536, сообщалось, что поступившие до указа не лишались прежде дарованных им прав на приобретение 14, 12 и 10 классов при выпусках их на службу из гимназии, которая даже оставлена попрежнему заведением для пансионеров только «дворянского происхождения, — из снисхождения к дворянству, привыкшему считать бывший Пансион исключительно определенным для благородного юношества, и дабы оно тем охотнее могло отдать в гимназию детей своих».

Однако, по словам историка Университетского Благородного пансиона, Н. В. Сушкова, когда-то также обучавшегося в этом привилегированном учебном заведении, «такова была полувековая привычка и любовь к прожнему Пансиону, что, не смотря на все снисхождения кн. Ливена, многие из родителей переместили своих детей в другие, казенные и даже частные учебные заведения — и эта дворянская гимназия, по необходимости и вскоре, переименована в дворянский институт (высочайшее повеление в 22-й день февраля 1833 года), который уже в 1849 г. опять назван гимназией» [1].

Записки Д. А. Милютина раскрывают причину появления высочайшего указа 29 марта 1830 г. о преобразовании пансиона: Николай I остался недоволен «духом» пансиона, пришел в бешенство при посещении пансиона, где ему не было оказано надлежащих почестей. Д. А. Милютин, писавший свои мемуары спустя шестьдесят лет после пребывания в пансионе, допустил хронологическую неточность, отнеся роковое посещение царем пансиона к осени 1830 г. Известно, что Николай I приехал в Москву, объятую холерной эпидемией, 29 сентября 1830 года. По словам Д. А. Милютина, император тогда же посетил пансион: «это было первое царское посещение». Ошибочное утверждение: Николай I посетил пансион 1 1 м а р т а 1 8 3 0 г о д а, как об этом извещали «Московские ведомости» в № 22 1830 г. (суббота, 15 марта): «Во вторник (11 марта 1830 г.) государю императору благоугодно было обозревать Университетский Пансион» (стр. 1036). В отчете Пансиона за 1830 год точно отмечено было и время царского посещения: «в сем году его величество государь император высочайше соизволил удостоить обозрением Московский Университетский Пансион Марта 11 числа в 4 часа пополудни» [2]. Д. А. Милютин расска-

[1] «Московский Университетский Благородный Пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского Благородного Пансиона и Дружеского Общества». Сочинение Н. В. Сушкова. М. 1858, стр. 52.

[2] «Речи, разговор и стихи, произнесенные в торжественном собрании Первой московской гимназии, по случаю выпуска благородных воспитанников, окончивших курс учения, 1831 года ноября 6 дня». М. 1831, стр. 43.

зывает, что после царского посещения пошли разговоры об «упразднении» пансиона, «и, действительно, — пишет он, — вскоре после него последовало решение преобразовать его в «Дворянский Институт» с низведением на уровень гимназии». Это решение, как мы указывали, состоялось 29 марта 1830 г.,—таким образом, последовало в итоге посещения Николаем I пансиона 11 марта 1830 г. Д. А. Милютин подтверждает этот вывод, сообщая, что «вскоре последовала перемена начальства»: вместо Курбатова директором был назначен Старынкевич, инспектором классов, вместо Светлова, Запольский. В отчете пансиона за 1830 год, действительно, было указано, что «Директор пансиона статский советник и кавалер П. А. Курбатов уволен от сей должности; на место его определен Директором статский советник и кавалер И. А. Старынкевич». Что касается И. А. Светлова, умершего в том же 1830 году, то он был помощником инспектора, а инспектором пансиона был ординарный проф. М. Г. Павлов, уволенный, как это удостоверяется отчетом первой гимназии за 1831 год, только в 1831 г., тогда же на его место определен был коллежский асессор и кавалер В. И. Запольский [1].

Что «печальный инцидент» разыгрался именно 11 марта 1830 г., окончательно подтверждается письмом А. Я. Булгакова к его брату, петербургскому почт-директору, К. Я. Булгакову, от 2 ноября 1831 г.: «в субботу государь был в Университетском пансионе и остался очень доволен против последнего разу; спросил о Булгакове. Вызвали Костю, он подошел и сказал смело: здравия желаю, ваше императорское величество!» [2] Царь «остался очень доволен» преобразованным пансионом. Его гневный крик раздавался в стенах «дореформенного» пансиона 11 марта 1830 года. Н. М. Сатин, вероятно, хотел рассказать об этом «замечательном факте». Записки Д. А. Милютина воспроизводят колоритную сцену с «рассвирепелым деспотом Зимнего дворца» [3] в Университетском пансионе. Это была первая встреча Лермонтова с царем Николаем I. Юноша Лермонтов впервые увидел «высочайшего фельдфебеля» с «оловянными глазами», налитыми гневом и ненавистью, получил наглядный урок, чего можно ожидать от этого «Далай-ламы в ботфортах», грозившего скорпионами всем, кто казался ему нарушителем созданного им порядка. 11 марта 1830 г. Николай I угрожал разными карами пансиону [4], 29 марта 1830 г. был издан высочайший указ о преобразовании пансиона, в апреле 1830 года Лермонтов подал прошение об увольнении из пансиона. Это была первая демонстрация поэта против царского распоряжения, ранний намек на предстоящие схватки с самовластьем, своеобразная форма протеста против насилия того политического строя, о котором Лермонтов уже в пансионских стихах проникновенно сказал: «Там рано жизнь тяжка бывает для людей».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Д. А. МИЛЮТИНА

Заведение это пользовалось в то время прекрасною репутациею и особыми преимуществами. Оно помещалось на Тверской и занимало все пространство между двумя Газетными переулками (Старым и Новым, ныне Долгоруковским), в виде большого каре, с внутренним двором и садом. [1]) Пансион назывался университетским только потому, что в двух старших его классах, V[м] и VI[м], преподавали большею частью университетские профессора; но заведение это имело отдельный законченный курс и выпускало воспитанников с правами на 14-й, 12-й и 10-й классы по чинопроизводству. Учебный курс был общеобразовательный, но значительно превышал уровень гимназического. Так, в него входили

[1] Там же. Отчет за 1830 и 1831 гг.

[2] «Русский архив», 1902, кн. I, стр. 122. Ср. о К. А. Булгакове в записках Д. А. Милютина.

[3] Выражение Герцена.

[4] Может быть, кричал о введении р о з о г?..

некоторые части высшей математики (аналитическая геометрия, начала дифференциального и интегрального исчисления, механика), естественная история, римское право, русские государственные и гражданские законы, римские древности, эстетика... Из древних языков преподавался один латинский; но несколько позже, уже в бытность мою в пансионе, по настоянию Министра Уварова, введен был и греческий. Наконец в учебный план пансиона входил даже курс «военных наук»! — Это был весьма странный, уродливый набор отрывочных сведений из всех военных наук, проходимый в пределах одного часа в неделю, в течение одного учебного года. Такой энциклопедический характер курса, конечно, не выдерживает строгой критики с нынешней точки зрения педагогики; но в те времена, когда гимназии у нас были в самом жалком положении, Московский Университетский Пансион вполне удовлетворял требования общества и стоял наравне с Царскосельским Лицеем. При бывшем директоре Прокоповиче-Антонском [2]) и инспекторе — проф. Павлове [3]), он был в самом блестящем состоянии. В мое время директором был Курбатов [4]), а инспектором — Иван Аркадьевич Светлов [4]), — личности довольно бесцветные, но добродушные и поддерживавшие, насколько могли, старые традиции заведения.

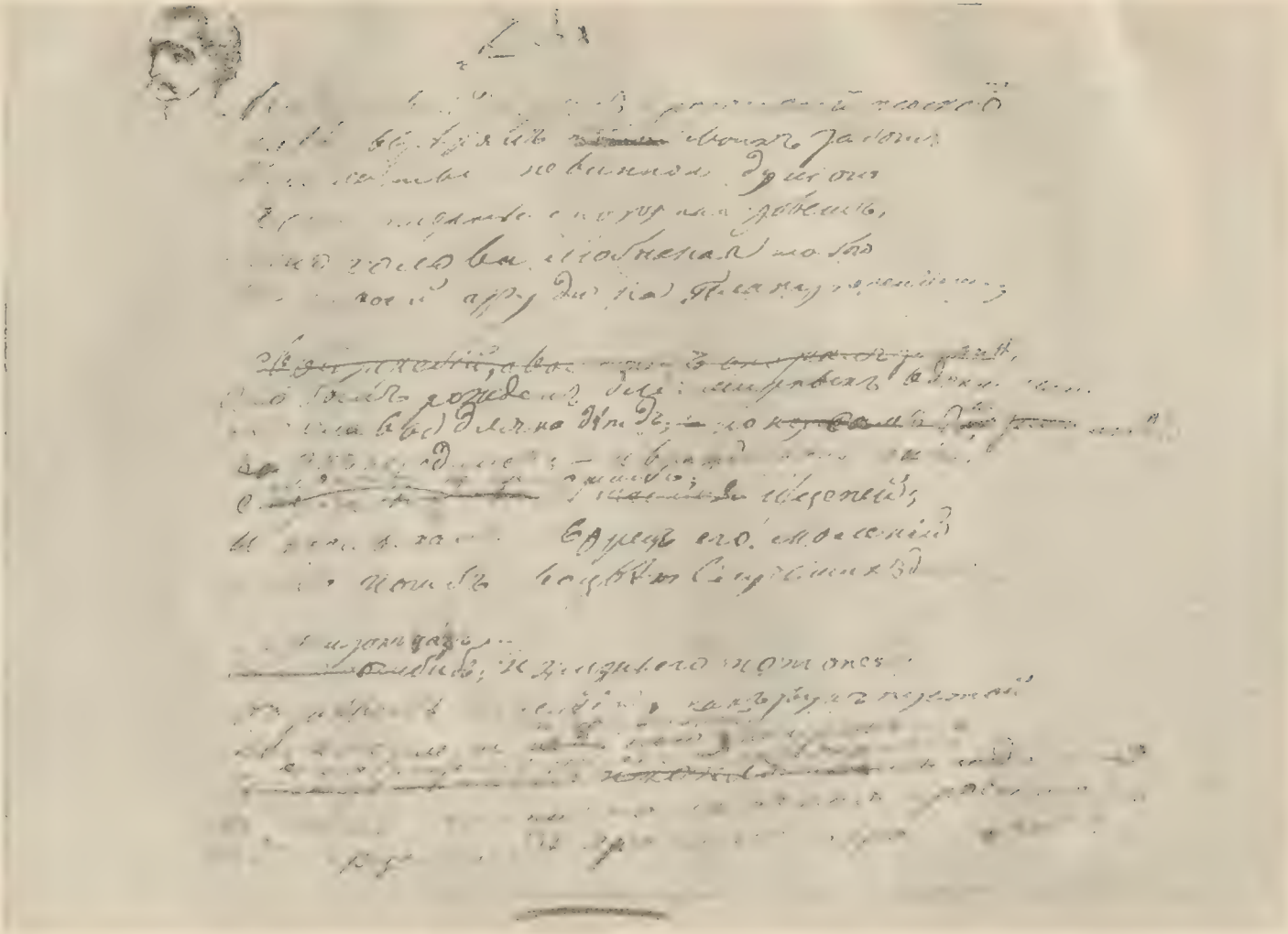
Вскоре по возвращении моих родителей из Петербурга, нас троих братьев [5]) представили (29-го мая) начальству пансиона, и братья мои поступили полными пансионерами (т. е. в интернат), — я же — полупансионером, т. е., живя дома, ежедневно являлся на уроки утренние и вечерние и пользовался казенным обедом. На основании вступительного экзамена, я был принят в 4-й класс, братья — в 3-й и 2-й. Немедленно же облекли нас в форменную одежду, которая состояла из синего мундира или сюртука с малиновым воротником и золоченым прибором, сходная с формою университетских студентов, от которой отличалась лишь тем, что у них полагались на воротнике мундира две золоченые петлицы, у нас же — одна. Притом форма одежды у нас была обязательна и соблюдалась довольно исправно, тогда как в Университете немногие лишь из студентов носили форменную одежду. Профессора, преподаватели, надзиратели (т. е. воспитатели) носили синие фраки с малиновыми суконными воротниками.

Хотя мы поступили в пансион в средине учебного года *), однакож учение наше пошло успешно, и после того, что нам довелось видеть и испытать в гимназии, университетский пансион показался нам весьма симпатичным. Преподавание хороших учителей, приличное отношение их к воспитанникам, благовоспитанность большей части товарищей — составляли резкую противоположность с порядками и нравами, присущими гимназии. Как в классное время, так и вне классов, воспитанники были под наблюдением особых лиц, называвшихся «надзирателями» и дежурившими поочередно. Это были люди весьма порядочные, хотя, конечно, и не без слабых сторон. В числе их было четверо русских: Ив. Ник. Данилевский [6]) (впоследствии служивший в Синоде, а в старости пристроенный мною в библиотеке генерального штаба), Зиновьев [7]), Победоносцев и Попов, и трое иностранцев: француз Фэ (Fay), немец Мец и англичанин Соважо [8]). Из них менее всех пользовались любовью воспитанников последние двое.

В продолжение летних каникул я не оставался праздным. Кроме уроков немецкого языка у нашего гувернера Гивартовского, я любил попрежнему рыться в отцовской библиотеке, где, разумеется, попадались мне в руки самые разнообразные книги, не всегда подходившие к моему возрасту. С увлечением принимался я за разные работы: выписки, переводы, сочинения, — и также не всегда соответствовавшие моим летам и степени развития. Так, например, вздумалось мне составить словарь, за-

---

* Выпуск и перевод из класса в класс происходили в конце общепринятого года, т. е. в декабре.



Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда твой друг с пророческой тоскою». 1830 г.

ключавший в себе толкование разных терминов грамматики, риторики и вообще относящихся к теории словесности. Составленный мною «Литературный словарь», разумеется, был произведение весьма слабое, простая ребяческая компиляция из учебников; да и можно ли было ожидать чего-нибудь другого от 13-летнего мальчика. К сожалению, отец мой смотрел слишком снисходительными глазами на мои непосильные произведения. Он имел терпение прочитывать их, давал советы, — а впоследствии допустил даже печатание этих детских опытов [9].

Перед Рождеством в пансионе проведены были экзамены выпускные и переводные [10]). Я перешел в 5-й класс, братья мои в 4 и 3-й. На торжественном «акте», происходившем в январе, я получил два приза. Отец мой, в награду за успешный результат моего экзамена, сделал мне очень приятный подарок — верховую лошадь, небольшую серенькую, которую я особенно любил. По этому случаю он писал мне из Петербурга (25 декабря): «Поведением своим ты заставляешь меня обращаться с тобой выше твоих лет и сделать тебе подарок не детский»... Несмотря на свои дела и заботы, отец продолжал и заочно входить в наши учебные занятия; требовал, чтобы мы присылали ему еженедельно журнал наших уроков; почти в каждом письме повторял совет прилежнее заниматься иностранными языками. Иногда же в этих письмах высказывалось неудовольствие по поводу доходивших до него жалоб начальства пансиона (т. е. Mr Fay) то на резкие выходки вспыльчивого брата Николая, то на шалости Алексея, которого зачастую не отпускали домой по воскресеньям. В письмах матери также встречались сетования на поведение резвого и живого мальчика.

Учебные занятия мои и брата Николая в пансионе продолжались своим порядком. В 5-м классе, в который я перешел с начала года, преподавателями были уже все профессора университета. Математику, механику и физику преподавал Дм. Матв. Перевощиков [11]), который был вместе с тем директором астрономической обсерватории (впоследствии был академиком); Мих. Александр. Максимович [12]) — естественную историю; Лев Алекс. Цветаев [13]) — римское право; русское же законоведение в 5-м классе преподавал Кольчугин, а в 6-м проф. Сандунов [14]); латинскую словесность и римские древности — прф. Кубарев [15]); русскую словесность — поэт Раич [16]), а в 6-м классе — проф. Мих. Троф. Каченовский [17]), который читал и курс эстетики. Священник Терновский [18]) преподавал как закон божий, так и греческий язык.

Из всех преподавателей наиболее выдавались Перевощиков, Сандунов, Цветаев и Каченовский. Первый отличался своею строгою требовательностью от учеников; он имел обыкновение каждый год, при начатии курса в 5-м классе, в первые же уроки проэкзаменовать всех вновь поступивших учеников и сразу отбирать овец от козлищ. Из всего класса обыкновенно лишь весьма немногие попадали в число избранных, т. е. таких, которые признавались достаточно подготовленными и способными к продолжению курса математики в высших двух классах; этими только избранными профессор и занимался; вся же остальная масса составляла брак; профессор игнорировал их, никогда не спрашивал и заранее обрекал их на самую низшую аттестацию — нулем. Так, из 60 учеников, перешедших вместе со мною из 4-го класса в 5-й, Перевощиков отобрал всего четверых, с которыми и занимался исключительно во все продолжение двухгодичного курса. В число этих счастливцев попал и я; только мы четверо и выходили поочередно к доске, так как Перевощиков следовал своей, совершенно оригинальной методе преподавания: он заставлял учеников доходить последовательно до выводов собственною работою мысли; сам же только помогал им, руководил этою гимнастикою мозга, не сходя со своего седалища на кафедре. Таким путем успевал он, зани-

маясь только немногими учениками, пройти в два года весь курс математики от первых начал арифметики до дифференциального исчисления. Правда, такой путь был весьма нелегкий, он требовал большого напряжения внимания и силы мышления; понятно, что таким путем не могли следовать юноши, худо подготовленные в младших классах, так что большинство учеников должно было сидеть в классе, хлопая ушами и не принимая вовсе участия в уроке. Зато путь этот был несомненно самый твердый и надежный; знание, приобретенное самостоятельною работою, врезывается глубоко и неизгладимо. Те немногие ученики, с которыми занимался Дмитрий Матвеевич, привязывались и к нему лично, и к науке. В числе моих товарищей были такие, с которыми случалось мне просиживать по несколько часов, в праздники и в каникулярное время, над решением какого-нибудь нового вопроса, или придумывая доказательство какой-нибудь теоремы. С одним из них (Ив. Петр. Шенгелидзев) [19]) даже после выхода из пансиона я был долго в переписке по занимавшим нас вопросам такого рода. В свободное время мы с ним хаживали к проф. Перевощикову на обсерваторию (близ Трехгорной заставы), чтобы посоветоваться с ним или просить разрешения какого-нибудь нашего сомнения, и т. п. — Перевощикову считаю я себя обязанным столько же, сколько в детстве был обязан влиянию Заржицкого [20]).

Другая личность, глубоко врезавшаяся в моей памяти, был проф. Сандунов — маленький старичок, ходивший по-старинному в ботфортах, а в холодное время надевавший сверх форменного вицмундира синюю суконную куртку. Сандунов в прежнее время служил в Сенате обер-секретарем и славился как опытный и ловкий делец; достигнув чина действительного статского советника, он держал себя гордо, с достоинством относительно начальства и товарищей по университету; с учащимися обращался с некоторою саркастическою взыскательностью, — почему все, и ученики, и преподаватели, и начальство, относились к нему с каким-то особенным «решпектом». У нас в пансионе он преимущественно занимался практически судопроизводством и делопроизводством, т. е. заставлял нас знакомиться с сенатскими делами, писать деловые бумаги и т. п. Занятия эти могли бы приносить пользу в применении на службе и в жизни, если б на них уделялось несколько более времени, — что было совершенно невозможно, при многопредметности и разнообразии нашего учебного курса.

Проф. Цветаев в молодости своей считался одним из передовых ученых; он был из числа тех профессоров, которые в начале царствования императора Александра I прошли через германские университеты и первые внесли в русский учебный мир новейшие приобретения европейской науки. Но мне довелось слушать лекции Цветаева только на склоне его жизни, когда уже не оставалось никаких следов бывшего некогда блестящего профессора: он обрюзг до безобразия, одевался (как и Сандунов) по-старинному, говорил невнятно, захлебываясь, и в своих лекциях держался буквально изданного им весьма поверхностного учебника.

Также и знаменитый Каченовский в описываемое время был уже на своем склоне. Затрудняюсь объяснить, почему Михаил Трофимович, специально подвизавшийся на поле русской истории, взял на себя читать в университетском пансионе эстетику, в виде дополнения к курсу словесности, читанному в 5-м классе сладким и нежным поэтом Раичем. Мы слушали с уважением лекции старого профессора, пользовавшегося авторитетом в ученом мире, но в сущности мало извлекали пользы из его толкований о красоте, грации, изящном и прочем, столь же мало поддающемся догматическому определению и законам теории.

Из прочих преподавателей наиболее симпатичным был М. А. Максимович, бывший впоследствии профессором в Киевском университете св. Владимира; он читал нам естественную историю, хотя этот предмет не был главною его специальностью и проходился у нас поверхностно, по

краткости времени. Прочие преподаватели (в том числе Ал. Мих. Кубарев [21]), заставлявший нас переводить Корнелия Непота и Цицерона и объяснявший нам жизнь древнего мира, преподаватель статистики Изм. Ал. Щедритский [22]) и др.) оставили мало впечатлений в молодежи. Упомяну, в виде курьеза, об отставном майоре Мягкове [23]), преподававшем все военные науки в совокупности. По краткости уделяемого на этот предмет времени он довольствовался тем, что каждый из учеников должен был к экзамену заучить один вопрос программы, по выданной ему тетрадке. Такому курсу, конечно, никто не придавал серьезного значения.

Преобладающею стороною наших учебных занятий была русская словесность. Московский университетский пансион сохранил с прежних времен направление так сказать литературное. Начальство поощряло занятия воспитанников сочинениями и переводами вне обязательных классных работ. В высших классах ученики много читали и были довольно знакомы с тогдашнею русскою литературой — тогда еще очень необширною. Мы зачитывались переводами исторических романов Вальтер Скотта, новыми романами Загоскина, бредили романтическою школою того времени, знали наизусть многие из лучших произведений наших поэтов. Например, я знал твердо целые поэмы Пушкина, Жуковского, Козлова, Рылеева (Войнаровский). В известные сроки происходили по вечерам литературные собрания, на которых читались сочинения воспитанников в присутствии начальства и преподавателей. Некоторыми из учеников старших классов составлялись, с ведома начальства, рукописные сборники статей, в виде альманахов (бывших в большом ходу в ту эпоху), или даже ежемесячных журналов, ходивших по рукам между товарищами, родителями и знакомыми. Так и я был одно время «редактором» рукописного журнала «Улей», в котором помещались некоторые из первых стихотворений Лермонтова (вышедшего из пансиона годом раньше меня); один из моих товарищей издавал другой журнал: «Маяк» и т. д. Мы щеголяли изящною внешностью рукописного издания. Некоторые из товарищей, отличавшиеся своим искусством в каллиграфии (Шенгелидзев, Семенюта и др.), мастерски отделывали заглавные листки, обложки и т. д. Кроме этих литературных занятий, в зимние каникулы устраивались в зале пансиона театральные представления. По этой части одним из главных участников сделался впоследствии мой брат Николай — страстный любитель театра.

Все эти внеклассные занятия, конечно, отнимали много времени от уроков; зато чрезвычайно способствовали общему умственному развитию, любви к науке, литературе, чтению; а такой результат едва ли даже не плодотворнее одного формального школьного заучивания учебников, особенно при том уровне, на котором в то время стояла вообще педагогия, при тогдашних жалких руководствах и поверхностном преподавании большей части предметов. Тогда учащееся юношество вообще не подвергалось мономании «классицизма», не притуплялось пыткою греческой и латинской грамматики; тогда не было «вопроса о школьном переутомлении».

Из товарищей моих по классу сблизился я в особенности с Сергеем Строевым [24]) (родным братом известного тогда своими трудами по русской истории Павла Строева), Арапетовым [25]), двумя братьями Вырубовыми, Гордеевым, Марковым, Зверевым, Перовским (Борис Алексеевич) [26]) и др. Из них успешнее всех занимался Строев — примерный во всех отношениях юноша; некоторые же, как например Перовский, оставили пансион до окончания курса и перешли в школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. Выше я уже упоминал о Шенгелидзеве (Иване), отличавшемся своими успехами в математике и отличной каллиграфии (впоследствии он служил в Петербурге и кончил жизнь в сумасшествии). В средине курса к числу наших товарищей присоединился Константин

Булгаков [27]) — сын московского почт-директора, переведенный в наш пансион из царскосельского лицейского пансиона, по случаю закрытия этого заведения. Это был бойкий и даровитый юноша, впоследствии получивший в Петербурге известность в числе гвардейских офицеров, как остроумный шалун, остряк, карикатурист и забавный собеседник.

В начале сентября возобновилось учение в пансионе. Но вот вдруг вся Москва встрепенулась: 29 сентября неожиданно приехал сам император Николай Павлович. Появление его среди зараженного народа ободрило всех: государь со свойственным ему мужеством показывался в народе, посещал больницы, объезжал разные заведения. В числе их взду малось ему заехать и в наш Университетский пансион.

Это было первое царское посещение. Оно было до того неожиданно, непредвиденно, что начальство наше совершенно потеряло голову. На беду государь попал в пансион во время «перемены», между двумя уроками, когда обыкновенно учителя уходят отдохнуть в особую комнату, а ученики всех возрастов пользуются несколькими минутами свободы, чтобы размять свои члены после полуторачасового сидения в классе. В эти минуты вся масса ребятишек обыкновенно устремлялась из классных комнат в широкий коридор, на который выходили двери из всех классов. Коридор наполнялся густою толпою жаждущих движения и обращался в арену гимнастических упражнений всякого рода. В эти моменты нашей школьной жизни предоставлялась полная свобода жизненным силам детской натуры; «надзиратели», если и появлялись в шумной толпе, то разве только для того, чтобы в случае надобности обуздывать слишком уже неудобные проявления молодечества.

В такой-то момент император, встреченный в сенях только старым сторожем, пройдя через большую актовую залу, вдруг предстал в коридоре среди бушевавшей толпы ребятишек. Можно представить себе, какое впечатление произвела эта вольница на самодержца, привыкшего к чинному, натянутому строю петербургских военно-учебных заведений. С своей же стороны толпа не обратила никакого внимания на появление величественной фигуры императора, который прошел вдоль всего коридора среди бушующей массы, никем не узнанный, — и наконец вошел в наш класс, где многие из учеников уже сидели на своих местах в ожидании начала урока. Тут произошла весьма комическая сцена: единственный из всех воспитанников пансиона, видавший государя в Царском Селе, — Булгаков узнал его и, встав с места, громко приветствовал: «здравия желаю вашему величеству!» — Все другие крайне изумились такой выходке товарища; сидевшие рядом с ним даже выразили вслух негодование на такое неуместное приветствие вошедшему «генералу»... Озадаченный, разгневанный государь, не сказав ни слова, прошел далее в 6-й класс и только здесь наткнулся на одного из надзирателей, которому грозно приказал немедленно собрать всех воспитанников в актовый зал. Тут наконец прибежали, запыхавшись, и директор, и инспектор, перепуганные, бледные, дрожащие. Как встретил их государь — мы не были уже свидетелями; нас всех гурьбой погнали в актовый зал, где с трудом, кое-как установили по классам. Император, возвратившись в зал, излил весь свой гнев и на начальство наше, и на нас, с такою грозною энергией, какой нам никогда и не снилось. Пригрозив нам, он вышел и уехал, а мы все, изумленные, с опущенными головами, разошлись по своим классам. Еще больше нас опустило головы наше бедное начальство.

На другой же день уже заговорили об ожидающей нас участи; пророчили упразднение нашего пансиона. И действительно, вскоре после того последовало решение преобразовать его в «Дворянский Институт», с низведением на уровень гимназии; а между тем последовала перемена начальства: директором вместо добродушного Курбатова назначен дейст. ст. сов. Иван Александрович Старынкевич; инспектором классов, вместо

Светлова, Запольский. Впрочем, перемена была только в именах; по существу же все осталось по прежнему. Новые начальники мало отличались своими качествами от прежних; только показались нам менее симпатичными, менее добродушными. Самое же преобразование заведения совершилось гораздо позже уже, по выходе моем из пансиона.

Таков был печальный инцидент, внезапно взбаламутивший мирное существование нашего Университетского пансиона. Вскоре по отъезде государя из Москвы прерваны были наши уроки, так же как и во всех вообще учебных заведениях в Москве, по случаю все усиливавшейся холеры.

После рождественских праздников возобновились прерванные холерой уроки наши в пансионе. Перерыв этот имел последствием перемену срока ежегодных экзаменов выпускных и переводных. Те и другие были перенесены с декабря на май месяц. Перемена эта, в связи с ожиданиями закрытия или преобразования нашего Университетского пансиона, побудила некоторых из моих товарищей по классу покинуть пансион и избрать себе другую дорогу. Так, Перовский и Булгаков отправились в Петербург и поступили в Школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров.

Первый том мемуаров Д. А. Милютина был отпечатан в Томске в 1919 году. Фактически «Воспоминания Милютина», не получившие распространения, могут рассматриваться, как неизданный материал, впервые вводимый в научную литературу. Текст публикуемого нами отрывка печатается по рукописи мемуаров, в полном виде подготовляемых к печати Государственной Библиотекой СССР имени В. И. Ленина.

Примечания

1. Сейчас на месте этого здания находится центральный телеграф (улица Горького).

2. А. А. Прокопович-Антонский с 1791 г. был инспектором пансиона, потом директором до 1826 года. Много содействовал своим педагогическим тактом, любовью к учащимся процветанию учебного заведения. До конца жизни (1848) следил за судьбой воспитанников пансиона. Их имена заносил на отрывчатых лоскутках бумаги в особые тетради, распределяя по разрядам: «известные, из воспитанников Московского университетского благородного пансиона, писатели, ученые, хозяева», «известные по военной службе», «известные по гражданской службе». В первом разделе среди других у него были записаны: Д. А. Милютин, М. Ю. Лермонтов.

3. М. Г. Павлов, профессор физики, минералогии и сельского хозяйства, доктор медицины, в своих лекциях был проводником Шеллинговой философии. В годы учения Д. А. Милютина и М. Ю. Лермонтова издавал журнал «Атеней» (1828—1829).

4. См. вступительную статью.

5. В пансион поступили одновременно Д. А., Н. А. и А. А. Милютины, ранее учились в губернской гимназии.

6. Помимо обязанностей надзирателя кандидат Ив. Данилевский исполнял обязанности библиотекаря пансиона. Выбыл из пансиона в 1831 г.

7. А. З. Зиновьев—автор многих статей по педагогике, историк, теоретик литературы, в 1827—1828 гг. был домашним учителем М. Ю. Лермонтова; в 1830 г. был назначен профессором Демидовского лицея в Ярославле.

8. Все трое поступили в пансион в 1828 г.

9. В 1831 г. летом вышла книжка Д. А. Милютина «Руководство к съемке планов с приложением математики». О ней был благоприятный отзыв в «Северной пчеле» 1831, № 198, и «Московском телеграфе», 1831 г., № 14, стр. 249.

10. Экзамены происходили 12, 13, 14, 16, 17, 19 и 20 декабря 1829 г.

11. Д. М. Перевощиковым были изданы для пансиона «Арифметика для начинающих» 1820 г. и «Дифференциальное исчисление, соч. Франкёра, с переменами и прибавлениями» 1829 года.

12. С 1827 г. магистр физико-математических наук М. А. Максимович в своих лекциях по естественной истории проводил идеи Шеллинга, усвоенные им в Московском

университете при посредстве проф. М. Г. Павлова. Милютину казались преобладающими его занятия устной народной словесностью (особенно украинской).

13. Проф. Л. А. Цветаев первоначальное обучение получил в московской Славяно-греко-латинской академии, куда поступил в 1783 году; с 1801 г. в течение трех лет слушал лекции в различных университетах Франции и Германии, получил степень доктора философии в лучшем по тому времени Геттингенском университете. С 1805 по 1835 г. был профессором Московского университета, считался одним из знатоков римского права. В 1830 г. по случаю празднования 75-летнего юбилея Московского университета произнес речь «О влиянии правоведцев на усовершенствование римского права».

14. Н. Н. Сандунов начал свою деятельность еще в XVIII веке на гражданском поприще. Профессор Московского университета (с 1811 по 1832 г.) по кафедре российского законоведения, он вел свои занятия практическим методом и желчно отзывался о тогдашних судебных порядках.

15. А. М. Кубарев (родился в 1796 г.), адъюнкт римской словесности. О нем вспоминал К. С. Аксаков в своих «Воспоминаниях студентства»: «Кубарев, с кругленькой головой и вообще весь кругленький, переводил с нами медленно и внятно, выговаривая слова тоненьким голоском своим. Тита Ливия.' — и только».

16. С. Е. Раич (Амфитеатров), поэт и переводчик (Вергилий, Тассо), издатель журнала «Галатея» (1829—1830), в котором участвовали воспитанники пансиона, поступил преподавателем в 1827 г., организовал Литературный кружок, где одним из участников был М. Ю. Лермонтов.

17. Профессор М. Т. Каченовский, глава скептической школы в русской историографии, заменил в пансионе с 1831 г. умершего проф. А.Ф. Мерзлякова; его литературные вкусы сложились еще в XVIII веке (Каченовский родился в 1775 г.), что доказывают его оригинальные стихотворения в сентиментальном стиле и переводы из Коцебу, Жанлис, Лафонтена. Известна его полемика в издававшемся им журнале «Вестник Европы» с романтическим направлением, с Пушкиным, который посвятил несколько эпиграмм литературному староверу, не касаясь его исторических исследований.

18. П. М. Терновский (родился в 1798 г.) был определен в пансион в 1827 г. и в том же году ординарным профессором богословия и церковной истории в Московском университете.

19. В архиве Д. А. Милютина сохранилось несколько писем П. П. Шенгелидзева, неудачника-изобретателя; в конце 40-х годов он обращался к русским капиталистам помочь ему осуществить его изобретение двигать суда против ветра любой силы. Список его 18 изобретений, оставшихся без применения, приведен в указанной книге П. В. Сушкова, стр. 33—34.

20. В архиве Д. А. Милютина есть письма Заржицкого, относящиеся к началу 30-х годов, из которых видно, как бывший домашний учитель Милютиных, продолжая, несмотря на тяжелое заболевание, заниматься в помещичьих домах, дорожил сохранить связь с своим питомцем.

21. См. примечание 15.

22. П. А. Щедритский, окончивший Московский университет в 1814 г., в конце 20-х годов был преподавателем статистики и словесности в Московском Коммерческом училище; с 1828 г. адъюнкт университета; в «Вестнике Европы» 1829 г. была напечатана его речь «О влиянии поэзии на нравы и образованность народов в древние и новейшие времена».

23. Г. И. Мягков был определен в пансион учителем геометрии, фортификации и артиллерии 17 июня 1796 г. С 1806/1807 г. по 1831/1832 г. читал военные науки в Московском университете. В 1824 г. вышел его «Опыт артиллерийской тактики, изданный в пользу воспитанников высшего класса Университетского Благородного Пансиона».

24. С. М. Строев вышел из пансиона, не окончив его; 5 января 1831 г. он поступил в Московский университет, который и окончил кандидатом словесных наук в 1834 г. вместе с П. В. Станкевичем, И. А. Гончаровым, В. П. Красовым, Иосифом Бодянским; в 1833 г. получил золотую медаль за историческое рассуждение по классу проф. Каченовского, взгляды которого на древнюю русскую историю, летописи, памятники права полностью разделял. В пансионе выделялся активным участием в качестве оратора на торжественных собраниях его брат, Владимир, участник вместе с М. Ю. Лермонто-

вым кружка Рапча. В заметке 1894 г. Д. А. Милютин называл С. М. Строева «лучшим учеником».

25. С Н. П. Арапетовым Д. А. Милютин, по его словам, «оставался в дружбе до самой смерти» своего товарища (1887). Арапетов кончил Московский университет в 1834 г. действительным студентом, в 1835 г. получил ученую степень кандидата. Был деятелем редакционных комиссий по освобождению крестьян.

26. По словам Д. А. Милютина, «приятельские отношения с Н. Марковым и П. Н. Зверевым поддерживались (им) многие годы, пока они были на службе в Петербурге»; с Б. А. Перовским (впоследствии генерал-адъютантом, графом, «попечителем царских детей») «дружба поддерживалась до смерти его»; с Николаем Вырубовым «знакомство поддерживалось, пока (тот) служил в гвардии (в Егерском полку)»; «Маленький» Александр Вырубов считался лучшим учеником (его прозвали «воробьем», как писал об этом в одной заметке Д. А. Милютин).

27. К. А. Булгаков вышел из пансиона в начале 1832 г.: «Я Костю взял совсем из пансиона», — писал его отец 4 марта 1832 г. К. Я. Булгакову («Русский архив», 1902, кн. II, стр. 279). Лермонтов написал на него эпиграмму (1831); встретился с ним еще раз в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. См. воспоминания А. М. Миклашевского в «Русской старине», 1884, № 12, стр. 592.

СУД НАД УБИЙЦАМИ ЛЕРМОНТОВА

(«ДЕЛО ШТАБА ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА» И ПОКАЗАНИЯ Н. С. МАРТЫНОВА)

Публикуемое «Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса» содержит двадцать семь документов, относящихся к следствию и суду над убийцей Лермонтова Н. С. Мартыновым. Часть документов находится в «Деле» в подлинниках, часть в копиях. Это объясняется историей происхождения дела. Оно составилось из бумаг, получавшихся судным отделением штаба Отдельного Кавказского корпуса по поводу следствия и суда над Мартыновым, а также из копий тех бумаг, которые по этому вопросу посылались от имени командира корпуса. Чтобы было понятно происхождение отдельных документов, входящих в «Дело», их взаимоотношение и последовательность, необходимо сказать несколько слов о системе управления Кавказом в эти годы, так как эта система нашла отражение в документах «Дела».

Управление принадлежало военным властям, руководившим военными действиями на Кавказе против горцев в борьбе последних за независимость. Во главе управления стоял командир Отдельного Кавказского корпуса, штаб которого находился в Тифлисе. Корпусный командир был непосредственно подчинен военному министру, получал от него распоряжения и докладывал ему о происходящем на подведомственной ему территории. С 1837 года, года посещения Кавказа Николаем I, место корпусного командира занимал генерал от инфантерии Е. А. Головин (1782—1858). Он сменил собою барона Розена, которым Николай остался недоволен в свой приезд на Кавказ.

Биографические сведения о Головине несколько необычны для биографии николаевского генерала. Он окончил Московский университет, был участником мистического кружка Татариновой. Свою деятельность по покорению Кавказа (1837—1842) он стремился представить в свете религиозно-исторических задач, выполнение которых якобы лежало на России. Будущему историку кавказских войн он советовал «принять за основную точку зрения ту мысль, что Кавказская война есть продолжение той многовековой борьбы христианства с исламизмом, европейской цивилизации с азиатским варварством, которая легла тяжелым бременем на Россию по географическому ее положению на восточном рубеже Европы» [1].

Е. А. Головин, по своему положению, мог бы иметь значительное влияние на дело следствия и суда над убийцей Лермонтова, но, как мы увидим ниже, он ограничился ролью посредника: передавал, нажимая на низшие инстанции, распоряжения, получаемые им сверху, из Петербурга, и посылал в Петербург пересказ и переложение того, что получал

[1] Неизданные воспоминания Д. А. Милютина, который был на Кавказе в 1839 г. О Д. А. Милютине см. выше статью Н. Л. Бродского.

По описи № 199

ДѢЛО

ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КАВКАЗСКАГО КОРПУСА

ПО ДЕЖУРСТВУ

СУДНАГО ОТДЕЛЕНІЯ

О пріисканіи военнаго суда надъ [illegible] города Нартыкова, Кургина Элдарова и [illegible] пограничнаго Кабардинскаго Князя Вишневецкаго, за [illegible] учиненныя ими [illegible] Нартыкова, дѣлъ, изъ коихъ [illegible] имѣется [illegible].

Подлинный Военному Министру [illegible]
19 12 42

Начато 19 Августа 1841
Кончено 6 Февраля 1842.

На 55 листахъ
По входящему журналу № [illegible]

«Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса».
Л. 1 (обложка). 1841—1842 гг.

от подчиненных. Роль судного отделения Штаба корпуса в Тифлисе в указанном деле была именно ролью передаточной инстанции.

Ближе к месту разыгравшейся драмы находилось непосредственное начальство Пятигорской крепости. В Ставрополе был расположен штаб войск Кавказской линии и Черномории. Ставрополь вошел в биографию Лермонтова: здесь в главной квартире командующего кавказскими войсками Лермонтов бывал и в 1837 и в 1840 гг., в оба свои пребывания в действующей армии. Здесь произошло его сближение с декабристами.

В тех же неопубликованных воспоминаниях Д. А. Милютина мы находим изображение жизни в Ставрополе в 1839—1840 гг. и описание самого города: «Жизнь в Ставрополе не отличалась разнообразием и оживленностью, — писал Милютин. — Город, широко разбросанный по открытой, возвышенной плоскости степного характера, с низенькими домами, широкими прямыми улицами, обширными площадями, был похож на большую станицу или слободу. Да он и не имел другого значения, как только штаб-квартиры командующего войсками Кавказской линии и Черномории».[1]

Значение ставропольских властей для дела о дуэли Лермонтова и Мартынова было велико. Сравнительная территориальная близость к месту следствия и суда, широкие полномочия, которыми обладал командующий войсками, давали ему возможность оказать большое влияние на течение дел. Несмотря на то, что начальник войск Кавказской линии и Черномории был подчинен корпусному командиру в Тифлисе, все же он имел право и непосредственно сноситься с Петербургом, принимать самостоятельные решения, докладывая о них военному министру и лишь сообщая для сведения командиру корпуса. По свидетельству современника, прямая переписка с военным министром приводила к недовольству, недоразумениям и постоянным ссорам между командиром корпуса и командующим войсками [1].

Пост командующего войсками Кавказской линии и Черномории в 1838—1843 гг. занимал генерал-лейтенант П. Х. Граббе (1789—1875), под начальством которого служил на Кавказе Лермонтов, лично ему знакомый. Для П. Х. Граббе события в Пятигорске были делом чрезвычайно близким: участники дела были его подчиненными, он нес также ответственность за организацию следствия и суда. До нас дошло много свидетельств, характеризующих Граббе с положительной стороны, как доброго и честного человека. Каково же было его участие в разборе дела Мартынова, какую он занял в нем позицию? На этот вопрос приходится ответить, что Граббе явно остался в стороне в этом деле, и если ставропольское начальство и сыграло большую роль в следствии и суде над Мартыновым, то не в лице самого Граббе, а в лице его подчиненного, начальника штаба флигель-адъютанта полковника Траскина. Это было не случайно. Нижеприводимая характеристика Граббе, взятая из воспоминаний Д. А. Милютина, свидетельствует, что энергичная деятельность помощников Граббе за счет его собственной инертности была, очевидно, постоянным явлением.

«Ген. Граббе был человек весьма симпатичный. Сохраняя всегда важную осанку и серьезность, он однакож не отталкивал от себя надменностью и холодностью; напротив того, был со всеми обходителен и вежлив. К делам служебным он относился как-то свысока; не входил в подробности исполнения, ограничивался заявлением своего требования в общей форме, не отдавая категорических приказаний. Поэтому все распоряжения по отряду предоставлялись частным начальникам и на них возлагалась вся ответственность. Генерал Граббе вполне довериялся полковнику Пулло... Пулло старался только подделываться к командующему войсками, угождать ему и часто морочил его, не решаясь прямо

[1] А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», М. 1913, т. I, стр. 296.

выражать и объяснять откровенно суть дела... За недостатком инициативы в начальствующих лицах, исходили иногда от личностей невысоких чинов разные проекты и предложения...»

Можно думать, что слабая черта Граббе, отмеченная выше Милютиным, нашла свое отражение и в производстве по делу о дуэли Лермонтова и Мартынова. И здесь он был лишь ширмой, за которой действовал его более энергичный подчиненный, а именно начальник штаба Траскин. Значительная роль последнего в организации следствия и суда над Мартыновым несомненна. К сожалению, мы не имеем его характеристики в воспоминаниях Милютина. Последний упоминает о том, что с Траскиным у него были сношения лишь чисто служебные. Между прочим именно он своими «пессимистическими суждениями» поколебал планы Милютина о переходе на службу на Кавказ, возникшие у него после бесед с Головиным.

Траскин пользовался большим значением в Ставрополе и в доме Граббе, но, очевидно, держался в стороне от жизни офицерских кружков. Ввиду частого отсутствия командующего, который принимал личное участие в походах, Траскин заменял его в штабе, писал самостоятельно донесения и Головину, и даже в Петербург, военному министру.

Первые же документы «Дела» свидетельствуют о значительности роли Траскина. Важно отметить факт, что Траскин оказался к моменту начала «Дела» не в Ставрополе, а на самой арене действий — в Пятигорске. Уже 16 июля, т. е. на другой день после дуэли, он развил необычайно активную деятельность [1]. Старый полковник Ильяшенков, комендант Пятигорской крепости, действовал под его непосредственным руководством. 16 июля полковник Ильяшенков рапортовал командующему войсками Граббе о происшедшей 15 июля дуэли и сообщал, что «по сему происшествию производится законное следствие, а майор Мартынов, корнет Глебов и князь Васильчиков арестованы, о чем и донесено государю императору за № 1358» [2]. Этот рапорт был передан Ильяшенковым Траскину здесь же в Пятигорске. Траскин послал его к Граббе и вместе с ним — четыре следующих документа: 1) заготовленное отношение, которое должен был подписать Граббе и переправить в качестве сопроводительного с рапортом Ильяшенкова в Тифлис к Головину (Граббе действительно подписал 24 июля это отношение и отправил в штаб корпуса, где оно было получено 16 августа и передано 19 августа в Судное отделение); 2) свой собственный рапорт генералу Граббе и 3) и 4) две копии с данных им предписаний. Перечисленными документами и начинается публикуемое «Дело». На рассмотрении последних трех из перечисленных бумаг надо остановиться.

Свой рапорт генералу Граббе Траскин заканчивал следующими знаменательными строками: «В заключение имею честь донести, что я на основании приказания Г. Военного Министра донес о сем происшествии его сиятельству, дабы князь Чернышев известился о сем происшествии в одно время с графом Бенкендорфом, которому донес о сем штаб-офицер корпуса жандармов, здесь находящийся».

Из приведенной цитаты видно, что 16 июля в Петербург, кроме донесения Ильяшенкова, адресованного непосредственно Николаю, были спешно отправлены еще два донесения — военному министру Траскиным и главе III отделения, Бенкендорфу, жандармским штаб-офицером.

[1] По свидетельству Карпова, бывшего писарем Пятигорского комендантского управления, по всем делам, связанным с похоронами Лермонтова, обращались непосредственно к Траскину. Карпов вспоминал его сильный «металлический голос», которым он отчеканивал приказания. См. П. А. Висковатов: «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество». М. 1891, стр. 433, 434.

[2] Рапорт полковника Ильяшенкова Николаю I напечатан П. Е. Щеголевым в «Книге о Лермонтове», II, стр. 228. Донесение также от 16 числа и того же содержания, как и к командующему Граббе. Однако номер отношения указан в публикации не 1358, а 1427. Подлинник в Пушкинском доме.

Нужно отметить еще слова Траскина, что он поспешил донести военному министру «на основании приказания» его и «дабы известился о сем происшествии в одно время» с Бенкендорфом. Соревнование на скорость между военными и жандармскими властями показывает, что и те и другие отнеслись к происшедшему событию как к событию большой важности и представляющему значительный интерес для Петербурга.

Полковник Ильяшенков, послав рапорт о случившемся, 16-го же числа назначил лиц для производства следствия по делу о дуэли. Следствие должен был возглавить плац-майор подполковник Унтилов. В состав следователей вошли: дворянский заседатель Черепанов, квартальный надзиратель Марушевский и исправляющий должность стряпчего Ольшанский. Следствие и суд предполагалось производить по гражданским, а не военным законам, так как Мартынов был в отставке и подлежал гражданскому суду.

Хотя, по всей вероятности, Траскин принимал ближайшее участие в назначении следственной комиссии вместе с Ильяшенковым, тем не менее он счел необходимым письменным предписанием обязать его включить в число следователей того самого штаб-офицера корпуса жандармов, который послал в этот день донесение Бенкендорфу. Траскин писал Ильяшенкову: «вместе с сим прошу присланного сюда для секретного надзора корпуса жандармов подполковника Кувшинникова находиться при следствии производимом по сему происшествию плац-майором подполковником Унтиловым». Одновременно с этим предписанием Ильяшенкову Траскин написал отношение и к жандармскому подполковнику Кувшинникову, в котором сообщал: «...по поручению, на вас возложенному, я считал бы необходимым присутствие ваше при следствии, производимом по сему происшествию пятигорским плац-майором подполковником Унтиловым, — почему я ныне же и предписал пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову не приступать ни к каким распоряжениям по означенному происшествию без вашего содействия».

Приведенные цитаты с достаточной определенностью свидетельствуют о том факте, что в круг наблюдений жандармского офицера Кувшинникова, находившегося в Пятигорске для секретного надзора, входил Лермонтов. Со специальным на него возложенным «поручением» Кувшинников прибыл из Петербурга, о чем знал Траскин и чему он обязан был содействовать. Кувшинников действовал, конечно, не один, а с целой сворой «голубых мундиров». Характерна следующая деталь в воспоминаниях декабриста Н. И. Лорера о смерти Лермонтова: «Я заметил, что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут, бог знает откуда, их появилось множество и на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру» [1].

Итак, в состав следственной комиссии, возглавляемой Унтиловым, был введен «находящийся при следствии корпуса жандармов подполковник Кувшинников». 16 же июля следственная комиссия составила список вопросов, на которые должны были письменно ответить арестованные участники дуэли: Мартынов, Глебов и Васильчиков. 17 июля вопросы с соответствующим обращением от имени следственной комиссии были переданы подсудимым.

Вместе с «Делом штаба Отдельного Кавказского корпуса» в Отдел рукописей Ленинской библиотеки поступили черновики ответов на вопросы следственной комиссии, написанные собственноручно Мартыновым. Эти черновики не были и не могли быть при «Деле» в прежнее время, несомненно судьба их была иная: они, конечно, оставались в личном архиве Мартынова, как документы чрезвычайно интимные, часто против его воли разоблачающие обстоятельства того события, которое наложило

[1] «Из записок декабриста Н. И. Лорера». Цитир. по публикации Щеголева «Книга о Лермонтове», II, стр. 223.

тяжелую печать на всю его жизнь. На 14 листах большого формата бумаги некрасивым, беспомощным и неряшливым почерком, орфографически и стилистически безграмотно, Мартынов излагал события дуэли, увиливая от прямых ответов, по три-четыре раза зачеркивая написанное и подыскивая выражения, которые бы более соответствовали его намерению: доказать, что во всем был виноват убитый, что он, Мартынов, лишь жертва его дурного характера и вызывающего поведения.

Восемь вопросов, поставленных следственной комиссией Мартынову, не были исчерпывающими, но касались основных моментов — причины дуэли, истории вызова, условий поединка, роли секундантов, наличия свидетелей. Приблизительно такие же вопросы были поставлены секундантам — Васильчикову и Глебову. Хотя все трое были арестованы, тем не менее они имели возможность письменных сношений. Последние оказались для них необходимыми, поскольку необходимо было условиться об одинаковых ответах на вопросы следствия.

В печати известны записочки, которыми обменивался Мартынов, сидя в тюрьме, со своими секундантами. Подлинники их нам неизвестны, хотя в свое время записки эти были опубликованы вместе с черновиками ответов Мартынова [1] и, по всей вероятности, хранились с ними вместе в его архиве. Записки эти проливают свет на то, как составлялись Мартыновым его ответы на вопросы следствия.

До нас дошли две редакции его ответов: первая, написанная до консультации друзей, вторая — после получения от них соответствующих инструкций. Сопоставление ответов доказывает, что меньше всего можно искать в этих показаниях верного изображения действительности. И Мартынов и его секунданты, очевидно, уже до ареста договорились о необходимости скрывать некоторые обстоятельства дуэли и продолжали договариваться при помощи переписки во время следствия. Проследим по ответам Мартынова и первому письму его секундантов, какие пункты вызывали особенно напряженное внимание подсудимых.

Первый вопрос касался присутствующих при дуэли, т. е. прежде всего секундантов. Глебов и Васильчиков были персонально названы, и Мартынову оставалось только подтвердить их присутствие. Второй вопрос запрашивал о том, откуда и когда выехали участники дуэли и не присутствовал ли кто-нибудь кроме секундантов при поединке. Более того запрашивалось: «не были бы кто известны об этой, произойтить могущей дуэле?» В ответе на этот вопрос начинается ложь в показаниях Мартынова следствию. Он очень твердо ответил на вопрос отрицательно. Многие опубликованные впоследствии мемуары подтвердили, что на дуэли Лермонтова и Мартынова присутствовали еще двое свидетелей, а может быть и много более. Во всяком случае присутствие С. В. Трубецкого и А. А. Столыпина давно доказано. Между тем о их присутствии подсудимые твердо условились молчать, и условились, конечно, раньше ареста. Мартынов в первой редакции ответов твердо отрицает наличие свидетелей дуэли; Глебов и Васильчиков в первом письме ему также пишут: «Что же касается до правды, то мы отклоняемся только в отношении к Т[рубецкому] и С[толыпину], которых имена не должны быть упомянуты ни в каком случае». Традиция объясняла это дружное молчание товарищеским чувством, оберегавшим двух свидетелей от тяжелых последствий, которые были бы для них неизбежны, так как оба они были на плохом счету у Николая I. Если товарищеские чувства Глебова и Васильчикова могут быть поняты, то значительно менее понятно участие в этих товарищеских чувствах и в «заговоре молчания» таких лиц, как Траскин и Кувшинников. Жандармская свита последнего, так же как следственные власти Траскина, не могли не знать о всех действительно присутствовавших на

[1] «Русский архив», 1893 г., кн. 8, стр. 595—605. Публикация ответов Мартынова [illegible] и суду неточная и неполная.

поединке. Однако сам Траскин, беседуя, и не один раз, по этому поводу с секундантами, давал им, очевидно, советы не говорить лишнего. Глебов и Васильчиков писали Мартынову: «Сегодня Траскин еще раз говорил, чтобы мы писали, что до нас относится четырех, двух секундантов и двух дуэлистов». Эти слова можно понять только как инструкцию со стороны Траскина не впутывать никого в свои показания, обойти молчанием неарестованных участников или свидетелей события.

Третий вопрос касался места и условий дуэли, расстояния и порядка выстрелов. В первой редакции Мартынов обстоятельно ответил на вопрос об условиях, пересчитав четыре пункта. Но эта его обстоятельность вызвала со стороны Глебова и Васильчикова возражения, как явная неосторожность. Условия дуэли были таковы, что надо было попытаться скрыть их от гласности. Поэтому Глебов писал: «Я должен же сказать, что уговаривал тебя на условия более легкие, если будет запрос. Теперь покамест не упоминай об условии 3 выстрелов; если позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего: надо будет сказать правду». Мартынов послушно переделал соответственным образом свой ответ по третьему пункту:

1-я редакция	2-я редакция
Условия дуэли были: 1-е каждый имеет право стрелять когда ему угодно, стоя на месте или подходя к барьеру. — 2-е. Осечки должны были щитаться за выстрелы. 3-е. После первого промаха противник имел право вызвать выстрелившего на барьер. 4-е. Более трех выстрелов с каждой стороны не было допущено по условию. — Я сделал первый выстрел с барьера.	По условию дуэли, каждый из нас имел право стрелять, когда ему вздумается, — стоя на месте или подходя к барьеру. — Я первый [выстрелил с барьера] пришел на барьер.

Последние слова показания, измененные Мартыновым («сделал первый выстрел с барьера» и «первый пришел на барьер») были также изменены под влиянием письма секундантов. Они ему писали: «Придя на барьер, ты напиши, что ждал выстрела Лермонтова». Мартынов, хотя не решился вполне написать ту ложь, которую ему рекомендовали друзья, однако прямое показание о своем первом выстреле удалил и заменил ничего не объясняющим — «первый пришел на барьер».

В третьем же вопросе находился еще один пункт чрезвычайной важности, который и Мартынов в ответе и секунданты в письме обошли молчанием, а именно: «Поручик Лермонтов выстрелил ли из своего пистолета или нет и по какой причине?» Ни словом не обмолвился Мартынов в своих показаниях в ответ на этот прямой и значительный вопрос. Менее осторожен, чем Мартынов, оказался в своих показаниях Васильчиков. Он прямо заявил, что Лермонтов не успел выстрелить и что он, Васильчиков, позднее разрядил его пистолет (см. далее статью Э. Г. Герштейн, стр. 65).

В вопросе четвертом также оказались моменты, о которых участникам дуэли не хотелось сообщать правду. Запрашивалось о том, как — верхом или на дрожках — прибыли участвующие к месту дуэли и были ли с ними кучера и проводники. Мартынов, правда, сперва не понял «неудобства» некоторых сведений и ответил в первой редакции даже дважды, не задумываясь, так, как было на самом деле. Но более осторожные секунданты сообразили, что поездка обоих секундантов на одних беговых дрожках, вдобавок принадлежащих одному из дуэлистов — Мартынову, — может намекнуть на слишком тесную сплоченность трех участников дуэли, что было, очевидно, нежелательно. Поэтому Глебов поспешил посоветовать Мартынову изменить ответ: «Прочие ответы твои

совершенно согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал верхом на своей лошади, а не на дрожках беговых со мной; ты так и скажи. Лермонтов же поехал на моей лошади — так мы и пишем». Далее, в конце письма, опять имеется напоминание об этом пункте: «Ответ на 4 вопрос. Глебов на беговых дрожках, Васильчиков верхом». Мартынов опять послушно изменил правде в своих показаниях.

1-я редакция	2-я редакция
Я выехал немного ранее из своей квартиры верхом, — свои беговые дрожки дал Глебову. Он, Васильчиков и Лермонтов догнали меня уже по дороге. — Лермонтов был также верхом. [Ответ на 2-й пункт.]	Я выехал немного ранее из своей квартиры верхом — беговые дрожки свои дал Глебову. — Он, Васильчиков и Лермонтов догнали меня уже на дороге. Последние два были также верхом. [Ответ на 2-й пункт.]
Я и Лермонтов ехали верхом на назначенное место. Васильчиков и Глебов на беговых дрожках. [Ответ на 4-й пункт.]	Я [и] Лермонтов и Васильчиков ехали верхом на назначенное место; [зачеркнуто: Васильчиков] Глебов на беговых дрожках [ответ на 4-й пункт.]

Пятый вопрос, о личной прислуге Мартынова, не возбуждал подозрений, но шестой, о причинах дуэли, и тесно с ним связанный восьмой, о том, кто сделал вызов и какова была роль секундантов, были, конечно, вопросами кардинальными. В согласованных ответах на эти вопросы были заинтересованы все участники, почему эти ответы и подверглись особому обсуждению, заняли в показаниях Мартынова более всего места и более, чем другие, испещрены поправками, зачеркиваниями и вставками. Глебов и Васильчиков, прочитав первый черновик ответов Мартынова, нашли нужным послать ему свой «брульон», содержание которого и учитывал Мартынов при составлении второй редакции показаний. Глебов и Васильчиков писали Мартынову, особенно беспокоясь о его ответах на вопрос о роли секундантов:

«Посылаем тебе брульон 8-й статьи; ты к нему можешь прибавить по своему разумению, но это сущность нашего ответа... Надеемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали... Скажи что мы тебя уговаривали с начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Л[ермонтова] предупреждал тому три недели, чтоб тот не шутил на твой счет. О веселостях Кисловодска писать нечего... Ответ на 8 статью. Вследствие слов Лермонтова (см. вопрос 6): «вместо пустых угроз и пр.», которые были уже некоторым образом вызов, я на другой день требовал от него формального удовлетворения. Васильчиков и Глебов старались меня (Мартынова) примирить с Лермонтовым; но я отвечал, что: 1) предупреждал Лермонтова не смеяться надо мною, 2) что слова Лермонтова уже были вызов (особенно настаивай на эти слова Лермонтова, которые на самом деле тебя ставили в необходимость его вызвать, или лучше сказать были уже вызов).

Вот вкратце брульон, обделай по этому плану. В 6 вопросе: вместо «в доме Верзилиных» напиши «в одном частном доме».

Мартынов, получив «брульон», заменил имя Верзилиных «частным домом», удалил слова о «веселостях Кисловодска», несколько усилил защиту секундантов, но по существу ответов в советах Глебова и Васильчикова он не нуждался. Уже в первой редакции он построил весь ответ на том, что обвинил во всем Лермонтова, переложил на него инициативу вызова и представил себя страдательным лицом, поставленным в безвыходное положение. Здесь было дело лишь за тем, чтобы ярче, убедительнее нарисовать эту картину, и черновики Мартынова показывают, как

он напряженно подбирал наиболее выгодные для себя выражения и обороты речи. Несмотря на явное стремление Мартынова к самозащите, первая редакция ответов все же ближе к истине, особенно в обрисовке роли секундантов. Над 8-м ответом Мартынов трудился, имея перед глазами «брульон» товарищей. Он убрал первую фразу, содержавшую прямой ответ на поставленный вопрос: «Кто из вас прежде зделал вызов на дуэль?» — «Я первый вызвал его». Вместо этого Мартынов начал ответ буквально по «брульону»: «Вследствие слов Лермонтова» и т. д., но количество зачеркнутых и исправленных фраз в этом ответе показывает, что не так легко и просто было Мартынову писать под диктовку эти самые ответственные показания.

Работа Мартынова над своими показаниями по советам секундантов, так же как и письмо последних свидетельствуют о крепкой круговой поруке, существовавшей между тремя участниками дуэли. Мартынов писал Глебову и Васильчикову, прося их всяческой защиты, они обещали ему ее, надеясь, что и он будет всеми силами доказывать их примирительную роль.

Пока в Пятигорске производилось следствие, снимались устные [1] и письменные допросы с подсудимых, дошли до Петербурга посланные 16 июля рапорты о дуэли. Дело было доложено Николаю по донесению начальника штаба Траскина, и тотчас последовало царское распоряжение: всех трех подсудимых «предать военному суду не арестованными, с тем, чтобы судное дело было окончено немедленно и представлено на конфирмацию установленным порядком». 4 августа военный министр ки. Чернышев сообщил об этом командиру Отдельного Кавказского корпуса Головину.

Это распоряжение лишь 20 августа достигло корпусного штаба в Тифлисе, и лишь 29 августа Головин известил Граббе о полученном приказе царя. В Ставрополе приказ стал известен лишь в первых числах сентября, после чего Траскин спешно «учредил» военный суд над подсудимыми под председательством подполковника Монаенки. 17 сентября он сообщил об этом Головину.

Царский приказ в сущности благодетельствовал подсудимым не только тем, что снимал с них арест, но и тем, что отдавал их вместо гражданского военному суду. Еще не зная о царском приказе, Мартынов решил просить о военном суде и хотел просить о нем через Траскина или подавать просьбу на высочайшее имя. 8 августа он изготовил письмо на имя Бенкендорфа с просьбой о замене гражданского суда военным. Совершенно откровенно он писал по поводу своей просьбы Глебову из тюрьмы: «Исполнение ее истинно составило бы счастье мое в теперешнем положении. Чего я могу ожидать от гражданского суда? Путешествия в холодные страны? Вещь совсем непривлекательная. Южный климат гораздо полезнее для моего здоровья, а деятельная жизнь меня заставит забыть то, что во всяком другом месте было бы нестерпимо моему раздражительному характеру». Очевидно, Мартынов ждал от гражданского суда ссылки в Сибирь, а от военного — отдачи в солдаты в действующую армию: «Сентенция военного суда может доставить мне в будущем возможность искупить проступок мой собственной кровью на службе царя и отечества».

Было и еще одно преимущество в военном суде, как писал Столыпин Мартынову: «Законы для военных более определенны, и кончат в десять раз скорее» [2].

---

[1] В записке Мартынова из тюрьмы к Глебову есть фраза: «А бестия стряпчий пытал меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу в чем». «Русский архив», 1893 г., т. 8, стр. 600.

[2] Кроме того, в записке Глебова есть сведения, что полицмейстер был «зол» на Мартынова, что могло отразиться на последнем при ведении гражданского суда. «Полицмейстер на тебя зол и ты будешь у него в лапках». «Русский архив», 1893, кн. 8, стр. 600.

Итак, царский приказ шел навстречу пожеланиям подсудимых: он освобождал их от ареста, отдавал военному суду и требовал немедленного окончания дела. Но пока он достиг Пятигорска, следствие продолжалось, «бестия-стряпчий» выпытывал у подсудимых их тайны, а Пятигорский окружной суд, в лице судьи Папарина, заседателя Лаппа-Данилевского и секретаря Ольшанского, составил 11 новых вопросных пунктов, на которые Мартынов должен был дать ответ.

Вопросы были предъявлены 13 сентября, т. е. почти накануне образования военного суда.

В этих вопросах обращает на себя внимание стремление выяснить степень подлинной виновности Мартынова, сквозят подозрения о возможном предумышленном, заранее организованном убийстве Лермонтова. Так, вопросы 7 и 8 ставят под сомнение виновность одного Лермонтова в причинах, вызвавших дуэль. Суд спрашивал у Мартынова: «Какой был дан вами повод Лермонтову сделать вам колкости и остроты (как без того не могло бы это от него произойти)»... «не относились ли его слова более к дружеской шутке»... «имели намерением до прежде сего случая вызвать его на поединок и не было ли к тому других кроме остроты и колкости побудительных причин».

Последние строки свидетельствуют, что у суда возникали те же предположения, которые позднее в течение ста лет много раз всплывали вновь в исследованиях о дуэли Лермонтова: о наличии иных причин, кроме тех, на которые ссылался Мартынов.

Слова 9-го вопроса также заставляют вспомнить о мемуарной литературе о дуэли. Сын Мартынова в своих воспоминаниях особенно подчеркивал тот факт, что секунданты не только не приложили никаких усилий к примирению противников, но и содействовали дуэли, поскольку не передали Мартынову слов Лермонтова о том, что он в него не будет стрелять. Мартынов узнал об этих словах при начале следствия [1]. О том же факте свидетельствует в воспоминаниях Э. А. Шан-Гирей, рожд. Верзилина: «Лермонтов будто бы прежде сказал секунданту, что «стрелять не будет», и был убит наповал, как рассказал нам Глебов» [2].

Судьи, как бы уже зная об этой фразе Лермонтова, спрашивали Мартынова: «Когда вы послали от себя приглашенного вами секунданта корнета Глебова к Лермонтову с вызовом его на дуэль, то каков получился ответ Лермонтова и не говорил ли он чего относящегося к миролюбию или продолжал те колкости, кои вас оскорбили»...

Особенное внимание привлекает пункт 10-й — об условиях дуэли и со всей откровенностью поставленный вопрос о том, что не приняли ли Мартынов и секунданты мер к намеренному лишению Лермонтова жизни, т. е. убийству. Если вспомнить о том, что тотчас же после дуэли современники ее, что-то знавшие об ее условиях, возмущенно говорили, что это не дуэль, а убийство [3], то вопрос суда опять-таки идет по линии тех же обвинений Мартынову, которые предъявляют Мартынову современные биографы Лермонтова на основании изучения всех дошедших до нас свидетельств. Судьям уже казались подозрительными условия дуэли; вопрос о расстоянии, о происхождении и состоянии пистолетов и главное о том, как вел себя Лермонтов («не заметили ли вы у Лерм. пистолета осечки или он выжидал вами произведенного выстрела»). Именно эти пункты в первых следственных показаниях подсудимые согласованно решили обходить молчанием до тех пор, пока не будет специального запроса, — «тогда делать нечего: надо будет сказать всю правду»-(см. выше цитату из письма Глебова к Мартынову в тюрьму). Мы уже знаем, что на

[1] «Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых», Тамбов. 1904, стр. 185.

[2] То же, перепечатано из «Русск. арх.», 1889, кн. 2, стр. 315—320

[3] См. далее публикацию Э. Г. Герштейн: «Отклики современников на смерть Лермонтова».

прямой вопрос следственной комиссии: «Поручик Лермонтов выстрелил ли из своего пистолета или нет и по какой причине?» — Мартынов ни слова не ответил в своих показаниях.

Сохранились также две редакции ответов Мартынова на вопросы Пятигорского суда от 13 сентября. Они не сильно отличаются друг от друга. В них важно отметить то, что Мартынов защищался в них именно от обвинения в преднамеренном убийстве Лермонтова. Это еще раз доказывает, что подобное обвинение в той или иной форме выдвигалось следствием. В ответах на пункты 7-й и 8-й Мартынов писал: «вступая с ним в объяснение, я и виду не имел вызывать его на дуэль»... «Доказательством же случайности поединка может служить то, что вызов мой был сделан после объяснения»... «что поединок этот был совершенно случайный, [доказательством сего]...» «злобы к нему я никогда не питал, следовательно [и не имел нужды] мне не зачем было иметь предлог с ним поссориться и в доказательство привожу неоднократный отзыв мой г-м Секундантам»...

Обилие исправлений в ответе на пункт 8-й свидетельствует, что эти строки не легко дались писавшему их.

В ответе на пункт 9-й Мартынов обошел вопрос о «миролюбивых предложениях» Лермонтова, сказав, что п е р е д а н н ы й е м у о т в е т их не содержал. Так же, как в ответе на пункт 10-й первого допроса, Мартынов вновь промолчал о поведении Лермонтова на дуэли. Сообщив, что у пистолета Лермонтова «осечки не было», Мартынов тем не менее не сказал главного: стрелял ли Лермонтов. Обошел Мартынов и вопросы об условиях дуэли, отослав за разъяснениями по этому поводу к секундантам: «как их прямая обязанность состояла в наблюдении за ходом дела... то они и могут объяснить не было ли нами отступлено от принятых правил».

Анализ второго вопросного листа, предъявленного Мартынову, показывает, что в сущности суд стоял на пути разъяснения всех тайн, которыми как для современников, так и для нас полна история последней дуэли Лермонтова. Суд нащупал все сомнительные места в показаниях подсудимых, которые требовали более углубленного следствия. Нужно было заставить участников на них ответить, а не ускользать от них прочь, ссылаясь друг на друга и на ранее данные показания. Но Пятигорский окружной суд не смог закончить свою работу. По приказу, полученному из Петербурга, дело было передано во вновь сформированный военный суд, которому была поставлена задача не только не затягивать расследование дела, а кончить его по возможности в кратчайший срок. Все дальнейшие этапы производства суда и вынесения приговора определялись одним важнейшим обстоятельством — интересом самого царя к этому делу и соответственным нажимом со стороны военного министра. Последний, не имея сведений о выполнении «высочайшей государя императора воли», сообщенной в отношении от 4 августа, послал 10 сентября «экстра почтою» напоминание Головину о необходимости скорее окончить дело: «Не угодно ли будет вам, Милостивый Государь, принять всевозможные меры к поспешнейшему окончанию на законном основании о них [подсудимых] дела». Корпусный штаб получил это напоминание 25 сентября, вместе с уведомлением Траскина об организации в Пятигорске военного суда, а 26-го отвечал министру и отсылал к Граббе вновь полученное предписание поспешить с окончанием суда. Но, судя по ответу Траскина Головину (от 6 октября за № 20037), в Ставрополе было получено непосредственно из Петербурга такое же напоминание о принятии «всевозможных мер к поспешнейшему окончанию», какое было получено Головиным. Длительность сообщения Петербурга с местом производства суда через Тифлис заставила, очевидно, Чернышева для ускорения дела обращаться непосредственно в Ставрополь, где бумаги получались дней на пять-семь раньше, чем в Тифлисе.

Новое напоминание военного министра об ускорении ведения дела последовало 29 октября. Полученные в Петербурге материалы по суду («статейные списки»), посланные Ильяшенковым 3 и 22 октября, обнаружили, что окончательное решение дела задерживается «единственно за непереписко́ю набело выписки». Чернышева, очевидно, удивила причина задержки. Он потребовал вновь, чтобы «дело сколь возможно поспешнее приведено было к окончанию, на законном основании, тем более, что по роду дела сего не может быть столь обширна выписка, чтобы за перепи́ско́ю ее набело, мог остановиться самый ход оного». 4 ноября Чернышев еще раз напомнил Головину, чтобы он со своей стороны не задержал дело, когда оно будет прислано ему для рассмотрения.

Эти приказы были получены в штабе корпуса лишь 14 и 20 ноября, а уже 7 ноября Граббе послал Головину как самое «военно-судное дело», так и свое «мнение» по поводу приговора. В сущности военный суд был давно закончен: он длился всего четыре дня, с 27 по 30 сентября. Октябрь месяц понадобился, очевидно, для приведения в должный вид посылаемых документов и на составление «Мнения командующего войсками на Кавказской линии и Черномории» по этому делу. На рассмотрении этого «мнения», подписанного Граббе и положенного в основу «мнения», посланного в Петербург Головиным, следует несколько остановиться.

«Мнение» состоит из изложения истории дуэли и из соображений по поводу приговора подсудимым. Анализируя изложение причин дуэли, мы видим, что в основу взяты все показания Мартынова и секундантов, всю вину по инициативе дуэли приписывающих Лермонтову. Фраза Лермонтова с приглашением действовать служит и здесь объяснением вызова Мартынова. Соответственно показаниям подсудимых умалчивается о присутствовавших на поединке Столыпине и Трубецком, подчеркивается примиряющая деятельность секундантов, даются неверные сведения о о том, как ехали секунданты к месту дуэли, и, наконец, совсем вскользь говорится об условиях дуэли, причем ни о «трех выстрелах», ни об ожидании на барьере, ни о выстреле Лермонтова нет ни слова. «Мнение» ни в коей мере не отражало сложности дела, его сомнительных мест, которые были нащупаны Пятигорским окружным судом; оно излагало его поверхностно и, главное, очень благоприятно для подсудимых. Отсюда и мягкий проект приговора им, который предлагал Граббе.

В «Деле» находится выписка из «Свода военных постановлений» части 5 книги 1 об участниках дуэлей и их секундантах. Как и всякие «умышленные смертоубийцы, они подлежат лишению всех прав состояния, наказанию шпицрутенами и ссылке в каторжную работу». Но эту высшую по закону меру не привела даже комиссия военного суда, которая все же требовала лишения чинов и прав состояния. Граббе счел нужным смягчить решение военной комиссии: ссылаясь на хорошую службу всех трех подсудимых, военные заслуги Мартынова и Глебова, он предлагал «лишить его, Мартынова, чина, ордена и написать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства», а Глебова и Васильчикова, «вменив им в наказание содержание под арестом до предания суду, выдержать еще некоторое время в крепости с записанием штрафа сего в формулярные их списки».

Выражая свое официальное мнение, Граббе хорошо знал, что не только от него, но и от Головина не будут зависеть подлинные приговоры подсудимым. Все разрешится лишь в Петербурге, куда дело пойдет на «высочайшую» конфирмацию. Его роль заключалась в том, чтобы помочь в подборе обстоятельств, облегчающих участь подсудимых, поскольку распоряжения, приходившие из Петербурга, явно свидетельствовали, в какую сторону направлен интерес Николая в данном деле. Подсудимых,

с которых сняли арест в первые же дни следствия, конечно не предполагалось «карать» по всей строгости закона, и, повинуясь явным или тайным директивам, идущим из Петербурга, военный суд и Граббе ограничились указанными проектами приговоров. Свое мнение Граббе закончил словами: «Впрочем мнение это и участь подсудимых предаю на благоусмотрение Высшего Начальства» [1].

На основании полученного в Тифлисе 13 ноября военно-судного дела и «мнения» Граббе, в корпусном штабе для Головина был составлен «Доклад» с изложением хода событий и приговоров, вынесенных комиссией военного суда и командующим Граббе. Этот доклад, конечно, не вносит уже ничего нового в историю дела. Повторены все те же аргументы, по которым Мартынов являлся несчастной жертвой дурного характера Лермонтова, и приведено все то, что могло смягчить участь подсудимых.

Положение Головина, на обязанности которого было вынести и утвердить окончательный приговор, было очень затруднительно. Почти в тот же день, когда ему был вручен составленный для него «Доклад» по делу (окончен 19 ноября), он получил из Петербурга от Чернышева бумагу (поступила в штаб 20 ноября), которая еще раз напоминала об особом отношении царя к делу дуэли Лермонтова и Мартынова. Чернышев сообщал:

«Ныне государь император высочайше повелеть соизволил: означенным подсудимым: Майору Мартынову, Титулярному советнику князю Васильчикову и корнету Глебову, если суд над ними уже кончен и представлен на конфирмацию высшего начальства, дозволить отправиться: князю Васильчикову и корнету Глебову в С. Петербург, а Майору Мартынову по выбору места жительства, обязав их всех троих подпискою не выезжать из сих мест до окончательной конфирмации военно-судного об них дела».

Эта «милость» царя была одновременно сообщена и Граббе для того, чтобы она могла быстрее дойти до подсудимых, которые не замедлили воспользоваться разрешением и покинули Пятигорск.

Учитывая последнее распоряжение Николая, относящееся к подсудимым, Головин был принужден отказаться от «окончательной конфирмации» своего мнения, о чем и сообщал в препроводительной бумаге Чернышеву при посылке военно-судного дела: «Представляя при сем... и мнение мое по сему делу, имею честь донести, что как лицам сим по Высочайшему повелению дозволено: Глебову и князю Васильчикову отправиться в С. Петербург, а Мартынову избрать по произволу место жительства, то я не находил удобным конфирмовать оное окончательно и посему покорнейше прошу ваше сиятельство мнение мое повергнуть на высочайшее государя императора благорассмотрение».

В своем сравнительно кратко изложенном «Мнении» Головин повторил всю историю дуэли так, как показал еще на первом следствии Мартынов, но, повторив, однако добавил: «Так объяснил это происшествие Майор Мартынов», как бы снимая этим с себя ответственность за изложенное. Относительно приговора подсудимым он повторил предложение

---

[1] П. А. Висковатов приводит в своей биографии отрывок из письма Граббе, сообщенный ему Васильчиковым, в котором Граббе выражал свое подлинное мнение по поводу дуэли, никак, однако, не отразившееся в его официальном «мнении»: «На сообщение полковника Траскина о обстоятельствах дуэли и смерти Лермонтова гр. П. Х. Граббе отвечал ему: «Несчастная судьба нас русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти. Что касается до его убийцы, пусть на место всякой кары он продолжает носить свой шутовской костюм». В своем же «мнении» Граббе писал: Мартынов «вынужден был к дуэли самим Лермонтовым чрез беспрестанные словесные обиды сего последнего, на которые Мартынов ответствовал благоразумными увещаниями и терпением долгое время, пока наконец был доведен до крайности беспокоившим его Лермонтовым».

Граббе, добавив также, что повергает их участь «на высочайшее его императорского величества благоусмотрение».

23 ноября военно-судное дело было отправлено в Петербург на конфирмацию царю. 3 января 1842 г. Николай выслушал в докладе «краткое извлечение» из дела и изрек свой приговор. Этим приговором аннулировалась вся предшествовавшая деятельность: следственной комиссии, суда окружного и военного, командующего войсками и командира корпуса. От всех их усилий остались вороха бумаг, ничего не значивших после краткой резолюции царя. Содержание ее, вероятно, было предопределено уже тогда, когда было послано первое распоряжение о снятии ареста с подсудимых. Тогда же была предопределена марионеточная роль следствия, суда и дальнейших инстанций. Николай «повелеть соизволил: Майора Мартынова посадить в крепость на гоубтвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны».

Приговор царя сообщался кавказским властям только «для сведения». Бывшие подсудимые находились уже вне их пределов: Глебов и Васильчиков в Петербурге, Мартынов в Одессе. Но еще несколько ранее, подводя итоги законченному делу, кавказское начальство обнаружило небольшое упущение, а именно: были забыты расходы по делу, сто пятьдесят четыре рубля семьдесят две с половиною копейки ассигнациями, «удержанные Презусом, Ассесорами и Аудиторами, прогонные и суточные», которые следовало бы взыскать «в возврат казне» с подсудимых по равной части с каждого, независимо от приговора. Головин поспешил донести об этом военному министру, а последний счел нужным даже по поводу этой обычной судебной формальности рапортовать царю. Последний «высочайше повелеть соизволил: деньги сии принять расходом на счет казны».

Так кончается публикуемое нами «Дело». Оно не разъясняет истории дуэли Лермонтова и Мартынова, не проливает свет на многие, остающиеся загадочными обстоятельства, ее сопровождавшие. Но оно с несомненностью свидетельствует о следующих фактах:

1. Во время своего последнего пребывания на Кавказе Лермонтов состоял под тайным надзором находившегося в Пятигорске и посланного из Петербурга с специальным п о р у ч е н и е м от Бенкендорфа жандармского штаб-офицера подполковника Кувшинникова.

2. О поручении, идущем от Бенкендорфа, знал и содействовал ему начальник штаба кавказских войск флигель-адъютант полковник Траскин. Он оказался в Пятигорске тотчас же после дуэли и держал в своих руках всю организацию следствия по делу о дуэли.

3. Три рапорта, посланные 16 июля в Петербург, необычайная быстрота, с которой была организована и приступила к работе следственная комиссия, свидетельствуют о большой важности, которая придавалась происшедшему событию, о заинтересованности в нем Петербурга.

4. Черновые ответы Мартынова на вопросы следственной комиссии (впервые публикуемые полностью) обнаруживают целую серию ложных сведений, обдуманно внесенных им после консультации секундантов, которым в свою очередь советы давал Траскин.

5. Вопросы Пятигорского окружного суда, который первоначально должен был судить Мартынова, показывают, что суд нащупал ряд сомнительных мест в первом показании подсудимого. Он поставил перед ним с достаточной определенностью вопрос о какой-то иной причине дуэли, кроме шуток Лермонтова, и вопрос об условиях дуэли, которые напоминали о п р е д н а м е р е н н о м убийстве Лермонтова. Мартынов в своих показаниях защищался именно от этих обвинений, но не давал прямых ответов на прямо поставленные вопросы, а ссылался на прежние показания на следствии и отсылал за ответом к секундантам.

6. Нормальное ведение дела Пятигорским окружным судом могло бы бросить свет на неясные моменты в истории убийства Лермонтова, однако оно было нарушено пришедшим из Петербурга царским приказом, который был отдан тотчас же после получения известия о дуэли, но по условиям сообщения лишь в середине сентября попал в Пятигорск.

7. Освобождение подсудимых от ареста во время следствия свидетельствовало о том, каково было отношение Николая к происшедшему. Оно обеспечивало также согласованность действий всех трех подсудимых, «круговая порука» которых доказана их перепиской.

8. Передача дела в военно-судную комиссию, непосредственно подчиненную военным властям, — Траскину, Головину, — прекращала нежелательные дополнительные розыски по делу и давала возможность с чрезвычайной быстротой его закончить.

9. Четыре присланные военным министром Чернышевым из Петербурга отношения о необходимости «принять всевозможные меры к поспешнейшему окончанию» дела свидетельствуют о значении, которое придавалось в Петербурге этому делу, о заинтересованности в нем самого царя.

10. Новая «милость» царя подсудимым — разрешение им до вынесения окончательного приговора покинуть Пятигорск для Петербурга и Одессы — подтверждала и без того ясный для кавказских властей факт, что дело будет решено в Петербурге независимо от приговоров, вынесенных местными инстанциями. Узнав о ней, Головин счел за лучшее воздержаться от окончательной конфирмации приговора и ограничиться лишь представлением своего «мнения» «на высочайшее благоусмотрение».

11. Приговор, вынесенный Николаем, так же как и все его личное вмешательство в дело от первого приказа об освобождении из-под ареста подсудимых во время следствия до последней резолюции о взятии расходов по делу на счет казны, свидетельствует о том, что убийство Лермонтова было им воспринято, во-первых, как дело, в котором он был лично заинтересован, и, во-вторых, как дело, за которое его исполнители не должны были нести никакого наказания.

Таковы итоги анализа содержания публикуемых документов. Дело биографа Лермонтова убедительно объяснить причину и связь перечисленных здесь фактов.

ДЕЛО ШТАБА ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА ПО ДЕЖУРСТВУ СУДНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

О предании военному суду отставного Майора Мартынова, Корнета Глебова и Титулярного Советника Князя Васильчикова, за произведенный первым с Поручиком Лермонтовым дуэль, от чего Лермонтов помер.

Начато 19 Августа 1841.

Кончено 6 февраля 1842.

на 55. листах

ОПИСЬ

БУМАГАМ В ДЕЛЕ СЕМ НАХОДЯЩИМСЯ

№ по порядку	Означение бумаг	Место для отметок
1	Рапорт Полковника Ильяшенкова № 1357.	
2	Надпись Генерал Адъютанта Граббе № 87.	
3	Полковника Траскина № 85 с приложением.	
4	Военного Министра № 5455.	
5	Генерал Адъютанту Граббе № 751.	
6	Полковника Траскина № 18849.	
7	Военного Министра № 3339.	
8	Ему же № 881.	
9	Генерал Адъютанту Граббе № 882.	
10	Полковника Траскина № 20037.	
11	Полковнику Ильяшенкову № 965.	
12	Надпись его же № 2437.	
13	Военного Министра № 3955.	
14	Генерал Адъютанта Граббе № 21989, с приложением.	
15	Доклад из военно-судного дела.	
16	Военному Министру № 1057, с приложением.	
17	Его же № 4035.	
18	— № 4067.	
19	Генерал Адъютанта Граббе № 23246.	
20	Военному Министру № 1123.	
21	Генерал Адъютанта Граббе № 24005, с приложением.	
22	Военного Министра № 29.	
23	Его же № 126.	
24	Генерал Адъютанту Граббе № 135.	
	Майор Горчушен[ко?]	

1.

Командующему войсками на Кавказской Линии и в Черномории, Господину Генерал-Адъютанту и кавалеру Граббе.

Пол. 31-го Июля.

Пятигорского Коменданта
Полковника Ильяшенкова

РАПОРТ.

Вашему Превосходительству имею честь донести, что находящиеся в Городе Пятигорске для пользования болезней Кавказскими Минеральными водами, уволенный от службы из Гребенского Козачьего полка Майор Мартынов и Тенгинского пехотного полка Поручик Лермантов, сего месяца 15-го числа, в четырех верстах от города, у подошвы горы Машухи имели дуэль, на коей Мартынов ранил Лермантова из пистолета в бок на вылет, от каковой раны Лермантов помер на месте. Секундантами были у них находящиеся здесь для пользования Минеральными водами

Лейб-Гвардии конного полка Корнет Глебов и служащий в II отделении собственной Его Императорского Величества Канцелярии в чине Титулярного Советника Князь Васильчиков.

По сему происшествию производится законное следствие, а Майор Мартынов, Корнет Глебов и Князь Васильчиков арестованы; о чем и донесено Государю Императору за № 1358.

Полковник *Ильяшенков.*

№ 1357.
Июля 16 дня
1841 года
Г. Пятигорск

Плац Адъютант Подпоручик *Сидери.*

2.

Корпусного Штаба № 29090 получ. 16 августа 1841.
Судного Отделения № 1266 получ. 19 августа 1841.

Донесение сие имею честь представить Командиру отдельного Кавказского Корпуса Господину Генералу от Инфантерии и Кавалеру Головину 1-му.

Командующий войсками на
Кавказской линии и в Черномории Генерал Адъютант *Граббе*

№ 87
24-го Июля 1841 г.

3.

ШТАБ
ВОЙСК КАВКАЗСКОЙ
ЛИНИИ И ЧЕРНОМОРИИ

Командующему войсками на Кавказской Линии и в Черномории, Господину Генерал-Адъютанту и Кавалеру Граббе.

По Дежурству.
Отделение 5.
Г. Пятигорск.
17 Июля 1841.

Начальника Штаба

№ 85.

РАПОРТ.

Честь имею представить при сем Вашему Превосходительству донесение Пятигорского Коменданта о дуэле отставного Майора Мартынова с Поручиком Лермонтовым и копии с данных мною по сему предмету предписаний как Пятигорскому Коменданту Полковнику Ильяшенкову так и состоящему здесь для секретного надзора Корпуса Жандармов Подполковнику Кувшинникову.

На рапорте Полковника Ильяшенкова сделана надпись для донесения о сем Происшествии Г-ну Корпусному Командиру, которую не благоугодно ли будет Вашему Превосходительству подписать и отправить прямо от себя, ибо копия с оного оставлена при деле.

В заключение имею честь донести что я на основании приказания Г. Военного Министра донес о сем происшествии Его Сиятельству дабы Князь Чернышев известился о сем происшествии в одно время с Графом Бенкендорфом, которому донес о сем Штаб Офицер Корпуса Жандармов здесь находящийся.

Флигель-Адъютант Полковник *Траскин.*

Копия с предписания Начальника Штаба войск Кавказской линии Пятигорскому Коменданту Полковнику Ильяшенкову, от 16 Июля за № 83.

Получив рапорт Вашего Высокоблагородия к Г. Командующему войсками, от сего числа за № 1357[м], о дуэле отставного Майора Мартынова и Тенгинского пехотного полка Поручика Лермонтова, имею честь уведомить Вас, что я вместе с сим прошу присланного сюда для секретного надзора Корпуса Жандармов Подполковника Кувшинникова находиться при следствии производимом по сему происшествию Плац Майором Подполковником Унтиловым.

Верно. *Ф. А. Траскин.*

Копия с отношения Начальника штаба, Корпуса Жандармов Подполковнику Кувшинникову, от 16 Июля № 84.

За отсутствием Г. Командующего войсками, в следствие рапорта к нему Пятигорского Коменданта Полковника Ильяшенкова, от сего числа за № 1357[м], о дуэле отставного Майора Мартынова и Тенгинского пехотного полка Поручика Лермонтова, имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что по поручению на Вас возложенному, я считал бы необходимым присутствие Ваше при следствии производимом по сему происшествию Пятигорским Плац Майором Подполковником Унтиловым. — почему я ныне же и предписал Пятигорскому Коменданту Полковнику Ильяшенкову не приступать ни к каким распоряжениям по означенному происшествию без Вашего содействия.

Верно. *Ф. А. Траскин.*

4.

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

Часть Обер-Аудитора
го Августа 1841.

№ 5455.

Корпусного Штаба № 25446
получ. 20 Августа 1841.
Судного Отд. № 1274
получ. 20 Августа 1841.

Господину Командиру Отдельного Кавказского Корпуса.

Приготовить немедленно предписание Г-ну Граббе от Г-а Корп. Комм. 20 августа

Государь Император, по всеподданнейшему докладу донесения Начальника Штаба войск на Кавказской линии и в Черномории, о произшедшей, 15-го минувшего Июля, у подошвы горы Машухи, близь г. Пятигорска, между отставным из Гребенского Казачьего полка Майором Мартыновым, и Поручиком Тенгинского пехотного полка Лермантовым, дуэли, на которой сей последний от полученной из пистолета раны в бок на вылет, умер на месте, Высочайше повелеть соизволил: Майора Марты-

нова, а равно находившихся при этом происшествии секундантами: Л. Гв. конного полка Корнета Глебова и служащего в II-м отделении собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Титулярного Советника Князя Васильчикова, предать военному суду не арестованными, с тем, чтобы судное дело было окончено немедленно и представлено на конфирмацию установленным порядком.

О таковой Высочайшей воле имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству, к должному исполнению.

Военный Министр Князь *Чернышев.*
Дежурный Генерал [подпись неразборчива]

5.

От Корпусного
Командира
№ 751.
29 Августа 1841.

Господину Генерал Адъютанту Граббе.

Государь Император по всеподданнейшему докладу донесения Начальника Штаба войск вам вверенных, о происшедшей 15 минувшего Июля у подошвы горы Машуки близь Г. Пятигорска, между отставным из Гребенского Козачьего полка Майором Мартыновым и Поручиком Тенгинского пехотного полка Лермантовым дуэли, на которой сей последний от полученной из пистолета раны в бок на вылет, умер, Высочайше повелеть соизволил: Майора Мартынова, а равно находившихся при этом происшествии секундантами Лейб Гвардии Конного полка Корнета Глебова и служащего во II Отделении собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Титулярного Советника Князя Васильчикова предать военному суду неарестованными, с тем, чтобы судное дело было окончено и представлено на конфирмацию установленным порядком.

О таковой Высочайшей воле, сообщенной мне Г. Военным Министром от 4 Августа № 5455, уведомляя Ваше Превосходительство, предлагаю к исполнению оной сделать зависящее от Вас распоряжение, учредив над упомянутыми Чиновниками Комиссию военного суда по ближайшему усмотрению Вашему, в которую препроводить и производящееся по сему происшествию в Пятигорске следствие; где же эта Комиссия будет составлена мне донести.

Верно: Аудитор *Ефремов.*

6.

ШТАБ
ВОЙСК КАВКАЗСКОЙ
ЛИНИИ И ЧЕРНОМОРИИ

По Дежурству
Отделение Судное
Г. Ставрополь
17 Сентября 1841.

№ 18849.

Корпусного Штаба № 29172
получ. 23 Сентября 1841.
Судного Отд. № 1426
получ. 24 Сентября 1841.

Командиру отдельного Кавказского Корпуса, Господину Генералу от Инфантерии и кавалеру Головину I-му

Начальника Штаба Флигель-Адъютанта, Полковника Траскина

РАПОРТ.

По воле Г. Командующего Войсками на Кавказской линии и в Черномории, за отсутствием Его, в последствие предписания Вашего Высокопревосходительства к нему, от 29 Августа сего года № 751, имею честь почтительнейше донести: что военный Суд над отставным майором Мартыновым, Лейб-Гвардии Конного полка Корнетом Глебовым и служащим в II-м отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Титулярным Советником Князем Васильчиковым, учрежден, в Городе Пятигорске под председательством Командира Кавказского линейного № 2-го Батальона Подполковника Монаенки.

Флигель Адъютант Полковник *Траскин.*

Управляющий Отделением
Состоящий по кавалерии Майор *Булгаков.*

7.

МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ
ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ

Канцелярия
Стол 2
С. Петербург.
«10» Сентября 1841 года

№ 3339.

Корпусного Штаба № 29513
получ. 25 Сентября 1841.
№ 1440 В Суди. Отд.
получ. 25 Сентября 1841.

Господину Командиру Отдельного Кавказского Корпуса.

От 4 минувшего Августа за № 5456, я имел честь сообщить Вашему Высокопревосходительству Высочайшую Государя Императора волю, о предании военному Суду отставного из Гребенского Казачьего полка Майора Мартынова, убившего на дуэли Поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова и находившихся при этой дуэли

О скорейшем окончании Военно-судного дела об отставном Маноре Мартынове Корнете Глебове и Титулярном Советнике Князе Васильчикове, и о доставлении по сему делу статейных списков.

Нужное.

секундантами Л. Гв. Конного полка Корнета Глебова и служащего во 2 Отделении собственной Его Императорского Величества Канцелярии Титулярного Советника, Князя Васильчикова, с тем, чтобы судное дело о сих лицах было окончено немедленно и представлено на конфирмацию установленным порядком.

Не имея после сего уведомления учрежден ли над упомянутыми лицами Военный Суд и в каком положении находится военно-судное о них дело, — я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство, не оставить сделать зависящее от Вас распоряжение к скорейшему доставлению в Аудиториатский Департамент статейных списков об означенных подсудимых; а между тем не угодно ли будет Вам, Милостивый Государь, принять всевозможные меры к поспешнейшему окончанию на законном основании, о них дела, и о последующем почтить меня Вашим уведомлением.

Военный Министр Князь *Чернышев.*
Генерал-Аудитор *Ивинский.*

8.

От Г. Корпусного Командира
№ 881
26 Сентября 1841.

Господину Военному Министру

В следствие предписания Вашего Сиятельства от 4-го прошедшего Августа № 5455, с изъяснением Высочайшего повеления, о предании военному суду Отставного из Гребенского казачьего полка Манора Мартынова, убившего на дуэли Поручика Тенгинского пехотного полка Лермантова и находившихся при этой дуэли секундантами Лейб-Гвардии Конного полка Корнета Глебова и служащего во II Отделении собственной Его Императорского Величества Канцелярии Титулярного Советника Князя Васильчикова, неарестованными равно и о немедленном окончании над ними судного дела, я того ж месяца 29 числа предписал к исполнению сего Командующему войсками на Кавказской Линии и Черномории Генерал-Адъютанту Граббе, с тем, чтоб о месте, где учреждена будет над помянутыми лицами Комиссия военного суда мне донести.

Получив с последней экстра почтою донесение Штаба войск Кавказской Линии и Черномории от 17 Сентября № 18849, что над помянутыми Отставным Маиором Мартыновым, Лейб Гвардии Конного полка Корнетом Глебовым и Титулярным Советником Князем Васильчиковым военный суд учрежден в Г. Пятигорске под председательством Командира Кавказского Линейного № 2-го батальона Подполковника Манаенки и вместе с тем предписание Вашего Сиятельства от 10 Сентября № 3339, о принятии всевозможных мер к поспешнейшему окончанию на законном основании над означенными подсудимыми дела и о сделании зависящего распоряжения к скорейшему доставлению в Аудиториатский Департамент об них статейных списков, я равномерно передал это к исполнению с сим вместе Генерал Адъютанту Граббе и обо всем этом поспешаю почтительнейше донести Вашему Сиятельству.

Верно: Аудитор *Ефремов.*

9.

От Корпусного
Командира
26 Сентября 1841-го
№ 882

Командующему Войсками на Кавказской Линии и Черномории Генерал-Адъютанту Граббе.

Господин Военный Министр от 10-го сего месяца № 3339 сообщил мне о принятии всевозможных мер к поспешнейшему окончанию на законном основании дела над преданными военному суду по Высочайшему повелению: отставным Майором Мартыновым, за убийство на дуэли Поручика Тенгинского пехотного полка Лермантова и находившимися при этой дуэли Лейб Гвардии конного полка Корнетом Глебовым и Титулярным Советником Князем Васильчиковым, и о сделании зависящего распоряжения к скорейшему доставлению в Аудиторнатский Департамент статейных списков о сих подсудимых.

Предписав Вашему Превосходительству 29-го прошлого Августа о немедленном окончании и представлении на конфирмацию о упомянутых лицах военно-судного дела, я обязываюсь сообщить Вам и о изъясненном требовании Г. Военного Министра и с своей стороны прошу Вас, приказать наблюсти за успешнейшим окончанием сказанного дела и предписать кому следует о доставлении своевременно в Аудиторнатский Департамент Статейных списков.

Верно: Аудитор *Ефремов.*

10.

ШТАБ
ВОЙСК КАВКАЗСКОЙ
ЛИНИИ И ЧЕРНОМОРИИ

По Дежурству
Отделение
Военно-судное
Г. Ставрополь
«6» Октября 1841

№ 20037

Корпусного Штаба № 31369
получ. 13 Октября 1841.
Судного Отд. № 1508 получ....

Командиру Отдельного Кавказского Корпуса, Господину Генералу от Инфантерии и Кавалеру Головину 1-му.

Начальника Штаба

РАПОРТ.

За отсутствием Господина Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, в последствие предписания Вашего Высокопревосходительства к нему, от 26-го Сентября сего года, № 882, имею честь почтительнейше донести, что на основании такового же предписания Вашего, от 29-го Августа № 751, полученного мною только 16-го Сентября, я 17-го числа тогож месяца предписал Пятигорскому Коменданту, отставного Майора Мартынова, Лейб-Гвардии Конного полка Корнета Глебова и Титулярного Советника Князя Васильчикова судить военным судом не арестованными, учредив суд в самом Пятигорске, о чем я имел честь донести Вашему Высокопре-

восходительству того же числа за № 18849, — потом в следствие предписания Г. Военного Министра, от 11-го Сентября № 3361, с препровождением копии с отношения Его Сиятельства к Вашему Высокопревосходительству за № 3339-м от 22-го Сентября № 19128-й предписал Пятигорскому Коменданту, как о скорейшем окончании Военно-судного дела об означенных подсудимых, так равно и о поспешнейшем доставлении об них в Аудиторіатский Департамент Статейных списков. Независимо от сего, я в следствие последнего предписания Вашего Высокопревосходительства № 882, с сим вместе вновь подтвердил о том же Пятигорскому Коменданту.

Флигель Адъютант Полковник *Траскин*.
Управляющий Отделением,
Состоящий по Кавалерии, Маиор *Булгаков*.

11.

ШТАБ
ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА

По Дежурству
Отделение
Судное
в Тифлисе

«20» Октября 1841 года
№ 965

Нужное

.....жур. № 1262 получ. 29 октября
Уведомить что вместе с донесением в корпусной штаб донесено и в аудиторіатской департамент.

Пятигорскому Коменданту, Господину Полковнику и кавалеру Ильяшенкову.

Ваше Высокоблагородие, представляя Г-ну Корпусному Командиру, при рапорте от 3-го сего Октября № 2270 за Сентябрь месяц Статейный список, о подсудимых: отставном Маноре Мартынове, Лейб Гвардии конного полка Корнете Глебове и служащем в собственной Его Императорского Величества Канцелярии Титулярном Советнике Князе Васильчикове, преданных военному суду, по Высочайшему повелению, за произведенный Маиором Мартыновым с Поручиком Лермонтовым (умерший) дуэль, а последние за нахождение при том секундантами, — не упомянули представлен ли Вами таковой же Статейный список в Аудиторіатский Департамент Военного Министерства, как Вам предписано Начальником Штаба войск Кавказской Линии от 22-го минувшего Сентября № 19126.

Посему покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, ежели непредставлен Вами в Аудиторіатский Департамент Статейный список, о упомянутых подсудимых, то отправить оный непременно с первою почтою.

За отсутствием Начальника Штаба,
Исправляющий должность Обер-Квартирмейстера

Полковник *Иванов*
Обер-Аудитор *Кобенин*

12.

Корпусного Штаба № 34856
получ. 14 Ноября 1841.
Судного Отд. № 1650
получ. 15 Ноября 1841.

За отсутствием Начальника Штаба отдельного Кавказского Корпуса, Исправляющего должность Обер Квартирмейстера Господина Полковника и Кавалера Иванова уведомить честь имею что Статейный Список о подсудимых Маноре Мартынове, Корнете Глебове и Титулярном Советника Князе Васильчикове за Сентябрь месяц представлен в Аудиториатский Департамент военного Министерства при рапорте 3-го числа сего октября за № 2269 а за сей текущий 22 Октября за № 1304.

Пятигорский Комендант Полковник *Ильяшенков*

№ 2437
31 Октября 1841
Г. Пятигорск

Плац-Адъютант Подпоручик *Сидери*

13.

Корпусного Штаба № 34714
получ. 14 Ноября 1841.
Судного Отд. № 1654
получ. 16 Ноября 1841.

МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ
ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ

Канцелярия
Стол 2
С. Петербург
29 Октября 1841 года.

№ 3955

Господину Командиру Отдельного Кавказского Корпуса.

О скорейшем окончании дела о Майоре Мартынове и прочих.

От 10 минувшего Сентября за № 3339, я имел честь относиться к Вашему Высокопревосходительству, о принятии зависящих от Вас мер, к скорейшему окончанию военно-судного дела об отставном Маноре Мартынове, убившем на дуели Поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, и бывших при этой дуэли Секундантами Лейб гвардии Конного полка Корнете Глебове и Титулярном Советнике Князе Васильчикове.

Усматривая из полученных ныне в Аудиториатском Департаменте статейных списков, что означенное дело, остается в Комиссии военного суда, учрежденной при Пятигорском Комендантском управлении не решенным, единственно за не перепискою набело выписки, я долгом поставляю вновь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, об оказании содействия Вашего, дабы упомянутое дело сколь возможно поспешнее приведено было к окончанию, на законном основании, тем более, что по роду дела сего не может быть столь обширна выписка, чтобы за перепискою ее набело, мог остановиться самый ход оного.

Военный Министр Князь *Чернышев.*

Генерал Аудитор *Ивинский.*

14.

ШТАБ
ВОЙСК КАВКАЗСКОЙ
ЛИНИИ И ЧЕРНОМОРИИ

По Дежурству
Отделение Судное
Г. Ставрополь
7 Ноября 1841.

№ 21989

Судного Отд. № 1655 16 Ноября.

Командиру Отдельного Кавказского Корпуса, Господину Генералу от Инфантерии и Кавалеру Головину 1-му.

Командующего Войсками Генерал-Адъютанта Граббе 1-го.

РАПОРТ.

По Реестру № 295

Военно-судное дело, произведенное в комиссии учрежденной в Г. Пятигорске над Отставным Майором Мартыновым, Лейб-Гвардии Конного Полка Корнетом Глебовым и служащим в собственной Его Императорского Величества Канцелярии Титулярным Советником Князем Васильчиковым, с мнением моим, присем к Вашему Высокопревосходительству, представить честь имею.

Генерал Адъютант *Граббе.*

Управляющий Отделением,
Состоящий по кавалерии, Майор *Булгаков.*

Г. Военному Министру 23 ноября № 1057.

МНЕНИЕ

Командующего Войсками на Кавказской линии и в Черномории.

По суду произведенному в комиссии военного суда, учрежденной в Г. Пятигорске, над отставным Майором Мартыновым, Лейб-Гвардии Конного полка Корнетом Глебовым и служащим в собственной Его Императорского Величества, Канцелярии Титулярным Советником Князем Васильчиковым, по случаю дуэли между сказанным Майором Мартыновым и Тенгинского пехотного полка Поручиком Лермантовым, оказалось:

1е, Означенные подсудимые, находясь в городе Пятигорске, для пользования от болезней минеральными водами, 15 го июля сего 1841-го года, вместе с Поручиком Лермантовым, пополудни в шесть с половиною часов, отправились из квартир своих, по дороге в Николаевскую колонию, и отъехав от Города не более четырех верст, остановились при подошве горы Машухи, среди кустарника, привязав лошадей: Мартынов, Лермантов и Васильчиков — верховых; а Глебов — запряженную в беговые дрожки. После того секунданты Корнет Глебов и Князь Васильчиков, отмерив в 15ть шагов баррьер, поставили на концах его фуражки и отщитав еще в обе стороны от баррьера по 10ти шагов, зарядили два пистолета пулями и отдали их Манору Мартынову и Поручику Лермантову. Условия дуэли были: сходится к баррьеру по данному одним из секундантов знаку и стрелять по произволу на походе, или на месте. — Корнет Глебов подал этот знак, и Манор Мартынов приблизясь к баррьеру, выстрелом ранил Поручика Лермантова в правой бок, ниже последнего ребра при срастении его с хрящем, на вылет под левым плечом, от чего он мгновенно на месте умер. Причиною этой дуэли, были беспрестанные насмешки и колкости Поручика Лермантова над Манором Мартыновым; а последняя ссора, побудившая к дуэли, была у них (как из дела видно) 13го числа

Июля, по выходе из дома Генерал-Маиорши Верзилиной, у которой раздор их, хотя никто из бывших вместе с ними гостей не заметил, но он подтверждается собственным сознанием Мартынова и объяснениями Князя Васильчикова и Корнета Глебова, как секундантов. Лермантов идя от Гжи Верзилиной, первый подал повод к ссоре колким объяснением о равнодушии своем к поединку, говоря Мартынову, чтобы тот лучше сделал, еслиб действовал; потому что он (Лермантов) от дуэли никогда не отказывается. Это побудило Мартынова к дуэли, в которой приглашены секундантами: со стороны Мартынова — Корнет Глебов, а Лермантова — Князь Васильчиков.

2е, Секунданты эти, как из дела ясно видно, употребили все меры к примирению ссорющихся: и неуспев в том, не дали знать о дуэли местному начальству, из одного ложного понятия о честном слове, данном ими дуэлистам.

3,е Спрошенные под присягою крепостные люди Поручика Лермантова Илья и Ермолай Козловы, Иван Смирнов; Маиора Мартынова — Иван Вертюков показали: что они о дуэли прежде не знали; а известились о ней, когда Корнет Глебов приехал с места происшествия в квартиру, и приказал из них Илье Козлову и Ивану Вертюкову ехать за телом Лермантова. Во все же время соседственного квартирования Мартынова и Лермантова, люди показывают, что они жили дружелюбно.

Из всех обстоятельств этого дела, я признаю, подсудимых: отставного Маиора Мартынова, Титулярного Советника Князя Васильчикова и Лейб-Гвардии Корнета Глебова, виновными: первого — в убийстве на дуэли Поручика Тенгинского пехотного полка Лермантова; а последних — в участвовании в том и не объявлении о дуэли местному начальству; в следствие чего, хотя на основании Свода военных постановлений части пятой устава военно-уголовного, Книги 1й Статей 376, 395 и 398 все означенные подсудимые, подлежат равному наказанию именно: лишению прав состояния с отсылкою в каторжную работу, как и коммисия военного суда приговорила, упустив только последнее: «отсылку в каторжную работу», чрез то, что не привела к делу всех приличных статей закона: — но соображаясь с милосердием Государя Императора, милующего тяжких преступников и на основании той же 1й Книги военно-уголовного устава статьи 113; я мнением моим полагаю, при определении наказания подсудимых, для уменьшения оного, принять в уважение следующее:

Маиора Мартынова, учинившего убийство, так как он вынужден был к дуэли самим Лермантовым чрез беспрестанные словесные обиды сего последнего, на которые Мартынов ответствовал благоразумным увещанием и терпением долгое время, пока наконец был доведен до крайности беспокоившим его Лермантовым; равным образом принимая во внимание добровольное признание перед судом и прежнюю беспорочную службу его Мартынова; начатую в Гвардии и отличие в экспедиции против горцев в 1837м году, за которое он удостоен ордена Св. Анны 3 степени с бантом — лишить его Мартынова чина, ордена и написать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства.

Секундантов Корнета Глебова и Князя Васильчикова — во внимании к молодости обоих, хорошей службе, усилию, с которым они старались помирить ссорящихся; а равно уважая чистое сознание их преступления своего пред судом и следствием; бытность в экспедиции против горцев в 1840м году первого из них Корнета Глебова и полученную им тогда тяжкую рану, вменив им в наказание содержание под арестом до предания суду, выдержать еще некоторое время в крепости с записанием штрафа сего в формулярные их списки. В прочем мнение это и участь подсудимых, предаю на благоусмотрение Высшего Начальства. Заключено

Генерал Адъютант *Граббе*

№ 21990
7 ноября 1841 года.

15.

ДОКЛАД

По военно-судному делу произведенному над отставным Майорам Мартыновым, Корнетом Лейб Гвардии конного полка Глебовым и служащим в собственной Его Императорского Величества канцелярии Титулярным Советником Князем Васильчиковым, сужденными по Высочайшему повелению не арестованными: первый — за убийство на дуэли Поручика Навагинского пехотного полка Лермантова, а последние — за принятие на себя посредничества при этом поединке. «19-го» Ноября 1841-го года Г. Тифлис.

Об Отставном Майоре Мартынове согласиться с мнением Генерал Адъютанта Граббе; Корнета Глебова и Титулярного Советника Князя Васильчикова, выдержать в крепости на гауптвахте один месяц и первого из них перевесть из Гвардии в Армию тем же чином. Головин.

Отставной Майор Мартынов и Поручик Лермантов, в Июле месяце сего года, поссорившись между собою, условились кончить это поединком и потому, пригласив в секунданты Мартынов — Корнета Глебова, а Лермантов — Князя Васильчикова, 15-го Июля в $6^1/_2$ часов по полудни, выехали из Пятигорска * и остановясь в четырех верстах от Города, у подошвы горы Машухи, Глебов и Васильчиков отмерили барьер в 15 шагов, поставили на концах его фуражки, отщитали еще по десяти шагов в стороны и дали Мартынову и Лермантову заряженные пулями пистолеты. Условия поединка были: сходиться к барьеру по знаку одного из секундантов и стрелять попропзволу, на походе или на месте. Знак подал Глебов. Мартынов и Лермантов начали сходиться, и приблизившись к барьеру, Мартынов выстрелил и ранил Лермантова в правый бок на вылет, от чего он в то же время умер. После того тело Лермантова, по приказанию Глебова, перевезено было кучером Лермантова на его квартиру, а потом Глебов вечером объявил об этом поединке Пятигорскому Окружному Начальнику Полковнику Ильяшенкову.

По медицинскому свидетельствованию, произведенному телу Лермантова, оказалось, что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастении ребра с хрящем, пробила правое и левое легкое и вышла между пятым и шестым ребрами левой стороны, от которой раны Поручик Лермантов мгновенно на месте поединка умер.

Причиною поединка между Мартыновым и Лермантовым, как Мартынов при следствии и в военном суде показал было то, что Лермантов с самого приезда в Пятигорск не пропускал ни одного случая сказать ему, Мартынову, что нибудь неприятное: остроты, колкости, насмешки, одним словом все, чем только можно досадить человеку, не касаясь его чести, и хотя он, Мартынов, показывал, что не намерен служить мишенью для его ума, а потом недели за три до поединка, просил его оставить шутки; но Лермантов, отшучиваясь, предлагал ему в свою очередь смеятся над ним и наконец, за два дня до поединка, на вечере у Генерал Майорши Верзилиной, привязываясь к каждому слову его, Мартынова, и на каждом шагу показывая явное желание ему досадить, вывел его из терпения и заставил решиться положить этому конец. При выходе из дому Верзилиной он, Мартынов, удержав Лермантова, просил его прекратить несносные его шутки и сказал, что если он еще раз вздумает выбрать его предметом своей остроты, то он заставит его перестать; но Лермантов, не дав ему кончить, повторил несколько раз, что ему не нравиться тон этой проповеди, что он не может ему запретить говорить про него что он захочет и в довершение сказал: «вместо пустых угроз, ты гораздо бы лучше

* Поручик Лермантов и корнет Глебов находились в Пятигорске для пользования минеральными водами, первый — от болезни, а последний — от раны; зачем же были там Майор Мартынов и Князь Васильчиков — сведения в деле нет.

сделал, если б действовал; ты знаешь, что я от дуэлей никогда не отказываюсь: следовательно ты никого этим не испугаешь». После такого объяснения он, Мартынов, сказав Лермантову, что в таком случае пришлет к нему своего секунданта, послал за корнетом Глебовым, объявил ему в чем дело, просил быть у него секундантом и, по получении от него согласия, сказал, что бы он, на другой день с рассветом, отправился к Лермантову. При этом случае Глебов попробовал было уговаривать его — Мартынова; но он решительно объявил, что Глебов из слов самого Лермантова увидит, что в сущности не он, Мартынов, вызывает, а его вызывают, и что поэтому ему не возможно сделать первому шаг к примирению. После того, на другой день, он, Мартынов, требовал от Лермантова формального удовлетворения; при чем Глебов и Князь Васильчиков всеми силами старались помирить их; но так как они не могли сказать ему, Мартынову, ни чего от имени Лермантова, а только хотели уговорить его взять назад вызов, то он не мог на это согласится и отвечал, что он уже сделал шаг за три недели пред тем, прося Лермантова оставить шутки, что Лермантов сам надоумил его что нужно делать, и что совет его, данный ему на кануне, есть нечто иное — как вызов. После еще нескольких попыток, Глебов и Князь Васильчиков убедились, что уговорить его, Мартынова, взять назад вызов — есть дело невозможное.

Генерал Майорша Верзилина под присягою отозвалась, что неприятностей между Лермантовым и Мартыновым, бывшими у нее вечером 12-го Июля, она не заметила.

Крепостные люди Мартынова и Лермантова, четыре человека, показали под присягою, что Мартынов и Лермантов жили дружелюбно.

Корнет Глебов и Князь Васильчиков объяснили, что поводом дуэли между Мартыновым и Лермантовым точно были насмешки со стороны Лермантова на счет Мартынова, который, как говорил им, предупреждал несколько раз Лермантова; но не видя конца его насмешкам, объявил Лермантову, что он заставит его молчать, а Лермантов отвечал, что вместо угроз, которых он не боится, требовал бы удовлетворения. О старой вражде их, Мартынов и Лермантов ни чего им не говорили. Они употребили все усилия примирить ссорящихся; но Мартынов на все их убеждения говорил, что не может взять своего вызова, упираясь на слова Лермантова, который сам намекал ему о требовании удовлетворения. Уведомить начальство они не могли потому, что обязались словом дуэлистам ни говорить никому о произшедшей ссоре.

По формулярным спискам

Отставной Майор Мартынов 24-х лет; из Дворян; в службу вступил в Кавалергардский Его Величества полк 17-го Октября 1832 года, произведен в Корнеты 6-го Декабря 1835-го года, уволен в отставку Майором 23-го Февраля 1841-го; в походах и сражениях был против горцев и заотличие в экспедиции 1837-го года награжден орденом Св. Анны 3 степени с бантом; за смотры, ученья и маневры удостоился 27-м раз получить в числе прочих Высочайшие благоволения. В штрафах не был.

Титулярный Советник Князь Васильчиков 22-х лет; из Российских Князей; в службу поступил в II отделение

собственной Его Величества канцелярии 30-го Октября 1839-го года; 10-го Апреля 1840-го года, по Высочайшему повелению, командирован для занятий по службе при Тайном Советнике Сенаторе Бароне Гане на время Высочайше на него возложенного введения за Кавказом нового устройства. В походах и штрафах не был *.

О Корнете Глебове не прислано формулярного списка из полка. 23 лет.

Сентенция — Военный суд, на основании свода военных постановлений 5 части книги статей 376, 395 и 398, приговорил: подсудимых — отставного Манора Мартынова, за произведение с Поручиком Лермантовым дуэли, на которой убил его, а Корнета Глебова и Князя Васильчикова, за принятие на себя посредничества при этой дуэли, лишить чинов и прав состояния. —

Мнение — Командующий войсками на Кавказской Линии и Черномории Генерал Адъютант Граббе, принимая во уважение, что Манор Мартынов вынужден был к дуэли самим Поручиком Лермантовым через беспрестанные словесные обиды сего последнего, на которые Мартынов ответствовал увещанием и терпением долгое время, но наконец был доведен до крайности беспокойством его Лермантова; равным образом, принимая во внимание добровольное признание перед судом и прежнюю беспорочную службу Мартынова, начатую в Гвардии и отличие в экспедиции против горцев в 1837 году, за которое удостоин ордена Св. Анны 3-й степени с бантом, полагает лишить его Мартынова чина Ордена и написать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства. А секундантам Корнету Глебову и Князю Васильчикову, во внимание к молодости обоих, хорошей их службе и усилию, с которым они старались помирить ссорящихся, а равно, уважая чистое сознание их в преступлении своем пред судом и следствием, бытность в экспедиции против горцев в 1840 году первого из них Корнета Глебова и полученную им тогда тяжкую рану, вменив в наказание содержание под арестом до предания суду, выдержать еще некоторое время в крепости с записанием сего штрафа в формулярные их списки.

Дело это начато:

Следствием 17-го Июля 1841 года
Судом 27-го Сентября 1841 года
Кончено 30-го Сентября 1841 года

В Корпусной Штаб поступило 13-го Ноября 1841 года.

Подсудимые: отставной Манор Мартынов, Корнет Глебов и Титулярный Советник Князь Васильчиков находятся на свободе.

Законами повелено: Свода военных постановлений части 5 книги 1. статьями:

376. Умышленный смертоубийца подлежит лишению всех прав состояния, наказанию шпицрутенами и ссылке в каторжную работу.

---

* В этом списке не означено, когда Князь Васильчиков получил чин Титулярного Советника, а сам он говорит, что этим чином награжден он в настоящем году за труды по введению нового устройства в Закавказском крае.

395. Кто вызвав другого на поединок, учинит рану, увечье или убийство: тот наказывается как о ранах, увечье и убийстве умышленном поставлено.

397. Примиритель и посредники или секунданты, не успевшие в примирении, и допустившие до поединка, не объявив о том в надлежащем месте, судятся как участники поединка и наказываются по мере учиненного вреда, то есть, если учинится убийство, как сообщники и участники убийства; если раны или увечья, как участники и сообщники в нанесении ран или увечья; если же убийства, ран или увечья не учинено, как участники самовольного суда и беззаконного мщения в нарушении мира, тишины, любви и согласия.

Аудитор.....

16.

От Корпусного
Командира
№ 1057.
23. Ноября 1841 года

Господину Военному Министру.

Представляя при сем к Вашему Сиятельству военно-судное дело, произведенное над отставным Майором Мартыновым Корнетом Лейб Гвардии Конного полка Глебовым и служащим в собственной Его Императорского Величества Канцелярии Титулярным Советником Князем Васильчиковым, сужденными первый за произведение с Поручиком, Тенгинского пехотного полка, Лермонтовым дуэли и убийство его, а последние за принятие на себя посредничества при сей дуэли и мнение мое по сему делу, имею честь донести, что как лицам сим по Высочайшему повелению дозволено: Глебову и князю Васильчикову отправиться в С. Петербург, а Мартынову избрать по произволу место жительства, то я не находил удобным конфирмовать оное окончательно и посему покорнейше прошу Ваше Сиятельство мнение мое повергнуть на Высочайшее Государя Императора благорассмотрение.

Верно: Аудитор *Ефремов.*

МНЕНИЕ

Командира Отдельного Кавказского Корпуса.

По рассмотрении военно-судного дела, произведенного над отставным, состоявшим по Кавалерии при Гребенском казачьем полку Майором Мартыновым, Корнетом Лейб Гвардии конного полка Глебовым и служащим в собственной Его Императорского Величества канцелярии Титулярным Советником Князем Васильчиковым, сужденными по Высочайшему повелению неарестованными: первый за убийство на дуэли Поручика Навагинского пехотного полка Лермантова, а последние — за принятие на себя посредничества при этом поединке, оказалось:

Поручик Лермантов в Июне месяце сего года, прибыв в Пятигорск для пользования от болезни Минеральными водами и познакомившись с находившимся там же Майором Мартыновым, не пропускал ни одного

случая сказать ему что-нибудь неприятное и хотя Мартынов показывал что не намерен быть целью его острот и переносить колкости и насмешки, а потому просил Лермантова оставить шутки; но Лермантов отшучиваясь, предлагал ему в свою очередь смеяться над ним и наконец за два дни до поединка, на вечере у Генерал Майорши Верзилиной, привязываясь к каждому слову Мартынова и показывая на каждом шагу явное желание ему досадить, вывел его из терпения. По выходе из дому Верзилиной, Мартынов, опять просил Лермантова прекратить свои несносные шутки и сказал, что если он еще раз вздумает выбрать его предметом своей остроты, то он заставит его перестать, но Лермантов отвечал, что вместо пустых угроз, он гораздо бы лучшее сделал, еслиб действовал, что он, Лермантов, от дуэлей никогда не отказывается и что следовательно его этим не испугает. После такого объяснения, Мартынов предложил Лермантову дуэль и выбрал своим секундантом Корнета Глебова, а Лермантов с своей стороны князя Васильчикова, на другой [день], т. е. 15го Июля, Корнет Глебов и князь Васильчиков всеми силами старались помирить Мартынова с Лермантовым, но Мартынов на это не согласился, представляя причиною то, что ему нельзя сделать первому шаг к примирению потому, что в сущности не он вызывает, а его вызывают, и наконец все они Мартынов, Лермантов, Глебов и князь Васильчиков, того ж дня в $6^1/_2$ часов пополудни, выехали из Пятигорска и остановясь в 4. верстах от Города, у подошвы горы Машук, секунданты отмерили барьер в 15 шагов и дав дуэлистам заряженные пулями пистолеты, назначили стрелять по произволу и по данному знаку, — Мартынов подходя к барьеру выстрелил в Лермантова первый и ранил его в правый бок на вылет, от чего он в то же время умер.

Так объяснил это произшествие Майор Мартынов; Корнет же Глебов и князь Васильчиков отозвались, — что они, не успев помирить Мартынова с Лермантовым, не донесли о том Начальству потому, что обязались им честным словом не говорить никому о произшедшей между ними ссоре.

По сим обстоятельствам, признавая подсудимых: отставного Майора Мартынова, Корнета Глебова и Титулярного Советника князя Васильчикова виновными — первого в произведении с Поручиком Лермантовым поединка, на котором убил его, а последних в принятии на себя посредничества при этом поединке, мнением моим полагаю: Майора Мартынова, в уважение прежней его беспорочной службы начатой в Гвардии, отличия оказанного в экспедиции против горцев в 1837 году, за что он удостоен ордена св. Анны 3. степени с бантом и того, что Мартынов вынужден был к произведению дуэли с Лермантовым беспрестанными его обидами, на которые долгое время ответствовал он увещанием и терпением, лишить чина, ордена и написать в рядовые до отличной выслуги, а Корнета Глебова и князя Васильчикова, хотя следовало бы подвергнуть одинакому наказанию с Майором Мартыновым; но принимая во внимание молодость их, хорошую службу, бытность первого из них в экспедиции против горцев в 1840 году и полученную им тогда тяжелую рану, вменив им в наказание содержание под арестом до предания суду, выдержать еще в крепости на Гаубтвахте один месяц и Глебова перевесть из Гвардии в Армию тем же чином, повергая впрочем участь подсудимых на Высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение. Г. Тифлис Ноября 21 дня 1841 года.

Верно: Аудитор *Ефремов.*

17.

МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ
ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ
Канцелярия

Стол 2
С. Петербург.
4-го Ноября 1841 года.

№ 4035

Корпусного Штаба № 35413
получ. 20 Ноября 1841.
Судного Отд. № 1680
получ. 22 Ноября 1841.

Господину Командиру Отдельного Кавказского Корпуса.

О содействии к скорейшему окончанию дела об отставном Маноре Мартынове и прочих.

От 10 Сентября и 29-го Октября сего года за № 3339 и 3955, я имел честь относиться к вашему Высокопревосходительству, о содействии к скорейшему окончанию военно-судного дела об отставном Маноре Мартынове, Лейб Гвардии конного полка Корнете Глебове и Титулярном Советнике Князе Васильчикове, которое, как из полученных в Аудиториатском Департаменте за Сентябрь м-ц сего года Статейных списков видно, остается в Комиссии военного Суда, учрежденной при Пятигорском Комендантском Управлении, не решенным единственно за непересылкою на бело выписки. —

Предполагая по времени, что дело сие ныне уже кончено в Комиссии военного суда, и следовательно в непродолжительном времени должно быть представлено на ревизию к Вашему Высокопревосходительству, я долгом поставляю вновь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, принять зависящие от Вас меры, дабы по получении означенного дела, сколь возможно поспешнее рассмотрено было оное и приведено к окончанию на законном основании.

Военный Министр Князь *Чернышев.*
Генерал-Аудитор *Ивинский.*

18.

МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ
ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ

Канцелярия
Стол 2
С. Петербург
«7» Ноября 1841 года.

№ 4067.

Корпусного Штаба № 35744
получ. 20 Ноября 1841.
Судного Отд. № 1679
получ. 22 Ноября 1841.

Господину Командиру Отдельного Кавказского Корпуса.

От 4 сего Ноября за № 4035, я имел честь отнестись к Вашему Высокопревосходительству о скорейшем рассмотрении и приведении к окончанию, по поступлении к Вам Милостивый Государь, дела об отставном Маноре Мартынове, убившем на дуэли Поручика Тенгинского

С изъяснением Высочайшего повеления о дозволении отправиться подсудимым: Князю Васильчикову и Корнету Глебову в С. Петербург, а Манору Мартынову, по выбору места жительства.

пехотного полка Лермантова и о бывших при этой дуели Л. Гв. Конного полка Корнете Глебове и Титулярном Советнике Князе Васильчикове.

Ныне Государь Император Высочайше повелеть соизволил: означенным подсудимым: Манору Мартынову, Титулярному Советнику Князю Васильчикову и Корнету Глебову, если Суд над ними уже кончен и представлен на конфирмацию Высшего Начальства, дозволить отправиться: Князю Васильчикову и Глебову в С. Петербург, а Манору Мартынову, по выбору места жительства, обязав их всех троих подпискою, не выезжать из сих мест до окончательной конфирмации военно-судного об них дела.

Сообщив вместе с сим изъясненную Высочайшую волю Командующему войсками на Кавказской Линии и в Черномории, для зависящего от него исполнения, — я долгом счел уведомить об оной Ваше Высокопревосходительство.

Военный Министр Князь *Чернышев.*
Генерал-Аудитор *Ивинский*

19.

ШТАБ
ВОЙСК КАВКАЗСКОЙ
ЛИНИИ И ЧЕРНОМОРИИ

По Дежурству
Отделение
Военно-судное
Г. Ставрополь
28 Ноября 1841.

№ 23246.

Корпусного Штаба № 37424
получ. 9 Декабря 1841.
Судного Отд. № 1764
получ. 10 Декабря 1841.

Командиру Отдельного Кавказского Корпуса, Господину Генералу от Инфантерии и Кавалеру Головину I.

Командующего Войсками,
Генерал-Адъютанта Граббе.

РАПОРТ.

От 7-го Ноября сего года (№ 21989), я представил к Вашему Высокопревосходительству, военно-судное дело, произведенное над отставным Манором Мартыновым, убившим на дуели Поручика Тенгинского пехотного полка Лермантова и бывших при этой дуели секундантами, Лейб-Гвардии Конного полка Корнетом Глебовым и Титулярным Советником Князем Васильчиковым; но в мнении моем по этому делу, не помещены деньги, издержанные Презусом, Ассесорами и Аудитором, прогонные и суточные, всего сто пятьдесят четыре рубли семдесят две с половиною копеек ассигнациями.

В следствие чего имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что деньги эти, в возврат казне, я полагаю взыскать с подсудимых, по равной части.

Генерал Адъютант *Граббе.*

Управляющий Отделением,
Состоящий по Кавалерии, Манор *Булгаков.*

Военному М. 17 Декабря 1123.

20.

От Г. Корпусного
Командира № 1123.
17 Декабря 1841.

Господину Военному Министру.

Командующий войсками на Кавказской Линии и в Черномории Генерал Адъютант Граббе, от 27 Ноября № 23246, донес мне, что в мнении его, по военно-судному делу, произведенному над отставным Майором Мартыновым, убившем на дуэли Поручика Тенгинского пехотного полка Лермантова и бывших при этой дуэли секундантами Корнете, Лейб Гвардии конного полка, Глебове и Титулярном Советнике князе Васильчикове, не помещены деньги, издержанные Презусом, Ассесорами и Аудитором, прогонные и суточные, всего сто пятдесят четыре рубли семдесят две с половиною копейки ассигнациями, которые он полагает взыскать с подсудимых по равной части и обратить в казну.

Донося о сем Вашему Сиятельству, в дополнение рапорта моего, от 23 Ноября № 1057, имею честь присовокупить, что я с мнением Генерал Адъютанта Граббе, насчет возврата сих денег с виновных, согласен и посему покорнейше прошу о взыскании оных не оставить зависящим распоряжением.

Верно: Аудитор *Ефремов.*

21.

ШТАБ
ВОЙСК КАВКАЗСКОЙ
ЛИНИИ И ЧЕРНОМОРИИ

По Дежурству
Отделение Судное
г. Ставрополь
10. Декабря 1841.

№ 24005

Корпусного Штаба № 38555
получ. 18 Декабря 1841.
Судного Отд. № 1811
получ. 19 Декабря 1841.

Командиру Отдельного Кавказского Корпуса Господину Генералу от Пнфантерии и Кавалеру Головину I-му,

Командующего войсками
Генерал-Адъютанта Граббе

РАПОРТ

С представлением формулярного списка Корнете Глебове, для приобщения к делу.

Доставленный ко мне, от 21-го Ноября сего года, № 2553 Пятигорским Комендантом Полковником Ильяшенковым, Формулярный список о службе Корнета Лейб-Гвардии конного полка Глебова, присем к Вашему Высокопревосходительству, для приобщения к судному делу, произведенному об отставном Маноре Мартынове, убившем на дуели Поручика Тенгинского пехотного полка Лермантова и о бывших при этой дуели секундантами: помянутом Глебове и Титулярном Советнике Князе Васильчикове, представить честь имею.

Генерал Адъютант *Граббе.*

Управляющий Отделением
Состоящий по Кавалерии Манор *Булгаков.*

22.

МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ
ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ.

Отделение 4.
Стол 2.
С. Петербург
«4» Генваря 1842 года.
№ 29.

Корпусного Штаба № 2612
получ. 27 Генваря 1842.
Судного Отделения № 175
получ. 28 Генваря 1842.

Господину Командиру Отдельного Кавказского Корпуса.

С изложением Высочайшей конфирмации по военно-судному делу о Манере Мартынове, Корнете Глебове и Титулярном Советнике князе Васильчикове.

Ваше Высокопревосходительство при отношении от 23-го Ноября минувшего 1841 года № 1057-й изволили препроводить ко мне военно-судное дело, произведенное в г. Пятигорске над уволенным от службы Манером Мартыновым, Корнетом Лейб Гвардии Конного полка Глебовым и Чиновником II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Титулярным Советником Князем Васильчиковым, из коих первый сужден был за дуэль в Июле того года с Поручиком Тенгинского пехотного полка Лермантовым, на которой сей последний убит, а Глебов и Князь Васильчиков за нахождение секундантами при той дуэли.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Его Величеству краткого извлечения из того дела, в 3-й день сего Генваря Высочайше повелеть соизволил: Манера Мартынова посадить в крепость на гоубтвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а Титулярного Советника Князя Васильчикова и Корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны.

Как подсудимые, с окончанием производства суда, по данному им дозволению из Пятигорска уже выехали: Манер Мартынов в Одессу, а Глебов и Князь Васильчиков в С. Петербург; то сделав надлежащее распоряжение о приведении вышеизложенной Высочайшей Конфирмации в исполнение, имею честь уведомить о том Ваше Высокопревосходительство, для сведения.

Военный Министр Князь *Чернышев.*

Генерал-Аудитор *Ивинский.*

23.

МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ
ДЕПАРТАМЕНТ
АУДИТОРИАТСКИЙ

Отделение 4.
Стол 2.
С. Петербург
«13» Января 1842 года.

№ 123.

Корпусного Штаба № 2487
получ. 28 Генваря 1842.
Судного Отделения № 120
получ. 29 Генваря 1842.

Господину Командиру Отдельного Кавказского Корпуса.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Его Величеству рапорта Вашего Высокопревосходительства от 17-го Декабря минувшего года за № 1123-м, о пополнении прогонных и суточных денег, употребленных при производстве военно-судного дела над отставным Манором Мартыновым, Корнетом Лейб-Гвардии Конного полка Глебовым и Титулярным Советником Князем Васильчиковым, всего ста пятидесяти четырех рублей семидесяти двух копеек ассигнациями, — Высочайше повелеть соизволил: деньги сии принять расходом на счет казны.

О таковой Высочайшей воле имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство для надлежащего исполнения.

Военный Министр Князь *Чернышев.*
Генерал-Аудитор *Ивинский.*

24.

От Г. Корпусного
Командира
№ 135
6 Февраля 1842 года

Господину Генерал-Адъютанту Граббе.

Господин Военный Министр отзывался от 4 и 13 минувшего Генваря № 129 и 126 уведомил меня, первым: что Государь Император, по всеподданнейшему докладу Его Величеству краткого извлечения из военно-судного дела, произведенного в Пятигорске над уволенным от службы Манором Мартыновым, Корнетом Лейб-Гвардии Конного полка Глебовым и Чиновником II Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии Титулярным Советником Князем Васильчиковым, суждениями первый за дуэль с Поручиком Тенгинского пехотного полка Лермантовым, на которой [с] ей последний убит, а последние за нахождение Секундантами при той дуэли; в 3[й] день того Генваря Высочайше повелеть соизволил: Манора Мартынова посадить в крепость на Гоубтвахту на три месяца и предать Церковному покаянию; а Титулярного Советника Князя Васильчикова и Корнета Глебова простить: первого во внимании к заслу-

гам отца, а второго по уважению полученной им в сражении раны. — Присовокупляя, что как подсудимые окончанием производства суда, по данному им дозволению из Пятигорска уже выехали: Манор Мартынов в Одессу, а Глебов и князь Васильчиков в С. Петербург: то Его Спятельство сделал надлежащее распоряжение о приведении вышеизложенной Высочайшей Конфирмации в исполнение, и вторым: Государь Император, по всеподданнейшему докладу Его Величеству, рапорта моего от 17. Декабря прошлого года, о пополнении прогонных и суточных денег, употребленных при производстве означенного военно-судного дела, всего ста пятидесяти четырех рублей семидесяти двух коп.ассигнациями, Высочайше повелеть соизволил: деньги сии принять расходом на счет казны.

О таковой Высочайшей воле уведомляю Ваше Превосходительство, в последствие рапорта Вашего ко мне от 28 Ноября 1841 года № 23246, для надлежащего исполнения.

Верно: Аудитор *Ефремов*.

ВОПРОСЫ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ Н. С. МАРТЫНОВУ 17 ИЮЛЯ 1841 Г. И ЕГО ОТВЕТЫ НА НИХ[1].

Господину Отставному Манору и Кавалеру Мартынову.

Следователей Подполковника Унтилова
Дворянского Заседателя Черепанова
Квартального Надзирателя Марушевского
Исправляющего должность Стряпчего Ольшанского
и находящегося при следствии Корпуса Жандармов
Подполковника Кушникова.

№ 5
17 Июля 1841 года.
Г. Пятигорск.

По предписанию Пятигорского Коменданта и Окружного начальника Господина Полковника и кавалера Ильяшенкова, от 16-го сего июля № 1351, производится нами исследование, о произшедшей 15-го числа дуэли, на которой вы убили из пистолета Тенгинского пехотного полка Поручика Лермонтова.

Покорнейше просим Ваше Высокоблагородие, уведомить нас, на сем же.

[1] Публикуем документы с полным сохранением особенностей их правописания. Зачеркнутые Мартыновым слова заключаем в прямые скобки. Текст вопросов и ответов, как 1-ю, так и 2-ю редакции, мы публикуем в полном соответствии с автографом, но копию текста препроводительной бумаги от имени следователей, с которой начинаем публикацию, соединяем в одно целое из трех частей, записанных Мартыновым без последовательности на разных страницах. После копии обращения следователей помещаем объяснение Мартынова по поводу служебных документов и вслед за тем 1-ю редакцию ответов Мартынова на поставленные вопросы.

Указ об отставке и все документы о вашей службе, равно и патенты на чины, не оставьте препроводить к нам, для приобщения оных к производимому делу.

Плац Манор Подполковник *Унтилов*
Квартальный Надзиратель — *Марушевский*
Исправляющий должность Окружного Стряпчего — *Ольшанскй.*
Корпуса Жандармов Подполковник — *Кушников.*

Мне еще не высланы из полка указ об отставке и протчие документы о моей службе [по прибытии моем на воды я требовал из полка через посредничество коменданта и окружного начальника Господина полковника и кавалера Ильяшенкова, но [до сих пор оные мне не высланы] еще их не получил.] — Патент же на производство мое в офицеры и грамоту на орден св. Анны 3-й степени с бантом при сем имею честь препроводить.

Отставной манор *Мартынов.*

На сей запрос Господ следователей имею честь объяснить как было дело.

(1-я редакция ответов Н. С. Мартынова).

1. Действительно находились за секундантов у меня: Корнет Глебов, а у поручика Лермонтова Титулярный Советник Князь Васильчиков.

2. Условлено было между нами сойтись на место к 6½ часам. — Я выехал немного ранее из своей квартиры верхом, — свои беговые дрожки дал Глебову. Он, Васильчиков и Лермонтов догнали меня уже по дороге. — Лермонтов был также верхом. — Кроме секундантов и нас двоих, никого не было на месте дуэли и никто решительно не знал об ней.

3. Мы стрелялись по левой стороне горы на дороге ведущей в какую то колонку, вблизи частого кустарника. — Был отмерен барьер в 15 шагов и от него в каждую сторону еще по десяти. Мы стали по крайним точкам. — Условия дуэли были: 1-е каждый имеет право стрелять когда ему угодно, стоя на месте или подходя к барьеру. — 2-е. Осечки должны были щитаться за выстрелы. 3-е. После первого промаха [. . . . .][1] противник имел право вызвать выстрелившего на барьер. — 4-е. Более трех выстрелов с каждой стороны не было допущено по условию. — Я зделал первый выстрел с барьера.

4. Я и Лермонтов ехали верхом на назначенное место. — Васильчиков и Глебов на беговых дрожках. — Проводников у нас не было: лошадей мы сами привязали к кустарникам а дрожки поставили в высокую траву по правой стороне дороги.

5. Для прислуги у меня находятся: камердинер мой Илья, повар Иван и казачек Ермошка (все трое крепостные). -

6. С самого приезда своего в Пятигорск Лермонтов не пропускал ни одного случая, чтобы не сказать мне чего нибудь неприятного. — Остроты, колкости, насмешки на мой щет одним словом все чем только можно досадить человеку, не касаясь до его чести. — Я показывал ему [сколько] [как] как мог что не намерен [служить ему] [быть для него] мишенью для его ума но он делал как будто не замечает. — Во время его болезни, недели три тому назад я говорил с ним об этом откровенно, просил его перестать [. . . . .][2] и продолжал свои шутки [как я принимал

[1] Одно слово тщательно вымарано.
[2] Одно слово зачеркнуто и не разобрано.

его шутки] и хоть он не обещал мне ничего отшучиваясь и в свою очередь предлагая мне [в свою очередь] смеятся над ним, но действительно перестал на несколько дней. — Потом опять взялся за прежнее. — На вечере у Верзилиных за два дня до дуэли он вывел меня из терпения привязываясь к каждому моему слову, на каждом шагу показывая явно желая мне досадить. — Я решился положить этому конец. — При выходе от Верзилиных я удержал его за руку чтобы он шел рядом со мной, остальные все были уже впереди. — Тут я сказал ему что я прежде просил его [перестать] прекратить эти несносные для меня шутки, но что теперь я предупреждаю его, что если он еще раз вздумает [еще раз] избирать меня [пищей] предметом для свое[го] й [ума] остроты, — то я заставлю его перестать. — Он не давал мне кончить и [отвечал] повторял несколько раз сряду. — [Вместо угроз я лучше советывал бы тебе приступить к делу. — Ты [не] знаешь что я никогда не отказываюсь от дуэлей. — А тон твоей проповеди мне что [бы] я не говорил ему этим тоном,] ему тон моей проповеди не нравится что я не могу запретить ему говорить про меня то что он хочет и в довершенье сказал мне: [. . . . .][1]. Вместо пустых угроз ты гораздо лучше бы зделал если бы действовал. — Ты знаешь что я никогда не отказыва[лся]юсь от дуэли, [и теперь я к твоим услугам] так ты ничего этим не испугаешь. — В это время мы подошли к его дому я сказал ему что в таком случае пришлю к нему своего секунданта и возвратился к себе. — Раздеваясь я сказал человеку чтобы он попросил ко мне Глебова когда он прийдет домой. Через четверть часа вошел ко мне в комнату Глебов. Я объяснил ему в чем дело, просил его быть моим секундантом и по получении от него согласия сказал ему чтобы он на другой же день [пораньше] с рассветом отправился [с вызовом] к Лермонтову. — Глебов попробовал было меня уговаривать, но я решительно объявил ему что он из слов самого же Лермонтова увидит что в сущности не я вызываю но меня вызывают и что потому с моей стороны не может быть зделано ни одного шагу к примирению.

7. [Тело убитого поручика Лермантова не известно мне в каком часу взято с места, — потому что [я уехал домой] простившись с ним тотчас уехал домой и уже несколько времени спустя послал своего человека Илью в помощь другим и велел ему также привезти мою черкесску когда].

Мне неизвестно в какое время [взято с места] [повезено] [увезено] [поднято] взято тело убитого поручика Лермантова. — Простившись с ним я тотчас же возвратился домой. Послал человека за своей черкесской которая осталась на месте чтобы явится к коменданту, — об остальном же и до сих пор ничего не знаю.

8. Я первый вызвал его. — На другой день описанного мною происшествия Глебов и Васильчиков пришли ко мне и всеми силами старались меня уговорить чтобы я взял назад свой вызыв. — Уверившись что они все это говорят от себя, но что со стороны Лермонтова нет даже [признака] и тени сожаления о случившемся, — я сказал им что не могу этого зделать, — что [после этого] мне на другой же день, [может быть], пришлось бы с ним [через платок стрелятся] пойти на ножи.

Они настаивали; — напоминали мне прежние мои [мои] [наши] отношения [к нему] [с ним] говорили о веселой жизни которая [всех нас еще] с ним ожидает [нас] в Кисловодске и что все это будет [уничтожено] [нарушено] расстроено моей глупой историей. —

Чтобы выдти из неприятного положения человека который мешает веселится другим, — я сказал им чтоб они зделали возвание к самим себе: — поступили ли бы они иначе на моем месте. После этого меня уже никто больше [не уговаривали] [никто] не уговаривал.

[1] Одно слово зачеркнуто и не разобрано.

(2-я редакция ответов Н. С. Мартынова).

1-й Вопрос. — На этой дуэле действительно ли находились за Секундантов Лейб Гвардии Конного полка Корнет Глебов и служащий в 11-м отделении собственной его императорского величества канцелярии, Титулярный советник Князь Васильчиков?

1-й Ответ. — Действительно находились за секундантов, — у меня: Корнет Глебов, а у Поручика Лермантова: — Титулярный Советник Князь Васильчиков. —

2-й Вопрос. — На эту дуэль из чьей квартиры или из какого места и в какое время выехали? — Кроме вас Г. Г. двух дуэлистов и двух секундантов Глебова и Князя Васильчикова, не выезжали еще кто из посторонних особ для зрелища, или по крайней мере, не были ли кто известны об этой, произойтить могущей дуэле? —

2-й Ответ. — Условлено было между нами сойтись на место к $6^1/_2$ часам по полудни. — Я выехал не много ранее из своей квартиры верхом; — беговые дрожки свои дал Глебову. — Он, Васильчиков и Лермантов догнали меня уже на дороге. [. . . . .][1] последние два были также верхом. — Кроме секундантов и нас двоих, никого не было на месте дуэли и никто решительно не знал об ней. —

3-й Вопрос. — Вы и Поручик Лермантов, (ныне убитый), в каком именно месте подле горы Машухи, в каком часу, на каком расстоянии между собою стрелялись? Какое было между Вами условие, — т. е.: обоим ли вместе, по данному знаку стрелять — или один после другого? — Поручик Лермантов выстрелил ли из своего пистолета или нет и по какой причине? —

3-й Ответ. — Мы стрелялись по левой стороне горы, — на дороге ведущей в какую-то колонку, вблизи частого кустарника. — Был отмерен барьер в 15-ть шагов и от него в каждую сторону еще по десяти. — Мы стали на крайних точках. — По условию дуэли, каждый из нас имел право стрелять когда ему вздумается, — стоя на месте или подходя к барьеру. — Я первый [выстрелил с барьера] пришел на барьер. — ждал несколько времени выстрела Лермантова потом спустил курок

4-й Вопрос. — К месту происшедшей дуэли, на чем все вы поехали? — На дрожках ли или на верховых лошадях? — Кто были при первых кучера или при последних проводники для держания лошадей? —

4-й Ответ. — Как уже было сказано выше: Я [и] Лермантов и Васильчиков ехали верхом на назначенное место; — [Васильчиков и] Глебов на беговых дрожках. — Проводников у нас не было. — Лошадей мы сами привязали к кустарникам а [беговые] дрожки поставили в высокую траву по правой стороне дороги. —

5-й Вопрос. — Какие именно люди находятся у вас для прислуги? —

5-й Ответ. — Для прислуги у меня находятся: камердинер мой Илья, повар Иван и казачек Ермошка (все трое мои крепостные). —

6-й Вопрос. — Какая причина была поводом к этой дуэле? Не происходило ли между вами и покойным Лермантовым ссоры или вражды? — С какого времени оная возникла? —

6-й Ответ. — С самого приезда своего в Пятигорск, Лермантов не пропускал ни одного случая, [чтобы не] где бы мог он сказать мне [чего] что нибудь [неприятного] неприятное. — Остроты, колкости, насмешки на мой щет, одним словом, все чем только можно досадить человеку; не касаясь до его чести. — Я показывал ему как [мог] умел, что не намерен служить мишенью для его ума, — но он делал как будто не замечает, — как я принимаю его шутки. — Недели три тому назад, — во время его

[1] Одно слово тщательно зачеркнуто.

болезни, я говорил с ним об этом откровенно; просил его перестать, и хотя он не обещал мне ничего, — отшучиваясь и предлагая мне, в свою очередь, смеятся над ним, — но действительно перестал на несколько дней.— Потом,— взялся опять за прежнее.— На вечере [у Верзилиных] в одном частном доме, за два дня до дуэли, — он вывел меня из терпения, привязываясь к каждому моему слову, — на каждом шагу показывая явное желание мне досадить. — Я решился положить этому конец. — При выходе [от Верзилиных] из этого дома, я удержал его за руку, чтобы он шел рядом со мной; — остальные все уже были впереди. — Тут, — я сказал ему, что [я] прежде я просил его прекратить эти несносные для меня шутки, — но что теперь, предупреждаю, [его], — что если он еще раз вздумает выбрать меня предметом для своей остроты, — то я заставлю его перестать. — Он не давал мне кончить и повторял несколько раз сряду: что ему, тон моей проповеди не нравится; что я не могу запретить ему говорить про меня, то что он хочет, — и в довершение [сказал мне] прибавил: «Вместо пустых угроз, ты гораздо бы лучше сделал, еслибы действовал. Ты знаешь что я никогда не отказываюсь от дуэлей; — следовательно ты никого этим не испугаешь». — В это время, мы подошли к его дому. — Я сказал ему что в таком случае пришлю к нему своего секунданта, — и возвратился к себе. — Раздеваясь, я [сказал] велел человеку [чтобы он] [попросил] попросить ко мне Глебова, когда он прийдет домой. — Через четверть часа, вошел ко мне в комнату Глебов. — Я объяснил ему в чем дело; просил его, быть моим секундантом и по получении от него согласия, сказал ему, чтобы он на другой же день с рассветом отправился к Лермантову. — Глебов попробовал было меня уговаривать,— но я решительно объявил ему, — что он из слов самого же Лермантова увидит, — что в сущности, — не я вызываю, — но меня вызывают, и что [поэтому] потому мне не возможно зделать [ни одного] шагу первому шаг к примирению. —

7-й Вопрос. — Тело убитого Поручика Лермантова, по чьему приказанию и в какое время после происшествия, привезено с места случившейся дуэли?, на его квартиру? — Кто именно из людей ездили за телом? —

7-й Ответ. — Мне неизвестно, в какое время взято, тело убитого Поручика Лермантова. — Простившись с ним, я тотчас же возвратился домой, и послал человека за своей черкесской, которая осталась на месте происшествия, — чтобы явится в ней к коменданту. — Об остальном же и до сих пор ничего не знаю. —

8-й Вопрос. — Кто из вас прежде зделал вызов на дуэль? Г. Г. Секунданты Глебов и Князь Васильчиков, употребляли ли средства к примирению вас ссорющихся и кто из вас не склонился на миролюбие?—

8-й Ответ. — В следствие [этих] слов Лермонтова: Вместо пустых угроз, [ты гораздо бы лучше], и проч.: которые уже были некоторым образом вызов, я на другой день требовал от него формально удовлетворения. — Васильчиков и Глебов старались всеми силами помирить меня с ним; — но так как они не [имели] [имели никакого полномочия] могли сказать мне ничего от его имени от [Лермантова] и [а просто] [и только] [а только] [уговаривать только] хотели меня [отказаться от вызова] взять [назад] [моего] мой назад: — я не мог на это согласится. — Я отвечал им: что я уже зделал шаг к сохранению мира [за три недели перед тем] [тому назад] прося его оставить свои шутки [и быть со мной при всех так как он бывал] что он пренебрег этим, и что сверх того теперь уже было поздно, когда сам он надоумил меня [что] в том что мне нужно было делать. — В особенности я сильно упирался на [этот] совет который он мне дал накануне и показывал им что [он] что этот совет [он] был не что иное как вызов. — После еще [с их стороны] нескольких [неудачных] попыток с их стороны они убедились что [меня] уговорить меня взять назад вызов, есть дело невозможное.

а только хотели уговорить меня взять назад вызов

ВОПРОСЫ ПЯТИГОРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА Н. С. МАРТЫНОВУ 13 СЕНТЯБРЯ 1841 г. И ЕГО ОТВЕТЫ НА НИХ

Вопросные пункты.

От Пятигорского Окружного Суда отставному Майору Николаю Мартынову, по делу о произведенной им дуэле с Поручиком Лермонтовым по которой Лермонтов убит. —

Данные 13-го Сентября 1841 года

Вопросы Ответы

1

Как вас звать и прозывают чей сын где родились и сколько имеет от роду лет.

2

Какого Вероисповедания, бываете ли на исповеди и у святого причастия из какого звания происходите, холосты или женаты на ком и имеете ли детей какого пола и каких лет. —

3

Знаете ли вы законы Божия и законы Всеавгустейшего Монарха и исполняете ли в точности оные.

4

С которого года поступили на службу какие имели отличия и Высочайшие за то награды и с которого времени в отставке.

5

К дополнению объяснения вашего данного следователям, по сему делу нужно иметь от Вашего Высокоблагородия сведения в следующем: в какое именно время прибыли вы в город Пятигорск и для какой надобности.

6

По приезде вашем в Пятигорск у кого из жителей остановились на квартире одни или с кем и чем занимались. —

7

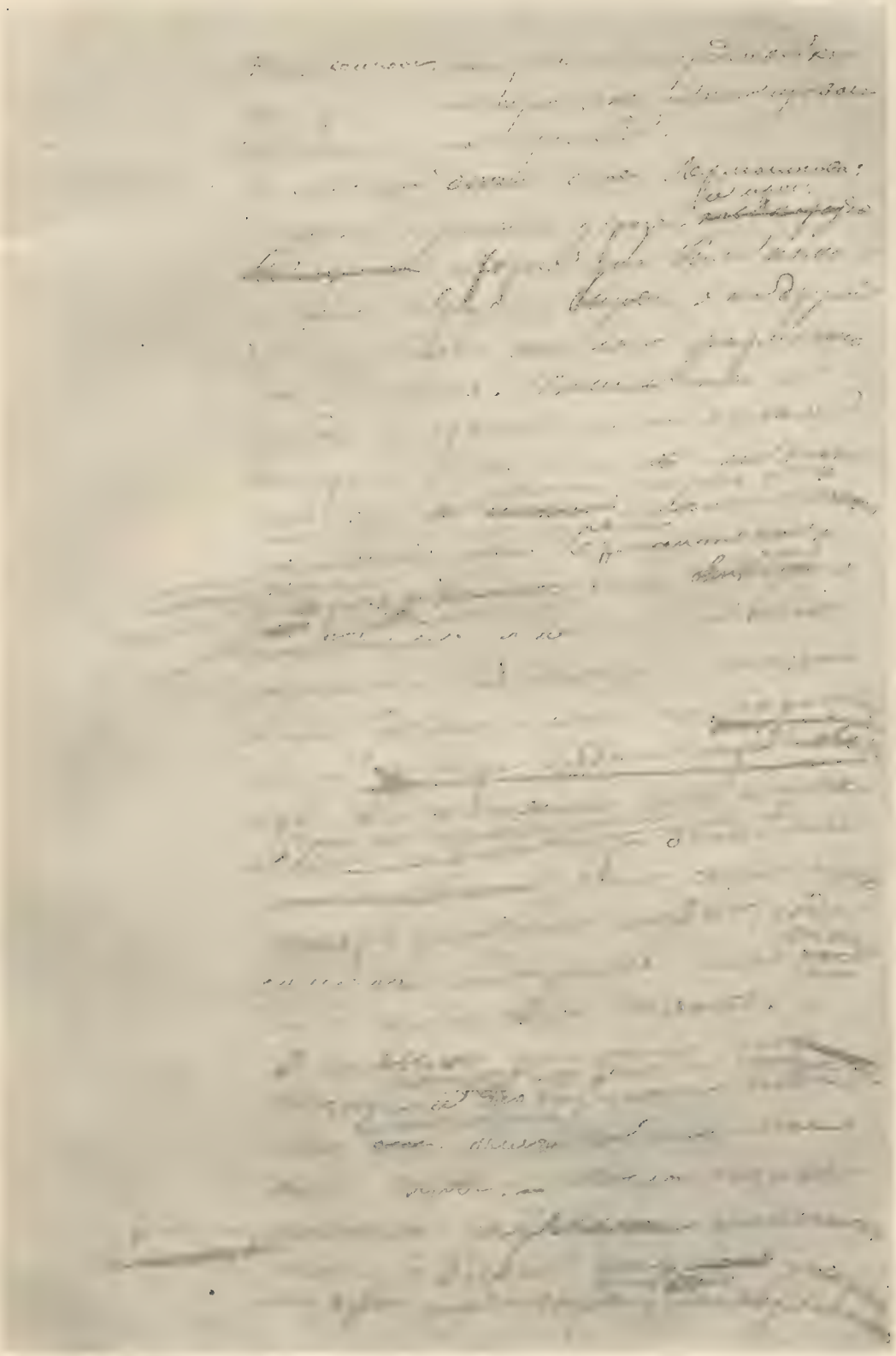
С которого времени вы имели с Лермонтовым знакомство и в каком отношении дружеском ли или политичном и какой был дан вами повод Лермонтову делать вам колкости и остроты (как без того не могло бы это от него произойти) в чем заключались наносимые вам Лермонтовым таковые обиды не относились ли его слова более к дружеской шутке или же к оскорблению чести вашей и какие были принимаемы с вашей стороны меры к отклонению неприятностей до прежде сего происшествия и при ком.

8

Не доносили ли вы на Лерм. за оскорбление вас колкостями местному начальству жалоб, — кому именно и какие были оным приняты [меры] к удержанию его Лермонтова средства; естли же не обнаруживали поступка Лермонтова то что вам в том служило препятствием или имели намерение до прежде сего случая вызвать его на поединок и не было ли к тому других кроме остроты и колкости побудительных причин.

9

Когда вы посылали от себя приглашенного вами секундантом корнета Глебова к Лермонтову с вызовом его на дуэль, то каков получился ответ Лермонтова и не говорили ли чего относящегося к миролюбию или про-



Страница из черновиков показаний Н. С. Мартынова
в ответ на вопросы следователя от 17 июля 1841 г. Автограф.

должал те колкости кои вас оскорбляли с согласием на ваш вызов и в чем заключались меры секундантов Г. Васильчикова и Глебова к примирению вас с Лермонтовым.

10

Когда назначено вами было время дуэли с Лерм: и прибывши на место расстоянием от города Пяти: в 4-х верс. что вами ли был размерен барьер или же секундантами и по вашему ли обеих с Лерм. согласию было назначено это расстояние для выстрела. Чьи были пистолеты и заряды и сами ли вы заряжали оные или кто другой. Не заметили ли вы у Лерм. пистолета осечки или он выжидал вами произведенного выстрела и не было ли употреблено с вашей стороны или секундантов намерения к лишению жизни Лерм. противных общей вашей цели мер.

11

По причинении вами выстрелом Лермонтову раны оставался ли он на месте при отъезде вашем в город жив, говорил ли при прощании вам что либо или был в то же время лишен жизни и в чем прощание ваше с ним заключалось.

По сему имеете на сем объяснить самую сущую правду не примешивая ничего к Делу не подлежащего и ответ представьте в суд в узаконенный срок.

В должности окружного судьи *Папарин*
Заседатель *Лаппа Данилевский*.
В должности Секретаря *Ольшанский*

(1-я редакция ответов Н. С. Мартынова).

1

Имя мое Николай Соломонов сын Мартынов, родился в Нижнем Новегороде, — имею от рода 25 лет [1]. —

2

Вероисповедания [греческого] Греко-Российского, — на исповеди и у святого причастия бываю; происхожу от дворянской фамилии, женат никогда не был. —

3

Закон Божий и законы Всеавгустейшего монарха знаю и исполнял [всегда] до сих пор в точности.

4

Поступил на службу в 1832 году, из знаков отличия имею орден Св. Анны третией степени с бантом, в отставке нахожусь с Марта месяца нынешнего года. —

5

Я прибыл в город Пятигорск в конце Апреля месяца, для пользования водами.

6

По приезде моем в Пятигорск я остановился в здешней ресторации и тщательно занялся лечением.

7

Я был знаком с Лермантовым [с 17-ти летнего возраста] [самого дня]

[1] Переправлено из «24 года».

с самого вступления моего в Юнкерскую школу [. . . . .][1] отношения наши были довольно близкие. — Поводом же к его остротам на мой щет [было] вероятно было не что другое иное как желание по острить; — [другого по крайней мере] по крайней мере я других не знаю причин] но как в подобном расположении духа, человек легко увлекается и незаметно переходит от невинной шутки к едкой насмешке — я несколько раз принужден был останавливать его и напоминать что всему есть мера. —

Я уже имел честь объяснить господам следователям, что оскорбления мне никакого нанесено не было, равно[мерно]мерно и то каким образом я хотел отвратить дальнейшие неприятности. — Что же касается до сущности этих насмешек [и колкостей] и колкостей, то в них помнишь не слово а намерение [а] [это] намерение было (вывести) дурное и потому если их и можно [бы было] назвать шутками, то уже во всяком случае не дружескими.

8

На сей пункт не имею [ничего] [чего] сказать [ничего] ничего [могущего служить к моему к своему оправданию] в свое оправдание. Доказательством же случайности поединка, может служить то, что вызов мой был зделан после объяснения, — [тогда] [только тогда] и именно тогда как уже мне не оставалось [уже] [уже] другого средства окончить с честью это дело. —

9

Не знаю продолжал ли он свои колкости во время вызова, только мне Глебов ничего об них не говорил [В] Переданный мне ответ [был] состоял что он готов исполнить мою волю. — Миролюбивых предложений [никаких не было зделано] он мне не делал. — Васильчиков и Глебов напоминали мне взаимные наши отношения и тесную связь которая до сего времени существовала между нами, желая через то убедить меня взять назад вызов. —

10

Как уже было мной сказано в ответе на 5-й пункт следственного дела

. . . . . .

Как я уже объяснил в ответе на пункт следственного дела, моя честь была затронута не насмешками его, а решительным отказом прекратить их и предложением разделатся иначе. —

В этом же пункте объясняется мной каким образом я хотел отвратить дальнейшие [про] неприятности что и было известно г-дам секундантам.

Я был знаком с Лер. с самого вступления моего в Юнкерскую школу. — Отношения наши были довольно близкие; — Поводом же к его остротам на мой щет было вероятно не что иное как желание поострить, по крайней мере я других причин не знаю — Но как в подобном расположении духа человек легко увлекается и незаметно переходит от неуместной шутки, к [едкой] язвительной насмешке, — [я был принужден останавливать его несколько раз] и так далее, то несколько раз был принужден останавливать его и напоминать что всему есть мера.

Хотя подобные шутки нельзя назвать дружескими, потому что они всегда обидны для самолюбия, — но я подтверждаю еще раз то что [сказал в] [видно из] [выражает] выражено в моем ответ [на] [мой] на 6-й пункт следственного дела а именно: что честь моя была затронута не насмешками а решительным отказом прекратить их и советом прибегнуть к увещаниям другого рода. —

[1] Два слова зачеркнуты и не разобраны.

Вступая с ним в объяснение я и в виду не имел вызывать его на дуэль но после подобной выходки с его стороны, — по понятиям с которыми я сроднился, — я почел бы себя обезчещенным если бы не истребовал [у него] [от него] [у него] от него удовлетворения.

(2-я редакция ответов Н. С. Мартынова).

1-й

Имя мое Николай Соломонов сын Мартынов, родился в Нижнем Новгороде; — имею от роду двадцать пять лет.

2-й

Вероисповедания Греко-Российского, — на исповеди и у святого причастия бываю; происхожу от дворянской фамилии, — женат никогда не был.

3-й

Закон Божий и законы Всеавгустейшего Монарха знаю и исполнял до сих пор в точности.

4-й

Поступил на действительную службу в 1832 году, из знаков отличия имею орден Св. Анны третьей степени с бантом; — в отставке нахожусь с Марта месяца нынешнего года. —

5-й

Я прибыл в город Пятигорск в конце Апреля месяца для пользования водами.

6-й

По приезде моем в Пятигорск я остановился в здешней ресторации и тщательно занялся лечением. —

7-й

Я был знаком с Лермантовым, с самого вступления моего в Юнкерскую Школу. — Отношения наши были довольно короткие. — Поводом же к его остротам на мой щет, вероятно было не что иное как желание поострить; — по крайней мере я других причин не знаю. — Но как в подобном расположении духа, человек легко увлекается и незаметно переходит от неуместной шутки, к язвительной насмешке и так далее, — то я был принужден несколько раз останавливать его и напоминать что всему есть мера. —

Хотя подобные шутки нельзя назвать дружескими, потому что они всегда обидны [для самолюбия,] — но я [подт] подтверждаю еще раз то, что выражено мною в ответе на 6-й пункт следственного дела; — а именно: что честь моя была затронута не насмешками его, но решительным отказом прекратить их и советом прибегнуть к увещаниям другого рода; — что, вступая с ним в объяснение, я и в виду не имел вызывать его на дуэль, но что после подобной выходки с его стороны, — [я почел бы себя обезчещенным, если бы не [истребовал] [у] принял его совета [от] и [не] него [. . . . . .] [1] [удовлетворения. —] по понятиям с которыми мы как будто сроднились мне уже не оставалось другого средства окончить с честью это дело.

В [этом] том же пункте объясняется мной, каким образом еще в начале, — я хотел отвратить дальнейшие неприятности, что и было известно Г-м Секундантам.

[1] Одно слово тщательно зачеркнуто.

8-й

На сей пункт [не имею] [имею] [имею] [не] имею сказать[. . . . .][1]) [одно] [ничего] одно в свое оправдание; [именно то] кроме — что поединок этот был совершенно случайный, [доказательством чего] [от] злобы к нему я никогда не питал следовательно [и не имел нужды] мне не зачем было иметь предлог с ним поссориться и в доказательство привожу неоднократный отзыв мой Г-м Секундантам, в чем именно почитаю себя обиженным и по каким причинам [сам] не могу сам зделать первого шага к примирению.

9-й

Не знаю продолжал ли он свои колкости во время вызова, только мне Глебов ничего об них не говорил. — Переданный мне ответ состоял в простом согласии [исполнить мое желание,] без всяких миролюбивых предложений [его с своей стороны]. — Васильчиков и Глебов напоминали мне [взаимные] [наши] прежние мои отношения с ним и тесную связь которая до сего времени существовала между нами, [желая через то убедить меня взять назад вызов] желая кончить [миролюбиво] [дружелюбно] это дело дружелюбно.

10-й

По нашему обоюдному согласию был назначен барьер в 15-ть шагов. Хотя и было положено между нами щитать осечку за выстрел, но у его пистолета осечки не было. — Остальное же все, было предоставлено нами Секундантам и как их прямая обязанность состояла в наблюдении за ходом дела [и потому и прошу г-д Следователей отнестись к ним для узнания] то они и могут объяснить, не было ли нами отступлено от принятых правил. [Накануне дуэли Глебов мне сказал что пистолеты будут, но кому они принадлежали, не знаю. —]

11-й

От зделанного мною выстрела он упал, — и хотя признаки жизни еще были видны в нем, — но уже он [ни слова] не говорил. — Я поцеловал его и тотчас же отправился домой, полагая что помощь может еще подоспеть к нему во время. —

Примечания

Публикуемые документы поступили в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина (тогда Румянцевский музей) 18 ноября 1921 г. Они были переданы Московским губполитпросветом Наркомпроса в сопровождении следующего отношения:

«В Б-ку Румянцевского музея.

Информационно-инструкторское отделение Кабинет внешкольника Московского губполитпросвета при сем препровождает Вам случайно к нему попавший следственный материал по делу поединка Мартынова и Лермонтова». (Подписи заведующего и секретаря.)

При переданных документах находился лист, на котором рукою П. И. Бартенева написано: «Бумаги следственной комиссии и Пятигорского окружного суда о поединке Мартынова с Лермонтовым. Июль—сентябрь 1841 года».

О том, какова была история этих документов до 1921 г., можно только догадываться.

«Дело» находилось, несомненно, в архиве какого-то правительственного учреждения (не в Москве) еще в июле 1912 года, на что указывают пометки на обложке (см.

[1] Одно слово тщательно зачеркнуто.

далее), показания же Мартынова должны были, конечно, оставаться в его личном архиве. От наследников Мартынова черновики его показаний в 1893 г. получил (может быть на время) Бартенев для публикации в «Русском архиве». Именно к этим только документам и относится его надпись на листе. Даты «июль—сентябрь» — это даты показаний Мартынова следственной комиссии и окружному суду. Даты «Дела» захватывают январь 1842 г.

Кто объединил эти документы с различным происхождением, хотя и близким содержанием? Есть основания думать, что это были наследники Мартынова. По свидетельству ак. Ю. М. Соколова, в 1920 г. он, в качестве зам. зав. Отдела научных библиотек при Наркомпросе, посетил в с. Знаменском усадьбу, принадлежавшую ранее Мартыновым. Там он видел подлинное «Дело» о дуэли Лермонтова и Мартынова и бумаги самого Мартынова. Дом в Знаменском и находившееся в нем имущество были тогда в ведении Мосгубполитпросвета. Ю. М. Соколовым было сделано предложение бывшим там политпросветработникам передать эти материалы в Румянцевский музей. По всей вероятности эти бумаги и были через некоторое время доставлены в Москву и переданы в Отдел рукописей как «случайно попавший материал».

Помещаем ниже описание документов:

1. «Дело Штаба Отдельного Кавказского Корпуса»... имеет вид тетради, сшитой из 56 лл. разм. 32 ×20 см. Частично листы в тетради подклеены. Обложка из плотной сероватой бумаги. Общая сохранность документа хорошая.

На 1 стр. обложки, воспроизведенной между 16 и 17 стр., первые пять и четыре последние его строки — печатные , с проставленными в них от руки номером, датами и количеством листов.

Средние строки, содержащие название дела, вписаны от руки.

Кроме этого текста, относящегося ко времени производства дела, на обложке имеется несколько более поздних пометок, а именно:

Наверху, посредине страницы, очевидно, номер — 1139 — и надпись красными чернилами «Х р а н и т ь в с е г д а». Ниже, над названием дела: «По описи № 199». Под названием дела полустертым карандашом помета: «всегда» и немного ниже чернилами: «Подлежит вечному хранению 19 $\frac{12}{VII}$ 12.» В верхнем левом углу наискось полустертым карандашом надпись с неразборчивою подписью: «в Москву в Истор. Ко[миссию?] при Импер. Унив. высылались копии с этой переписки». Наконец, внизу страницы, под числом листов (55) карандашом написано: «41». Очевидно, из общего числа листов исключены имеющиеся в деле 14 чистых листов.

На обратной стороне 1-го листа обложки находится опубликованная на стр. 30 «Опись бумагам». Первые три строки ее печатные, перечень же бумаг вписан от руки. Конец подписи под описью неразборчив. Та же подпись на листе 55 об., где находится следующая запись: «В сем деле номерованных пятьдесят пять листов. Маиор Горнушен...»

Все имеющиеся в деле документы, как подлинники, так и копии, написаны писарской рукой. В дальнейших примечаниях к каждому документу в отдельности мы отмечаем лишь наличие подлинных подписей. Нумерация документов та же что в «Описи бумагам»

1. 1 л. 2 стр. Подписи Ильяшенкова и Сидери. Наверху стр. 1 пометка другой рукою о получении. Слева на полях стр. 1 карандашом; «к сведению», на стр. 2 также карандашом: «подписал».

2. 1 л. 1 стр. Подпись Граббе. Наверху 1 стр. штамп корпусного штаба о получении с проставленным от руки номером и датой. Карандашом: «подписал».

3. 2 лл. 2 стр. Штамп Штаба войск Кавказской линии и Черномории. Подпись Траскина. Приложение на 2 лл. 2 стр. Копии, заверенные подписями Траскина.

4. 1 л. 2 стр. Штамп Военного министерства. Подписи Чернышева и дежурного генерала (неразборчива). Наверху 1 стр. штамп Корпусного штаба о получении. На 1 стр. слева помета, сделанная в Штабе о предписании г. Граббе (напечатана с текстом документа стр. 32).

5. 1 л. 2 стр. Копия, заверенная подписью Ефремова.

6. 2 лл. 2 стр. Штамп Штаба войск Кавказской линии и Черномории. Подписи

Траскина и Булгакова. Наверху 1 стр. штамп корпусного штаба о получении, внизу помета карандашом: «суди. части».

7. 2 лл. 3 стр. Штамп Военного министерства. Подписи Чернышова и Ивинского. Последняя подпись не совсем разборчива. Наверху 1 стр. штамп корпусного штаба о получении. Пометка: «нужное». Карандашом: «написать Г-лу Граббе доложить Г-у К. И-у (?) Предписать Г. Граббе завтра же и донести Г. В. М. завтра же. 25 сент. Суди. части». Далее чернилами, очевидно, №№ ответных отношений: «26 сент. В. М. № 881 Г. А. Граббе № 882». Карандашом подчеркнута часть текста отношения и отмечены чертой на полях слова об ускорении окончания дела.

8. 2 лл. 3 стр. Копия, заверенная подписью Ефремова.

9. 1 л. 2 стр. Копия, заверенная подписью Ефремова.

10. 2 лл. 2 стр. Штамп Штаба войск Кавказской линии и Черномории. Подписи Траскина и Булгакова. Наверху 1 стр. штамп корпусного штаба о получении. Слева карандашом помета: «к сведению».

11. 1 л. 2 стр. Штамп Штаба корпуса, подписи Иванова и Кобенина. Наверху 1 стр. помета рукою Ильяшенкова: «Уведомить»... и т. д. (опубликована с текстом документа стр. 37) Бумага со следами проколов при карантине.

12. 1 л. 1 стр. (на том же листе бумаги, на котором и предыдущее отношение). Подписи Ильяшенкова и Сидери. Наверху штамп Штаба корпуса о получении. Между подписями пометка карандашом: «К сведению».

13. 1 л. 2 стр. Штамп Военного министерства. Подписи Чернышева и Ивинского. Наверху 1 стр. штамп Штаба корпуса о получении, внизу — карандашом: «Суди. Отд.».

14. 1 л. 1 стр. Штамп Штаба войск Кавказской линии и Черномории. Подписи Граббе и Булгакова. Наверху 1 стр. по ета Штаба корпуса о получении. Над ним помета карандашом: «13 ноября». Приложение на 4 лл. 6 стр. Подпись Граббе. В тексте, написанном писарской рукою, приговоры Мартынову (начиная со слов: «лишить его...») и приговоры Глебову и Васильчикову (начиная со слов: «вменив им в наказание»...) вписаны другой рукой, очевидно, в оставленные свободными промежутки.

15. 6 лл. 10 стр. Копия, заверенная аудитором, подпись которого неразборчива. На стр. 1 слева внизу и продолжаясь на стр. 2 наверху помета рукою Головина с его подписью (опубликована с текстом. См. со слов: «Об отставном маноре Мартынове»...)

На стр. 1 подчеркнуты карандашом строки: «Лейб-гвардии конного полка Глебовым». В фразе: «Навагинского пехотного полка» подчеркнуто «Навагинского» и сверху написано карандашом: «Тенгинского (?)». На стр. 8 подчеркнуто карандашом: «Лишить его Мартынова чина, Ордена и написать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства». На полях на этой же странице сильно стертым карандашом пометка: «Содержались 1 мес. — Глебова можно перевести из гвардии [неразб. «в армию»?]. Фамилия аудитора неразборчива.

16. 2 лл. 2 стр. Копия, заверенная подписью Ефремова. При ней приложение на 2 лл. 4 стр. Копия, заверенная подписью Ефремова. На стр. 1 подчеркнуто синим карандашом: «не арестованными» и знак вопроса на полях.

17. 2 лл. 2 стр. Штамп Военного министерства. Подписи Чернышева и Ивинского. Наверху стр. 1 штамп Штаба корпуса о получении и карандашная помета: «19 ноября». Внизу помета: «Суд отд.».

18. 2 лл. 3 стр. Штамп Военного министерства. Подписи Чернышева и Ивинского Наверху штамп Штаба корпуса о получении и карандашная помета: «19 ноября». Внизу помета: «Судной части».

19. 2 лл. 2 стр. Штамп Штаба войск Кавказской линии и Черномории. Подписи Граббе и Булгакова. На стр. 1 штамп Штаба корпуса о получении. Слева на полях помета полустертым карандашом: «Донести Г[осподину] В[оенному] М[инистру] и просить распоряжения о взыскании издержанных денег с виновных — уведомить о сем и Г. А. Граббе [одно слово не разобр.]».

20. 1 л. 2 стр. Копия, заверенная подписью Ефремова. На стр. 1 подчеркнуто и отмечено на полях карандашом: «Титулярном Советнике князе Васильчикове».

21. 2 лл. 2 стр. Штамп Штаба войск Кавказской линии и Черномории. Подписи Граббе и Булгакова. Наверху стр. 1 штамп Штаба корпуса о получении. Слева на

полях полустертая помета карандашом: «Дело уже представлено к Г[осподину] В[оен-ному] М[инистру]».

Внутрь описываемого документа вшит присланный вместе с ним «Формулярный список о службе и достоинстве Лейб гвардии Конного полка корнета Глебова». Список датирован 26 октября 1841 г., состоит из 4 листов, прошнурован и с сургучной печатью. Вследствие отправки судного дела в Петербург список остался в архиве Штаба корпуса.

22. 2 лл. 2 стр. Штамп Военного министерства. Подписи Чернышева и Ивинского. Наверху стр. штамп Штаба корпуса о получении, слева на полях карандашная помета: «К сведению».

23. 2 лл. 2 стр. Штамп Военного министерства. Подписи Чернышева и Ивинского Наверху стр. 1 штамп Штаба корпуса о получении.

24. 1 л. 2 стр. Копия, заверенная подписью Ефремова.

Ответы Н. С. Мартынова следственной комиссии и Пятигорскому Окружному суду составляют всего 14 листов бумаги размером 35,5 ×21,5.

1) Черновики ответов Мартынова на вопросы следствия от 17 июля 1841 г. составляют 8 лл. 14 стр. На первых шести страницах находятся только ответы на вопросы (1-ая редакция). Автограф чернилами с большим количеством вставок и исправлений. Несколько мелких поправок карандашом. Стр. 7 чистая, на стр. 8 карандашом текст ответа на запрос следователей о документах, а именно: «Мне еще не высланы»... и до конца, включая подпись (см. выше стр. 52). На стр. 9 карандашом рукою Мартынова же копия текста препроводительной бумаги, при которой были присланы ему вопросы следователей. Продолжение текста на стр. 16. На нижней части стр. 9 карандашом же начало показаний Мартынова: «На сей запрос Господ Следователей имею честь объяс-нить как было дело» и, очевидно, вставка в текст показаний Мартынова к ответу на вопрос восьмой: «иной выходки с его стороны без вреда моей чести я не мог уже делать выбор и вынужденным нашелся принять его предложение». Стр. 10 — чис тая. Стр. 11—15 заняты копией предъявленных вопросов, перемежающихся с ответами на них Мартынова (2-я редакция ответов). Стр. 15 перечеркнута карандаш-ном.

2) Черновики ответов на вопросы Пятигорского окружного суда от 13 сентября 1841 г. находятся на 6 лл. 12 стр. Листы сшиты нитками. Все — автографы Н. С. Мар-тынова. На стр. 1—4 списаны текст отношения и вопросов от имени Пятигорского окружного суда. На стр. 4 после скопированных подписей судьи, заседателя и секретаря стоит пометка — крестик и текст вставки к стр. 14,, вопросу 7, а именно: «по поня-тиям, с которыми мы как будто сроднились мне уже не оставалось другого средства окончить с честью это дело». На стр. 5—7 находятся ответы на вопросы 1—10, написанные частью чернилами, частью карандашом. На стр. 8 — расширенный и чисто переписанный ответ на вопрос 7-й (это 1-я редакция ответов).

На стр.9—12 ответы на вопросы 1—11-й (2-я редакция). Все — чернилами с не-большими поправками карандашом.

Э. Г. Герштейн

ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННИКОВ НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА

(ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ ЕЛАГИНЫХ, БУЛГАКОВЫХ, КАТКОВА И САМАРИНЫХ)

Весть об убийстве Лермонтова Мартыновым распространилась по Москве и Петербургу в начале августа 1841 г. Катастрофа, происшедшая на далеком Кавказе, взволновала многих и вызвала разнообразные толки. Чувство вины и общественной ответственности за гибель поэта, так хорошо выраженное в словах Самарина, усугублялось тем, что смерть Лермонтова была непонятна, заставляла недоумевать и искать истинных причин его гибели.

Наиболее осведомленные и проницательные люди вполне отдавали себе отчет в том, что дуэль Лермонтова с Мартыновым была вызвана не только личной ссорой, но и тем, что в смерти Лермонтова был активно заинтересован сам царь. Об этом скупо, но совершенно отчетливо сказал П. А. Вяземский в «Старой записной книжке», призывая в свидетели кн. А. Н. Голицына, — близко наблюдавшего уже четвертое царствование в России. «Я говорю, что в нашу поэзию стреляют удачнее, чем в Луи-Филиппа. Вот второй раз, что не дают промаха», — повторяет Вяземский фразу, написанную им впервые в письме к А. Я. Булгакову 4 августа, и раскрывает содержание разговоров, о которых он только упоминает в этом письме. «По случаю дуэли Лермонтова, князь А. Н. Голицын рассказывал мне, что при Екатерине была дуэль между князем Голицыным и Шепелевым. Голицын был убит и не совсем правильно, по крайней мере так в городе говорили, и обвиняли Шепелева. Говорили также, что Потемкин не любил Голицына и принимал какое-то участие в этом поединке...»

Из публикуемого ниже письма А. А. Елагина мы видим, что первая часть проводимой Вяземским аналогии между дуэлью Лермонтова и Голицына точна: так же, как в 1775 г. общественное мнение обвиняло в убийстве Голицына Шепелева, — в 1841 г. все считали Мартынова убийцей Лермонтова. Очевидно, что и для второй части параллели — подразумеваемой аналогии между Потемкиным и Николаем I — Вяземский также имел основания.

Здесь не место анализировать сложные политические причины, приведшие Лермонтова к гибели. Из всех приводимых ниже откликов современников ясно одно: смерть Лермонтова воспринималась как злодеяние и произошла непосредственно из-за нарушения элементарных дуэльных правил. А. И. Тургенев не только оплакивал гибель поэта, но и возмущался преступлением. Очевидно, гр. Виельгорская привела в своем письме к Тургеневу данные, позволяющие так квалифицировать эту дуэль. Точно так же и Вяземский подчеркивает бесчеловечность обстановки дуэли. Из письма ясно, что последний абзац является ответом на только что полученное письмо А. Я. Булгакова. Осведомленность московского почт-директора, имевшего широкие возможности получать достоверные сведения и выполнявшего в Москве функции неофициальной устной газеты, не подлежит сомнению. Из ответных писем к Булгакову Вяземского и Тургенева ясно, что А. Я. Булгаков сообщал им те черты

Рисунок М. Ю. Лермонтова карандашом. Сопроводительным автографом Л. Арнольди — И. Е. Бецкому.
18 февраля 1844 г.

поединка Лермонтова с Мартыновым, которые дали современникам право называть эту дуэль убийством.

Лаконичное замечание Вяземского о том, что Лермонтов «сознавался в своей вине», заставляет нас внимательно отнестись к сообщениям менее авторитетных свидетелей—А. А. Елагина и М. Н. Каткова, ценных однако тем, что, сквозь налет юношеских субъективных оценок, они верно отражают общественное мнение. Оба они говорят о том, что Лермонтов просил у Мартынова прощения и выстрелил на воздух.

Такую же картину нарисовал Ю. Ф. Самарин в письме к кн. И. С. Гагарину от 3 августа 1841 г.: «Пишу вам, мой дорогой друг, под тяжким впечатлением только что полученного мною известия. Лермонтов убит Мартыновым на дуэли на Кавказе. Подробности ужасны. Он выстрелил на воздух, а противник убил его, стреляя почти в упор» [1].

Публикуя это письмо в 1894 г., В. А. Бильбасов снабдил его осторожным примечанием: «Таковы первые московские слухи о подробностях дуэли».

Но если мы обратимся к следственным материалам, в частности к показаниям кн. А. И. Васильчикова, мы должны будем прийти к заключению, что первые московские слухи, поддержанные такими именами, как П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, А. Я. Булгаков, К. С. Аксаков, — были верны.

В 1872 г. Васильчиков выступил в печати с рассказом о смертном поединке Лермонтова, в котором изобразил фигуру Лермонтова, оставшегося неподвижным, заслонившегося рукой и локтем как опытный дуэлист и поднявшего пистолет дулом вверх [2]. Но уже через несколько лет, когда биограф Лермонтова П. А. Висковатый обратился к Васильчикову с расспросами об обстоятельствах дуэли, последний прибавил подробность, опущенную им в предыдущем рассказе: «...все не трогаясь с места, он (Лермонтов) вытянул руку к верху, попрежнему к верху же направляя дуло пистолета». «Когда я спросил,—замечает Висковатый, — отчего же он не печатал о вытянутой руке, свидетельствующей, что Лермонтов показывал явное нежелание стрелять, князь утверждал, что он не хотел подчеркивать этого обстоятельства, но поведение Мартынова снимает с него необходимость щадить его» [3].

Ни в первом, ни во втором рассказе Васильчиков не упомянул о чрезвычайно важном обстоятельстве: пистолет Лермонтова после дуэли оказался разряженным. В 1841 г., еще до того, как 21 июля описанные управой пистолеты были доставлены в следственную комиссию, Васильчиков предусмотрительно заявил о своих ответах комиссии 17 июля: «...дойдя до барьера, майор Мартынов выстрелил. Поручик Лермонтов упал уже без чувств и не успел дать своего выстрела: из его заряженного пистолета выстрелил я гораздо позже на воздух» [4].

Описывая подробно через 30 лет после дуэли положение тела убитого, поступки секундантов и даже погоду, Васильчиков никогда нигде не упоминал больше о выстреле на воздух, произведенном им из пистолета Лермонтова. Да и не было больше надобности в этой лжи: вопрос о выстреле Лермонтова больше не подымался, а слухи о дуэли постепенно были забыты. Между тем следственные материалы о дуэли показывают,

---

[1] «Новое слово» 1894 г., № 2, стр. 46—47. Письмо на франц. яз. Цитирую по переводу В. А. Бильбасова.

[2] Кн. А. И. Васильчиков. Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым. «Русский архив» 1872 г.

[3] П. А. Висковатый. Жизнь и творчество Лермонтова. М. 1891, стр. 425.

[4] Военно-судное дело об отставном майоре Мартынове, корнете лейб-гвардии конного полка Глебове и титулярном советнике князе Васильчикове, осужденных первый за дуэль с М. Ю. Лермонтовым, а последние за секундантство. Архив ИЛИ, ф. 524, оп. 3, № 15. Разрядка в приведенной цитате сделана мною. *Э. Г.*

что пункт о выстреле Лермонтова был одним из самых опасных для убийцы и его секундантов [1].

Двусмысленное поведение Васильчикова, обусловленное вероятно заинтересованностью царя в смерти Лермонтова значительно снижает роль личных взаимоотношений между Лермонтовым и Мартыновым. Непосредственный повод к крайнему раздражению Мартынова остается неясным. Однако нельзя пройти мимо упоминаний имени сестры Мартынова в связи с «Княжной Мэри» и дуэлью Лермонтова. В письмах Елагина и Каткова мы впервые сталкиваемся с указаниями современников на этот конфликт. Позднее в лермонтовской литературе 70—90-х гг. неоднократно встречалось сближение сестры убийцы — Натальи Соломоновны Мартыновой с одной из героинь «Княжны Мэри» — Верой. Однако из публикуемого ниже письма А. А. Елагина мы узнаем о распространенном в Москве мнении, отождествляющем Н. С. Мартынову не с Верой, а с княжной Мэри. Очевидно, какие-то факты, дававшие повод семье Мартынова делать такие сопоставления, существовали. Не случайно, что в вариантах предисловия ко второму изданию «Героя нашего времени» мы находим жалобы Лермонтова, главным образом, «на недоразумение публики, не на журналы» [2]. Это предисловие написано весной 1841 года. А в предисловии к «Журналу Печорина», помещенном и в первом издании 1840 г., Лермонтов сам дает право своим читателям находить знакомых в персонажах романа: «Хотя я переменил все собственные имена, но те, о которых в нем говорится, вероятно, себя узнают, и может быть они найдут оправдание поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: мы почти всегда извиняем то, что понимаем».

У нас нет достаточных данных, чтобы установить, в чем именно заключалась признанная Лермонтовым вина его перед Мартыновым. Трудно установить также, в какой мере в 1841 г. Мартынов чувствовал себя оскорбленным за сестру. Частые встречи Лермонтова с Мартыновым в многочисленном кругу съехавшихся в Пятигорске кавказских офицеров и посетителей Минеральных вод, присутствие здесь жандарма Кувшинникова, присланного с специальным поручением, — создали чрезвычайно напряженную атмосферу вокруг Лермонтова. В этой атмосфере прошедший эпизод с сестрой Мартынова мог помочь заинтересованным лицам разжечь ссору его с поэтом.

ИЗ ПИСЬМА АНДРЕЯ ЕЛАГИНА к А. А. ЕЛАГИНУ

22. Авг. [1841 г. Москва]

...Как грустно слышать о смерти Лермонтова и к несчастью эти слухи верны. Мартынов который вызвал его на дуэль имел на то полное право, ибо Княжна Мэри сестра его. Он давно искал случая вызвать Лермонтова и Лермонтов представил ему случай нарисовав карикатуру (он говорят превосходно рисовал) и представив ее Мартынову. У них была картель: Лермонтов выстрелил в воздух а Мартынов подошел и убил его. Все говорят, что это убийство, а не дуэль, но я думаю что за сестру Мартынову нельзя было поступить иначе. Конечно, Лермонтов выстрелил в воздух, но этим он не мог отвратить удара и обезоружить обиженного. В одном можно обвинить Мартынова зачем он не заставил Лермонтова стрелять. Впрочем обстоятельства дуэля рассказывают различным образом и всегда обвиняют Мартынова как убийцу.

[1] См. подробное изложение ответов Мартынова в статье «Суд над убийцами Лермонтова». (Прим. редактора).

[2] Варианты чернового автографа и авторизованной копии. См. Соч. Лермонтова изд. «Academia» 1937, т. V, стр. 461—462

Письмо из фонда Елагиных

Андрей Алексеевич Елагин (1824—1844) — младший сын Алексея Андреевича Елагина и Авдотьи Петровны Елагиной — матери братьев Киреевских. В 1839—41 гг. в салонах Елагиной и Ив. Вас. Киреевского сталкивались будущие западники и славянофилы: Чаадаев, Грановский, Кавелин с Хомяковым, К. С. Аксаковым, Н. М. Языковым. В 1841 г. дом Елагиных особенно часто посещали М. А. Стахович, Д. А. Валуев, братья Бакунины, А. Н. Попов и профессура Московского университета.

ИЗ ПИСЬМА МЕФОДИЯ НИКИФОРОВИЧА КАТКОВА к М. Н. КАТКОВУ

[август 1841 г.] Москва

...Аксаков и Самарин тебе кланяются. Семейство Аксаковых нанимало дачу в 3 верстах от Никольского и я часто видался с Константином. От него я услыхал страшную, убийственную весть, которой я не смел сперва верить, — о смерти Лермонтова. Ты я думаю уже знаешь об этом. Мартынов, брат мнимой княжны, описанной в Герое Нашего Времени, вызвал его на дуэль, впрочем не за нее, а за личные оскорбления, насмешки. Лермонтов, чувствуя себя не совсем правым просил прощения и выстрелил в воздух. «Пускай твоя рука не подымается, моя зато поднимается» и Лермонтов в самое сердце, навылет был прострелен. Вот что пишут в Одесском Вестнике: «15 Июля, около 5 часов вечера, разразилась ужасная буря с молниею и громом: в это самое время между горами Машуком и Бештау, скончался лечившийся в Пятигорске М. Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда бездыханное тело поэта». Как грустно! Теперь русская литература заснет глубоким апатическим сном.

Странно, все русские поэты имеют одинаковую судьбу, все умерли противуестественною смертию (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов).

Мартынов осужден на ужаснейшее, говорят наказание. Лишение чинов и дворянства и несколько десятков лет ссылки в отдаленную крепость на тягостнейшую работу. Его сперва хотели было судить военным судом. Говорят, что Лермонтов слишком много себе позволял оскорблять и насмехаться над всеми, им все недовольны. —

Письмо из фонда М. Н. Каткова.

Мефодий Никифирович Катков — младший брат М. Н. Каткова — бывший в то время студентом Московского университета.

Письмо адресовано в Берлин. Мих. Никиф. Катков в 1840—43 гг. слушал лекции Шеллинга в Берлинском университете.

ИЗ ПИСЬМА [кн. П. А. ВЯЗЕМСКОГО к А. Я. БУЛГАКОВУ

4 августа. [1841 г.] Царское Село

...К. Голицын после завтра оставляет Ц. Село. Он очень доволен своим здешним пребыванием и пользою от мариенбадской воды. Погода опять поправилась. Мы все под грустным впечатлением известия о смерти бедного Лермантова. Большая потеря для нашей словесности. Он уже многое исполнил, а еще более обещал. В нашу поэзию стреляют удачнее нежели в Лудвига Филиппа. Второй раз не дают промаха. Грустно!— ...

...Сей час получаю и письмо твое. Да, сердечно жаль Лермантова, особенно узнавши, что он был так бесчеловечно убит. На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермантова особенно когда он сознавался в своей вине.

Письмо из фонда Булгаковых.

Настоящее письмо приписано к письму А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову из Шапрозе (Франция) от 18/6, 20/8 и 25/13 июля 1841 г. Из текста письма видно, что оно было переслано с оказией в Царское Село к П. А. Вяземскому, а последний направил его со своими приписками в Москву, к А. Я. Булгакову.

ИЗ ПИСЬМА А. И. ТУРГЕНЕВА К А. Я. БУЛГАКОВУ

Августа 26

Champrosay. 1841. Сентября 5

Сейчас милое письмо твое от 8 августа оживило меня, но в ту же минуту получил я и Дебаты и прочел известие о П-бургском пожаре и сердце опять застрадало — хотя и не знает за кого! Ты писал письмо в самый день пожара, прежнего — одного, где ты уже писал о смерти Лермонтова, о коем упоминаешь, я не получал. Есть ли с попутчиком, то могу получить после; на другие я уже отвечал. Гр-я Велгурская уведомила меня уже о смерти Лермонтова и я оплакиваю и талант и преступление.

Письмо из фонда Булгаковых.

ИЗ ДНЕВНИКА Ю. Ф. САМАРИНА

31 Июля [1841]

Лермонтов убит на дуэли Мартыновым!
Нет духа писать!

Лермонтов убит. Его постигла одна участь с Пушкиным. Невольно сжимается сердце и при новой утрате болезненно отзываются старые. Грибоедов, Марлинский, Пушкин, Лермонтов. Становится страшно за Россию при мысли что [упрямый] [жесто] не простой случай а какой-то приговор судьбы поражает ее в лучших из ее сыновей, в ее поэтах. За что такая напасть... и что выкупают эти невольные жертвы.

Бедный Лермонтов. [Он умер в ту минуту как друзья нетерпеливо [на] [нем] от него ожидали нового произведения, которым он расплатился бы с Россиею и замял бы] Он умер оставив по себе тяжелое впечатление. На нем лежит великий долг его роман — Герой Нашего Времени. Его надлежало выкупить и Лермонтов, ступивши вперед, оторвавшись от эгоистической рефлексии, оправдал бы его и успокоил многих. [Теперь его не может оправдать никто]

[ея] В этом отношении участь [Лермонтова] Пушкина была завидна. [Вполне достигший] В полном обладании всех своих сил, всеми признанный, беспорочен и чист от всякого упрека умчался Пушкин и [кроме слез и глубокой горести за себя] кроме слез и [сожалений] воспоминаний на долю [оставшихся] его переживших друзей ничего не осталось. Пушкин не нуждается в оправдании. Но Лермонтова признали не все, поняли немногие, почти никто не любил его. Нужно было [простить] простить ему [много].

Да, смерть Лермонтова поражает незаменимой утратой целое поколение. [Мы должны видеть в ней] Это не частный случай, но общее горе, гнев божий, говоря языком писания, и как некогда при казнях свыше посылаемых небом, целый народ облекался трауром, посыпая [сво главы] себя пеплом, так мы теперь должны [обратиться к себе самим, в себе искать вины] считать себя не безвинными и не просто сожалеть и плакать, но [обратиться [внутрь] к себе самим] углубиться внутрь и строго допросить себя.

Из фонда Самариных.

Страницы из дневника Ю. Ф. Сама[illegible] впервые были опубликованы в его «Сочинениях» в при[illegible] П. С. Гагарину (М. 1911, т. XII, стр. 54—56). Та часть дне[illegible] ются встречи Самарина с Лермонтовым, неоднократно цитировалась и перепечаты валась. Мы публикуем вновь первую часть записи с добавлением пропущенных отры ов. Неопубликованная прежде дата перед записью дает возможность установи что известие о смерти Лермонтова пришло в Москву уже 31 июля

Весь дневник Ю. Ф. Самарина состоит из отрывочных записей и выписок. Тетради 1841 г. подверглась жестокой последующей цензуре. Большинство листов в ней выре ано, из них значительная часть была заполнена текстом карандашом и чернилами Когда и кем были вырезаны эти страницы, установить пока не представляется возможным. Общей участи этой тетради подверглась и запись о Лермонтове. Она обрывается на полуфразе, далее следуют 7 вырезанных страниц вплоть до следующей записи от и 24 октября 1841 г. [1] На некоторых из корешков этих вырезанных страниц заметны следы текста карандашом и чернилами. На последней странице сохранившегося текста о Лермонтове — следы от непросохших чернил следующей вырезанной страницы.

Начатая 31 июля запись прерывается несколько раз переносом на другую страницу с промежуточной чистой страницей [2]

В квадратные скобки заключены зачеркнутые автором слова

[1] В печатном тексте подставлено логическое окончание фразы слово «присутствия»). Сочинения Ю. Ф. Самарина, М. 1911, т. XII, стр. [illegible].

[2] В нашей публикации отделе[illegible] чертой.

В. С. Нечаева

К ИСТОРИИ ТЕКСТА СТИХОТВОРЕНИЯ «ВАЛЕРИК»

(СПИСОК ИЗ АРХИВА Ю. Ф. САМАРИНА)

Среди немногочисленных автографов Лермонтова, хранящихся в Отделе рукописей, черновой автограф стихотворения «Валерик» является наиболее значительным как по размерам, так и по отраженной в нем творческой работе поэта. Так как беловой автограф этого стихотворения неизвестен, а первая публикация его в 1843 г. недостаточно авторитетна вследствие пропусков и обилия опечаток, то черновой автограф приобрел особое значение. Именно по нему публиковался текст стихотворения в наиболее авторитетных изданиях: в академическом издании под ред. Д. И. Абрамовича и в изд. «Academia» под ред. Б. М. Эйхенбаума.

Однако текст черновика, изобилующий поправками, вставками, многочисленными зачеркиваниями, написанный вдоль и поперек страниц и к тому же местами залитый чернилами, очень трудно поддается прочтению. Установить по нему канонический текст стихотворения затруднительно. Результатом явилось то, что и Д. И. Абрамович и Б. М. Эйхенбаум, исходя из текста одной и той же рукописи, дали в своих публикациях ряд разночтений (стихи 75, 79, 96, 141, 190). Можно ли считать, что текст чернового автографа является и окончательным текстом стихотворения, и что Лермонтов более над ним не работал? Сопоставление чернового автографа с текстом стихотворения, напечатанным через два года после смерти Лермонтова (альманах «Утренняя заря» 1843 г.), приводит к убеждению, что для печати был использован текст, имеющий некоторые разночтения с черновым автографом, которые не могут быть объяснены опечатками и редакционными искажениями. Это заставляет предполагать, что был иной автограф «Валерика», несколько отличный от известного чернового автографа. О том же свидетельствует и находящийся в архиве Самариных список этого стихотворения, не привлекавший до сих пор внимания исследователей.

Хотя список, о котором идет речь, не авторизованный, т. е. не имеет следов авторской правки, тем не менее с ним приходится считаться: он идет от Ю. Ф. Самарина, с которым Лермонтов не мало провел времени в Москве во время своего последнего путешествия с Кавказа на север. Мало того, на обложке списка находятся два слова, написанные рукой Самарина: «подарено автором». Что Лермонтов дарил Самарину свои произведения, подтверждает имеющийся в Отделе рукописей подлинный автограф стихотворения Лермонтова «Спор» с такой же пометкой Самарина о происхождении рукописи. «Спор» принадлежит, также как и «Валерик», к последним стихотворениям Лермонтова.

Приведенные соображения позволяют с уверенностью утверждать, что список находился в руках автора стихотворения и, вероятно, был сделан с его автографа или продиктован им. Значение списка в вопросе о каноническом тексте «Валерика» несомненно.

Список представляет собою 6 листов текста и два листа обложки, сшитых в тетрадь [1] Весь текст написан одной рукой, неписарским почерком, без помарок. Тою же рукою на первой странице обложки посредине крупно написано заглавие «В а л е р и к» и мелко внизу страницы: «сочинение М. Ю. Лермонтова». Наверху справа карандашом вышеприведенная помета Самарина.

Текст стихотворения списан не безукоризненно. Есть явные ошибки, может быть результат того, что оригинал трудно поддавался прочтению. Например стих 84:... «Жара уж спала, Ведут коней на водопой», в списке читается: «Жара уж стала»... Стих 194: «На ружья опершись кругом»; в списке: «На ружья спершися кругом». Но такого рода разночтений, за которыми можно подозревать плохо прочитанный текст, не много. Остальные разночтения свидетельствуют, что мы имеем дело с несколько иной редакцией стихотворения, чем та, которая обычно восстанавливается по черновому автографу.

Изложим далее кратко, что нового дает нам изучение списка.

Прежде всего список доказывает, что заглавие стихотворения не придумано редакцией «Утренней зари», впервые напечатавшей «Валерик» [2], а идет от Лермонтова и, следовательно, должно печататься вместе с стихотворением. То, что заглавие отсутствовало в черновом автографе, вполне объяснимо. Далее, в текст стихотворения внесены одиннадцать стихов, которые отсутствуют в публикациях основного текста стихотворения, а обычно выносятся в примечания, как отрывок, зачеркнутый в черновом автографе. Место этому отрывку указывается после стиха 175-го, тогда как в списке этот отрывок следует после стиха 200, что композиционно более оправдано: чрезвычайно интимные строки эти, изображающие личные ощущения Лермонтова, его реакцию на ужасы боя, своего рода нравственное отупение от окружающего, естественно замыкают описание сцен смерти и являются переходом к философскому раздумью («Жалкий человек»... и т. д.). Самый текст этих строк также несколько отличается от зачеркнутого отрывка в черновике, публикуемого в примечаниях как Д. И. Абрамовичем, так и Б. М. Эйхенбаумом. Приводим эти 11 стихов по списку, в контексте стихотворения после описания смерти капитана.

Тоской томимый
Им в след смотрел я недвижимый.
Теперь на самом этом месте
У батареи я прилег
Без сил и чувств. Я изнемог!
Но слышал, как просил картечи
Артиллерист. Он приберег
Один заряд на крайний случай
Уж раза три Чеченцы тучей
Кидали [3] шашки на голо:
Прикрытье все почти легло.
Я слушал очень равнодушно;
Хотелось спать и было душно
Меж тем товарищей, друзей,
Со вздохом возле называли,
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья иль печали.
Уже затихло все...

[1] Бумага обложки и самой рукописи с одним и тем же клеймом. Размер бумаги 26,5×22 см.

[2] См. Собр. соч. Лермонтова, изд. «Academia», т. II, стр. 223: «Впервые — в альманахе «Утренняя заря» на 1843 г., стр. 66—77 (под заглавием «Валерик», придуманным издателями)». В изд. «Academia» стихотворение напечатано без заглавия.

[3] В черновом автографе также совершенно отчетливо написано «Кидали», между тем как и Д. И. Абрамович и Б. М. Эйхенбаум напечатали «кидались».

Дальнейшее сопоставление текста списка с текстом чернового автографа и первопечатным текстом приводит к выводу, что редакция текста списка в некоторых своих вариантах ближе к тексту, напечатанному в «Утренней заре», чем к тексту чернового автографа. Сделаем несколько сопоставлений.

В публикациях по черновому автографу	*В списке и первопечатном тексте:*
Стихи 79	
Их темный и лукавый взор [1]	Их томный и лукавый взор
Стихи 89	
Что вьючить? — Что же капитан?	Что вьючит что ли капитан.
Стихи 126	
Уже в Чечню на братний зов [2]	Уже в Чечню на страшный зов
Стихи 138—142	
Вот ружья из кустов [вы]носят, Вот тащат за ноги людей И кличут громко лекарей; — А вот и слева из опушки Вдруг с гиком кинулись на пушки[3].	Из-за кустов вот ружья носят. За ними тащут и людей И кличут громко лекарей. И вот из леса, из опушки Вдруг с гиком бросились на пушки.
Стихи 190—191	
Постойте — ранен генерал... Не слышат [4].....	Постойте; где же Генерал? Не слышу.....
Стихи 205—207	
Уже затихло все; тела Стащили в кучу; кровь текла Струею дымной по каменьям [5],—	Уже затихло все; тела Изрубленных стащили в кучу. . . . . . Кровь текла Струей багряной по каменьям.
Стихи 251—252	
. . . . . иных тревог Довольно есть.	. . . . . Итак тревог Довольно есть.

Указанные разночтения совпадают с текстом «Утренней зари» и расходятся с черновым автографом, хотя, как мы видим, утверждать это не всегда можно, так как начертание многих слов так неясно, что они по-разному воспроизводятся двумя редакторами текста.

Кроме перечисленных вариантов, в списке есть такие, которые не имеют аналогий ни в черновом автографе, ни в первопечатном тексте.

В публикациях по автографу и в первопечатном тексте:	*В списке:*
Стихи 23—24	
да и точно Я вас никак забыть не мог	да и точно Вас никогда забыть не мог!
Вариант:	
Ну, как же б вас забыть я мог.	

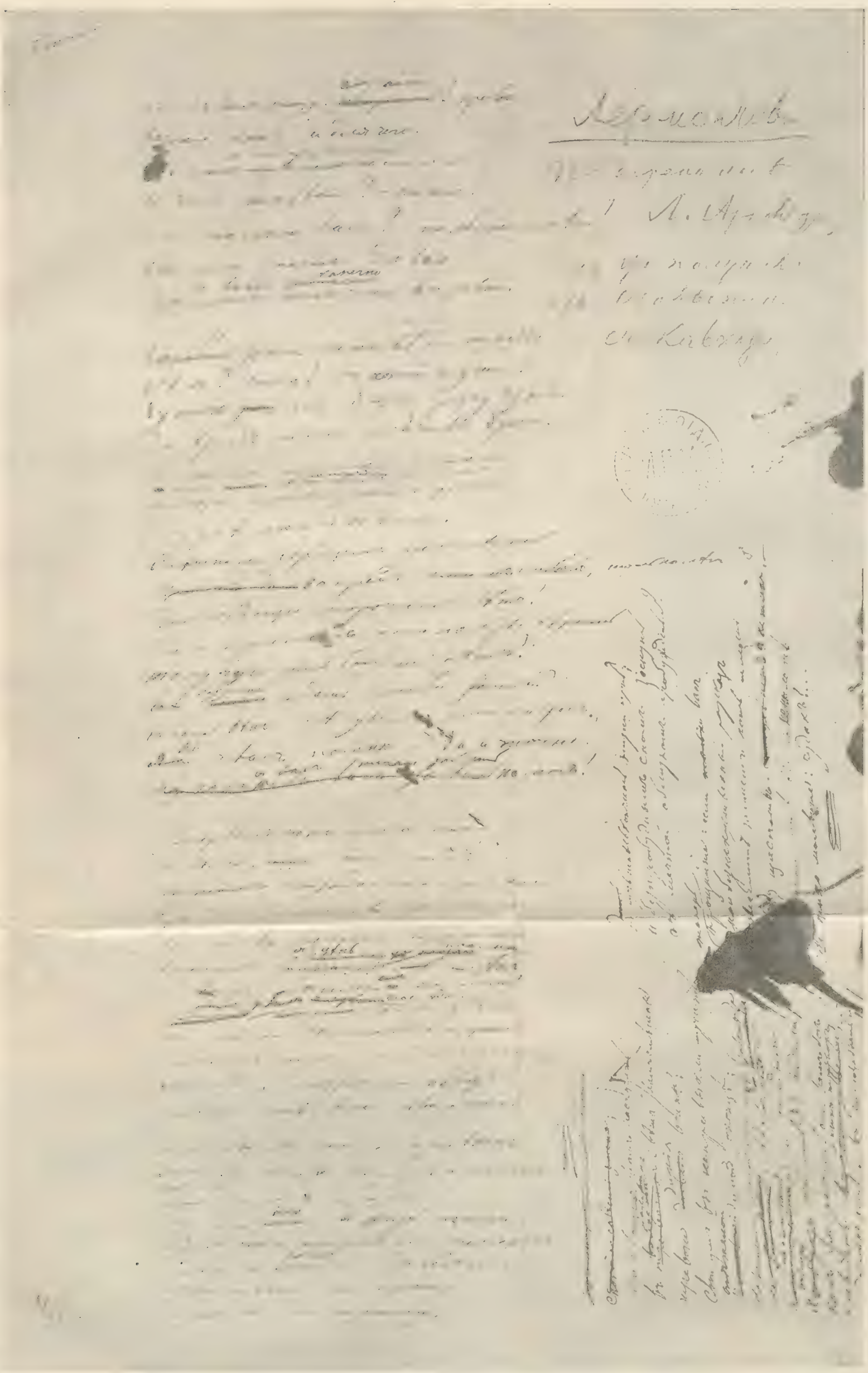
[1] Так у Б. М. Эйхенбаума; у Д. И. Абрамовича — «томный»

[2] У Д. И. Абрамовича напечатано «бранный».

[3] Даем по публикации Б. М. Эйхенбаума. У Д. И. Абрамовича стих 141 читается так же, как в списке. В черновом автографе он не поддается точному прочтению. Также неясны и стихи 138 и 139. Во всяком случае нет «выносят», а есть только «носют».

[4] Цитируем по Б. М. Эйхенбауму. У Д. И. Абрамовича так же, как в списке. В черновом автографе эти строки залиты чернилами и не поддаются прочтению.

[5] Так читаются эти строки у Б. М. Эйхенбаума и Д. И. Абрамовича. Между тем начертание этих строк в черновом автографе иное. Там нет соединения в одну строку «Стащили в кучу» — «Кровь текла» и не зачеркнуто слово «изрубленных».



Автограф черновой стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик». 1840 г. (первая страница).

Стих [illegible]

То иль другое наказанье Не все-ль одно? Я жизнь постиг.	Другое ль, то ли наказанье? Не весело: я жизнь постиг.

Вариант:

Одно другое ль...

Стих 69

Как там дрались, как мы их били[1]	Как дрался, как мы их били

Стих 92

Подъем ударил барабан.	Пойдем, ударим в барабан.

Стих 148

Еще подвинулись,—молчат.	Еще подвинулись назад.

Стих 254

И беспробудным сном заснуть.	И непросыпным сном заснуть.

Кроме процитированных разночтений, имеются и другие, более мелкие: поскакал — проскакал; глядим — глядишь; дружнее! — раздалось — дружней! раздалося; зачерпнуть — почерпнуть; две ранки — две раны и др.

Редакторы вновь подготовляемых изданий Лермонтова при установлении для печати текста стих. «Валерик», несомненно, должны будут помимо чернового автографа стихотворения привлечь и список его, подаренный Лермонтовым Самарину. Значение списка особенно важно для установления заглавия произведения и для определения текста тех стихов, которые не поддаются прочтению или вызывают сомнения в черновом автографе. Должен быть поставлен также вопрос о включении в основной текст стихотворения одиннадцати стихов, зачеркнутых в черновом автографе, но нашедших свое место в тексте самаринского списка.

[1] Интересно отметить, что в тексте «Утренней зари» следующий стих: «Как доставалося и нам» — был пропущен. Далее стих 75 Б. М. Эйхенбаум начинает с «А вот...» В черновом автографе несомненно: «И вот...». То же у Д. П. Абрамовича, в первопечатном тексте и в списке

В. С. Любимова-Дороватовская

СПИСКИ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»

(ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ)

I

Появление в конце 30-х, а затем в 40-х и 50-х гг. прошлого столетия многочисленных списков поэмы Лермонтова «Демон» объясняется тем, что по цензурным условиям поэма долгое время не могла быть напечатана полностью.

Впервые она была издана за границей в Карлсруэ в 1856 г., по инициативе А. И. Философова, т. е. через 15 лет после смерти ее автора [1]. В том же году она появилась в Берлине [2], а в 1857 г. вышла в Карлсруэ и в Берлине 2-м изданием.

В России попытку полностью опубликовать «Демона» сделал А. А. Краевский в «Отечественных записках» в начале 1842 г., но поэма была запрещена цензурой [3]. Через несколько месяцев Краевский все же поместил в своем журнале «Демона», но с выпуском целых глав и даже без заглавия: «Отрывки из поэмы в двух частях М. Ю. Лермонтова». В 1-й части была выпущена гл. IX, во 2-й части главы: II, V—XII и конец главы XIV («Отечеств. записки» 1842 г., т. XXII).

Только в 1860 г. впервые в России был напечатан полный текст поэмы, в 1 томе Собрания сочинений М. Ю. Лермонтова, под ред. С. С. Дудышкина [4].

Таким образом, в течение 20 лет русские читатели не могли бы прочесть знаменитую поэму, если бы, минуя цензуру, она не распространялась в рукописных списках, образуя тем самым особую страницу в истории текста поэмы Лермонтова.

Списки эти значительно расходились между собою по содержанию, что происходило оттого, что при жизни Лермонтова поэма не была напечатана, а авторитетные рукописи последней редакции 1841 г. оказались потерянными.

[1] Демон. Восточная повесть, сочиненная Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Переписана с первой своеручной его рукописи, с означением сделанных им на оной перемарок, исправлений и изменений. Оригинальная рукопись так чиста, что, перелистывая оную, подумаешь, что она написана под диктовку, или списана с другой. Сентября 13-го 1841 года. Карлсруэ. В Придворной Типографии В. Гаспера 1856 г. 58 стр.

[2] Демон. Поэма М. Ю. Лермонтова. Берлин. F. Schneider & Comp. Печатана в типографии К. Шультце в Берлине. 1856 г. 57 стр.

[3] См. письмо В. Г. Белинского к И. И. Ханенко 8/II 1842 г.: «Демон Лермонтова запрещен в «О. З.», где был напечатан целиком». (Письма В. Г. Белинского, изд. 1914 г., т. II).

[4] Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным. Том I с портретом поэта, гравированным профессором Ф. Норданом, и двумя снимками с почерка Лермонтова. С.П.Б. Изд. книгопродавца А. И. Глазунова. В типографии И. И. Глазунова и К°. 1860 г.

Проф. Д. И. Абрамович приводит 17 известных списков поэмы, включая сюда и первые заграничные издания, напечатанные с потерянных в процессе печатания списков [1]. На те же 17 списков ссылается и проф. Е. В. Аничков в своей работе «Методологические замечания к тексту Демона» [2].

Ценность списков в смысле их авторитетности весьма различна. Наиболее авторитетными признаются: сохранившаяся авторизованная копия 1838 г. (принятое ее обозначение: В. 38) и карлсруйские издания 1856 и 1857 гг., как набранные с вполне достоверных списков. Остальные списки, имея второстепенное вспомогательное значение при изучении текста поэмы, дают интересный материал к вопросу о бытовании поэмы в читательской среде, главным образом 40-х и 50-х годов; они нередко сопровождались репликами и примечаниями переписчиков.

По содержанию списки делились между двумя редакциями поэмы — 1-й и 2-й.

Первая редакция восходит к авторизованной копии «Демона», хранящейся в Рукописном отделении Госуд. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Заглавие поэмы, а также дата на обложке — «1838 г. сент. 8 дня» — написаны рукой Лермонтова. Рукопись была передана в Публичную библиотеку П. А. Висковатовым со следующей пометкой: «В Импер. Публ. Библиот. Из рукописей Варвары Алекс. Лопухиной (Бахметевой), сохранившихся у брата Алексея Александр. Лопухина. Рукопись унаследовал сын его и передала мне жена последнего Елиз. Дм., рожденная Голохвастова. Пав. Висковатов» [3].

Это важный документ в истории текста «Демона». Авторитетность его несомненна.

Вторая и последняя редакция «Демона» 1841 г. была в двух рукописях. Во-первых, автограф, привезенный Лермонтовым с Кавказа в начале 1841 г., который был поправлен его рукой, когда рукопись потребовали для прочтения ко двору (находилась впоследствии у Д. А. Столыпина); во-вторых, копия с него, которая после прохождения через цензуру была представлена «высоким особам», — так называемая «придворная копия».

Кроме того, имелись еще два списка с придворной копии: поднесенный Лермонтовым бабушке Е. А. Арсеньевой и увезенный ею в Тарханы, и список, посланный поэтом В. А. Бахметевой, которая впоследствии подарила его А. М. Верещагиной-Гюгель. Эти списки и послуживший для них оригиналом автограф были потеряны, но с них печатался «Демон» за границей.

Карлсруйское издание 1856 г. печаталось по списку А. М. Верещагиной-Гюгель и было дополнено вариантами из автографа Лермонтова, посланного в Карлсруэ Д. А. Столыпиным. Второе карлсруйское изд. 1857 г. печаталось уже с упомянутого выше автографа Лермонтова, как о том свидетельствует надпись, сделанная Д. А. Столыпиным на одном экземпляре изд. 1857 г.

Оба эти издания признаются наиболее авторитетными.

Берлинское издание печаталось по одному из списков, примыкающему к 1-й редакции. (По указанию проф. Е. В. Аничкова, это издание соответствует списку, бывшему в руках поэта Боденштедта).

Первая полная редакция «Демона», напечатанная в России в 1860 г., была повторением карлсруйского издания 1857 г.

[1] Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, под ред. проф. Д. И. Абрамовича. Изд. разряда изящной словесности Имп. Акад. Наук 1916 г., т. II. Примечания к поэме «Демон».

[2] Статья помещена в «Известиях отделения русского языка и словесности» 1913 г., т. XVIII, кн. 3.

[3] Рукопись напечатана П. А. Висковатовым в «Русском вестнике» 1889 г. март. Разночтения ее с текстом 2-й ред. (по карлсруйскому изд. 1856 г. приведены Б. М. Эйхенбаумом в примечаниях к «Демону» в III томе полного собр. соч. Лермонтова под его редакцией (М. 1935 г.).

Большинство исследователей и редакторов Лермонтова (Арс. Введенский, Д. И. Абрамович, Е. В. Аничков, С. В. Шувалов, Б. М. Эйхенбаум), сходясь в том, что «Демон» должен печататься по тексту 2-й редакции 1841 г., расходятся, однако, в вопросе о наиболее авторитетном варианте 2-й редакции. Так, например, Б. М. Эйхенбаум находит, что «Демон» должен печататься по карлсруйскому изд. 1856 г., но с включением в него диалога Демона и Тамары о боге, который, по его мнению, был выпущен в придворном списке по цензурным соображениям. С. В. Шувалов доказывает, что поэма должна печататься по карлсруйскому изданию 1856 г. без всяких дополнений, так как диалог Демона с Тамарой был выключен Лермонтовым как противоречащий смыслу последней редакции. Д. И. Абрамович считает наиболее авторитетным текстом корректуру Краевского. (Мнение Д. И. Абрамовича было с достаточной убедительностью опровергнуто Б. М. Эйхенбаумом, С. В. Шуваловым и Е. В. Аничковым.) Наконец, Е. В. Аничков предлагает в строго научном издании сочинений Лермонтова на равных правах печатать 3 текста: копию 1838 г. (В. 38), берлинское изд. 1856 г. и карлсруйское изд. 1856 г. с включением в него в «легких скобках» диалога Демона и Тамары о боге [1].

По содержанию 1-я и 2-я редакции поэмы «Демон» сильно между собой разнятся. Различный смысл поэмы главным образом сказался в ее окончании.

Первая редакция проникнута дуализмом. О судьбе «души» Тамары после ее смерти ничего не известно. Роль Ангела до конца пассивна. Момент борьбы Демона и Ангела не развит. После погребения Тамары Ангел молится у ее могилы, Демон, пролетая мимо, «упрекает» его «горькой улыбкой».

Во 2-й редакции Тамара «спасена». Ангел уносит ее душу на небо, в последней борьбе Демон оказывается побежденным.

Первая редакция «Демона», восходящая к авторизованной копии 1838 г. (В. 38), при наличии 2-й редакции не печаталась наравне с текстами, приближающимися к каноническому, зато в рукописных списках ей уделено было достаточно внимания.

II

В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится несколько списков поэмы Лермонтова «Демон», которые могут значительно пополнить число известных уже списков поэмы. Четыре из них не упоминались и не описывались исследователями, интересовавшимися списками «Демона»; пятый список, Белинского, был хорошо известен. Все эти списки принадлежат к разряду тех, которые представляют исключительно литературно-бытовой интерес.

За № 4609 в Отделе рукописей хранится тетрадь, переплетенная в зеленый кожаный переплет (размер 21,2×13) с тонкой золотой каймой. В середине верхней крышки переплета золотом вытеснено название: «Демон». Содержит 30 листов (53 стр. текста, остальные страницы —

---

[1] Подробно историю текста поэмы «Демон» и его первых публикаций, а также материал к спору о том, по какому тексту следует печатать «Демона», см. в след. работах: Б. М. Эйхенбаум. Комментарии и варианты «Демона» в III томе Полного собр. соч. М. Ю. Лермонтова под ред. Б. М. Эйхенбаума, 1935 г. Его же — О текстах Лермонтова, «Лит. наследство» 1935 г., т. 19—21. С. В. Шувалов — «Новый Лермонтов» «Лит. критик» 1936 г., кн. III. Его же — По какому тексту следует печатать лермонтовского «Демона», Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. 1934 г. Его же — «К вопросу о тексте последней ред. поэмы Лермонтова «Демон». Сборник «Беседы» I, М. 1915 г. Д. И. Абрамович — Примечания к «Демону» во II томе Полного собр. сочинений Лермонтова под ред. Д. И. Абрамовича. Изд. Акад. Наук 1916 г. Е. В. Аничков — Методологические замечания о текстах «Демона». Известия Отделения русского языка и словесности. 1913, т. XVIII, кн. 3.

чистые). На внутренней обложке еще раз повторено название: «Демон. Поэма Лермонтова». Под заглавием эпиграф:

«Демон, Демон, рифмобесья
Отлети далеко прочь;
В подземелье, в поднебесья
Ты меня не увлечешь».

На оборотной стороне переплета монограмма, сделанная тушью из букв К. С. Г. На последней, 53 стр. помета: «30 ноября 1847 г. Писал М. Ф. К...ъ».

Тетрадь, красиво оформленная, предназначалась, повидимому, для подарка. Эпиграф, вероятно, сочинен переписчиком. В списке нет разделений на главы, но есть разделения на две части. По содержанию текст списка представляет собой соединение 1-й и 2-й редакции поэмы, с преобладанием особенностей 2-й редакции.

Например, в нем имеется характерный для 2-й редакции конец (гл. XVI по изд. 1856 г.: «В пространстве синего эфира»), но сохранено также и начало окончания 1-й редакции («Едва на жесткую постель...»), а самый конец этой главы отброшен, так как он противоречил бы принятому в списке окончанию 2-й редакции. Диалог Тамары и Демона о боге («Он занят небом, не землей») — пропущен, как в придворном списке 1841 г. и как в списке 1838 г. Имеются и мелкие разночтения, хотя и незначительные, которые могут быть отнесены к опискам или ошибкам, — например: «И к у ш а роз...» (соответствует стиху 58) [1]; «Он презирал, о н ненавидел...» (соответствует стиху 88); «То прежних б р а т ь е в вспоминая» (стих 160); «О еслиб ты могла п о з н а т ь...» (стих 657); «Как полон был смертельным а д о м» (стих 1026).

№ 3166. Тетрадь, переплетенная в коричневый коленкоровый переплет. Размер 42×17,6. На переплете черными буквами вытеснено: «Демон Лермонтова». Под заглавием виньетка. На внутренней обложке написано чернилами: «Демон. Поэма Лермонтова. Глав V, VI, VII, VIII, IX, XI и XII нет в печати. 1859 г.».

В тетради 24 лл. В тексте главы названы «частью». Текст «Демона» кончается на 23 листе. В конце его приклеен сведенный на кальку автограф Лермонтова: «M Lerma». На обратной стороне 23-го листа приклеен сведенный на кальку автограф стихотворения «Я жить хочу...» На 24-м листе списано стихотворение «Раскаяние» и приклеен сведенный на кальку автограф стихотворения «Расстались мы...» В углу того же листа заметка: «В октябре 1859 г. Москва. Понедельник $1^1/_2$ ч.». На оборотной стороне переплета написано: «1893 г. от К. Труша». На первом листе повторена та же надпись: «В дар Румянцевскому Музею в Отделение рукописей 9 мая 1893 г. Константин Труш» [2].

В тексте встречаются позднейшие пометки лиловыми чернилами, с указанием некоторых разночтений с русскими изданиями поэмы.

Этот поздний список «Демона», сделанный за год до опубликования полной его редакции, имеет некоторые черты более глубокого интереса к Лермонтову, о чем свидетельствует выразившаяся здесь потребность видеть автографы поэта. Переписчик, повидимому, был знаком с существующими публикациями отрывков «Демона» и отметил главы, пропущенные по цензурным условиям в «Отечественных записках».

По содержанию этот список также является соединением 1-й и 2-й редакций, но, в противоположность списку № 4606, характерные особенности обеих редакций соединены здесь, невзирая на то, что они противоречат друг другу. Так, например, целиком переписаны одно вслед за другим окончания обеих редакций. Начало II части (обращение Тамары

[1] Стихи указаны по изд. под ред. Б. М. Эйхенбаума 1935 г.

[2] В «Отчете Моск. Публичного и Румянцевского музеев за 1892—1894 гг.» имеется описание этой тетради под № 26 (3166).

к отцу — по изд. 1935 г. гл. 1 часть II: «Отец, отец, оставь угрозы») и похороны Тамары даны по списку 1838 г. Но в то же время включен диалог Тамары и Демона о боге, являющийся характерной особенностью одного из вариантов 2-й редакции (воспроизведенной в карлсруйском издании 1857 г.). В этом списке есть разночтение, которое ни в каких других известных списках не встречается: «Зурны согласное бряцанье» [1] (стих 525).

№ 1205. Листы пожелтелой писчей бумаги, сшитые в тетрадь (размер 11×18,5), без переплета, без обложки и без даты. Тетрадь содержит 22 лл. (44 стр.). В конце текста «Демона» (л. 21) следующая реплика, написанная в семинарском стиле и представляющая собой несколько неожиданное восприятие «Демона», запрещенного цензурой:

«Прекрасно! Душа Тамары не должна была оставаться в руках Демона; она принадлежала христианке, которая прежде должна предстать суду бога. Демон не мог явиться на небо, как отверженец, а потому Херувим с душой страдалицы летел от земли. Тамара только по определению божию, а не дьявольскому, должна быть в раю или в аду».

После реплики переписано посвящение «Демона»: «Я кончил — и в груди невольное сомненье», со следующей заметкой: «Посвящение, переписанное в конце одного из экземпляров поэмы «Демон».

По содержанию список очень близок к тому варианту 2-й редакции, который был напечатан в карлсруйском изд. 1856 г. «Посвящение», переписанное в конце поэмы, но отсутствующее в заграничных изданиях 1856 и 1857 гг., было впервые напечатано в «Отечественных Записках» 1843 г., № 6. Между обоими текстами имеется, однако, небольшое различие: пропуск слова. В «Отечественных Записках» читаем: «Наложишь на нее тяжелую печать», в списке: «Наложишь на нее печать». Очевидно, у переписчика был какой-то оригинал с этим посвящением, что подтверждается и его замечанием: «Посвящение, переписанное в конце одного из экземпляров поэмы «Демон».

К спискам «Демона» могут быть отнесены и отрывки из поэмы, приведенные в одном из писем А. А. Елагина [2] к своей семье в Москву из имения Петрищева, Белевского уезда. Письмо это предположительно датируется 1842 г. Оно написано на 6 лл. и 12 страницах голубой почтовой бумаги (размер 21×13).

Отрывки из поэмы «Демон», чередующиеся с репликами и замечаниями автора письма, переписаны на стр. 2—8-й и всего занимают 7 страниц. Письмо показывает, насколько широкое распространение получила в начале 40-х годов поэма Лермонтова, если в списках она проникала даже в провинцию. Известен факт, что в 1841 г. Белинский, через Кольцова, пытался выписать «Демона» из Воронежа [3].

Переписывая для своей семьи поэму, потому что она была знаменита, А. А. Елагин не восхищается ею. Письмо начинается так:

«Я писал уже к Вам, что здесь появилась Лермонтова поэма «Демон» в двух песнях. Хотел было списать ее для вас, но она показалась мне в целом, не скажу слабою, потому что много блестящих описаний, но посредственною; к тому же список не верен, есть места без всякого смысла». Последнее замечание подтверждает известный в литературе о Лермонтове факт о существовании совершенно искаженных списков поэмы. Однако по отрывкам, приведенным Елагиным, можно предполагать, что у него был один из вариантов 2-й редакции поэмы.

После несколько иронического изложения содержания поэмы, Елагин переписывает отрывки из нее не в последовательном порядке, а по степени

---

[1] Разночтения списков приведены в изд. соч. Лермонтова под редакцией проф. Абрамовича, т. II, Примечания.

[2] Алексей Андреевич Елагин (ум. в 1846 г.), помещик, второй муж Авдотьи Петровны Елагиной (1789—1887), матери братьев Киреевских.

[3] См. письма А. В. Кольцова к Белинскому от 18 дек. 1841 г. и 27 февр. 1842 г. Академич. изд. Сочинений А. В. Кольцова, стр. 265 и 268.

их поэтической ценности, с его точки зрения. Прежде всего он цитирует целиком XI гл. II части («И он слегка коснулся жаркими устами»...). Затем следует глава XVI («В пространстве синего эфира»...), которой предшествует следующая реплика: «Описание встречи Ангела с чертом мне показалось лучше другого». Дальше целиком переписываются те главы «Демона», в которых имеется описание кавказской природы, начиная с эпилога («На склоне каменной горы»), который, по словам Елагина, «как верный список с дикого и прекрасного подлинника — не дурен», и кончая «описанием Кавказа, каким он казался черту сверху» (гл. I, II, III). Дальше следует отрывок VI главы II части («Уж много дней она томится»), монолог Демона «Я тот, которому внимала» и «клятва» Демона. В конце письма Елагин замечает, что «целое не производит сильного действия» и потому поэму он дает лишь в отрывках.

III

Наибольший интерес из хранящихся в Отделе рукописей списков «Демона» представляет список, под № 3151, сделанный рукой В. Г. Белинского. Он рисует отношение к поэме одного из самых замечательных читателей того времени.

Это тетрадь в зеленом сафьяновом переплете (размер 21,9×17,7), с золотым тиснением в виде орнамента, окаймляющего переплет, и с золотым обрезом. В середине переплета золотом вытиснено заглавие: «Демон. Поэма Лермонтова». Внизу буквы: М. О. Переплет подклеен белой муаровой бумагой. В тетради 37 лл. Рукой Белинского исписано 35 лл., два листа остались чистыми и ненумерованными. На последних четырех листах, нумерация которых начата заново (лл.1—4), переписаны некоторые варианты поэмы с пояснениями Белинского. На обороте внутренней обложки следующая надпись рукой Г. А. Джаншиева [1], датированная августом 1891 г.:

«Настоящий манускрипт весь собственноручно написан В. Г. Белинским в 1842 г. для своей невесты Марии Васильевны Орловой. После смерти ее, последовавшей в 1890 г., рукопись перешла к сестре покойной Марии Васильевны — Аграфене Васильевне, с которой я познакомился в конце 1890 г. в бытность свою на о. Корфу. Летом 1891 г. А. В. Орлова прислала мне этот манускрипт для принесения в дар Румянцевскому Музею.

Григорий Джаншиев. Москва, Август 1891 г.».

В отчете «Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1892 г.» (стр. 72) дано описание этой тетради и упомянуто, что список Белинского был использован в издании «Демона» Кушнерева и Прянишникова, а сопроводительное письмо Белинского к М. В. Орловой было напечатано Г. А. Джаншиевым в сборнике «Помощь голодающим» М. 1892 г.

Во II томе Сочинений М. Ю. Лермонтова, изд. И. М. Кушнерева и К° и книжного магазина П. К. Прянишникова (М. 1891 г.), «Демон» напечатан по тексту, близкому к карлсруйскому изданию, а в конце тома, в примечаниях, сделанных П. Канчеловским, приведены разночтения списка Белинского и публикуемого текста. Приведены также варианты, указанные Белинским, и пояснения к ним [2].

Список Белинского имел специальное назначение. Он делался для М. В. Орловой, в то время классной дамы Александровского института в Москве, с которой Белинский уже в течение 7 лет поддерживал друже-

[1] Г. А. Джаншиев (1851—1901), публицист, юрист по образованию. Постоянный сотрудник «Русских ведомостей», «Русской Мысли», «Вестника Европы». Его работы главным образом посвящены вопросам, связанным с реформами 60-х гг. Наиболее известны: «Эпоха великих реформ», «Основы судебной реформы» и «А. М. Унковский и освобождение крестьян».

[2] Кроме того, список Белинского упоминается в примечаниях к «Демону» во II томе Собр. соч. Лермонтова под редакцией Д. И. Абрамовича и в статье Е. В. Аничкова «Методологические замечания к тексту «Демона», см. примечание на стр. 3.

ские отношения, а теперь задумал на ней жениться. Поверенным своим он выбрал старого друга, В. П. Боткина, который жил в это время в Москве и должен был передать М. В. «заветную тетрадь». Письма Белинского к Боткину по этому поводу полны волнений, надежд и робости. Подарок М. В. Орловой он готов был считать с своей стороны «дерзостью», но связывал с ним большие надежды.

«Коротко и ясно Боткин: я схожу с ума́, и свались мне с неба тысяч около десяти... зови попов... Отдам «Демона» своего в хороший переплет и препровожу с «посланием» — будь, что будет, а надо завязать узел и пусть судьба развязывает его, как хочет — хуже не будет». (17 марта 1892 г.) [1]

Переписка «Демона» была закончена 16 марта 1842 г., тетрадь отдана в красивый переплет и 4 апреля послана в Москву на имя В. П. Боткина, который, «не распечатывая посылки», должен был передать ее по назначению; потом, под каким-либо предлогом, вторично зайти к М. В. Орловой, чтобы посмотреть, каков будет результат «дерзкого послания».

«Известие о доставлении посылки жду, как черт знает чего. Не глупец ли! Так мало надеялся, или — лучше сказать — так холодно, спокойно и уверенно не недеялся, и так еще суетиться и ребячиться! Так то играет нами жизнь!» — писал Белинский Боткину в апреле 1842 г. [2]

Сопроводительное письмо от 4 апреля 1842 г., ошибочно датированное Белинским 4-м марта, было написано на красивом листе почтовой бумаги с вытисненным на 1-й странице орнаментом (фототипию его см. в сборнике «Помощь голодающим», 1892). Как видно из этого письма, предлог для подарка М. В. Орловой был выбран Белинским, — благодарность за вышитый для него бумажник.

«Мне стало немножко совестно, — писал Белинский, — когда, раскрывши довольно красиво обделанную тетрадку, я вдруг увидел свои каракули, дико-странные и безобразные, подобно мне самому; но если я узнаю (разумеется, от вас самих), что вы в этих каракулях увидели именно то, что должно в них увидеть — желание небольшим и приятным для меня трудом выразить вам мою благодарность за ваше незаслуженное мною внимание ко мне, — то нисколько не раскаюсь в том, что не нанял для переписки поэмы хорошего писца».

В. П. Боткин лично исполнил поручение друга и в письме от 22 апреля 1842 г. [3] дал, как того требовал Белинский, полный отчет о своем посещении М. В. Орловой.

Повидимому, список «Демона» оправдал возлагаемые на него надежды. Летом 1843 г. Белинский ездил в Москву для свидания с М. В. Орловой, сделал ей предложение, а в ноябре 1843 г. женился.

В тот момент, когда Белинский в марте 1842 г. переписывал «Демона», в руках у него было два списка поэмы.

Помимо того, что об этом свидетельствуют варианты, данные в конце тетради, имеется и прямое указание в письме к Боткину от 17 марта 1842 г.: «Я только вчера кончил переписывать его «Демона» с двух списков, с большими разницами». Кроме того, возможно, что Белинский, ближайший сотрудник «Отечественных записок», был знаком и с «корректурой Краевского», сохранившейся после цензурного запрещения и представляющей собой вариант 2-й редакции поэмы. Таким образом, Белинский мог в это время видеть несколько вариантов «Демона». Тем больший интерес приобретает вопрос о том, какому списку отдано было им предпочтение [4].

---

[1] «Письма Белинского» под ред. Ляцкого, изд. 1914 г., т. II.

[2] «Письма Белинского», под ред. Ляцкого, изд. 1914 г., т. II.

[3] Там же, Примечания.

[4] Несколько позднее у Белинского был еще один список «Демона», как это можно видеть из его письма к Н. А. Бакунину от 7 ноября 1842 г.: «Демона» я тоже достал полного — лучше чем тот, которого списал у меня Федор Константинович; я уже отдал его переписывать, привезу в Торжек и оставлю его там».